Библиотека Владимира Авдеева

Генрих ХЕРТЛЕ

Идеологические основы Большевизма, Марксизма, Ленинизма, Сталинизма

Москва
2027

УДК 613.2
ББК 51.230
Х 18

Хертле Г.
Х 18 Идеологические основы Большевизма, Марксизма, Ленинизма, Сталинизма («*Библиотека Владимира Авдеева*»). – Москва, 2027. – 208 с.

Среди авторов, работы коих так или иначе В.Б.Авдеев «планировал к публикации», был проф. Генрих Хертле (нем. Heinrich Härtle; 24 февраля 1909, Ашау-им-Кимгау, Бавария — 11 января 1986, Мюнхен, Бавария).

Генрих Хертле в качестве идеолога в период Третьей Империи основную известность получил как эксперт по марксистско-ленинской политической философии и идеологическим вопросам, связанным с противостоянием большевизму. В 1944 году Хертле возглавил «Сообщество по изучению міровой большевистской опасности» и выпустил обобщающую работу на эту тему — «Идеологические основы большевизма» (1944). Перевод этой книги и составляет основу настоящего издания серии «Библиотека Владимира Авдеева».

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....4
I. МАРКСИЗМ.....7
II. ЛЕНИНИЗМ.....54
III. СТАЛИНИЗМ.....106
IV. СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.....151
V. КУЛЬТУРА И ВАРВАРСТВО.....177

ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА АВДЕЕВА: ГЕНРИХ ХЕРТЛЕ.....196

«Марксизм - это жестокость,
возведенная в ранг «религии».
Розенберг, 1922 год

Предисловие

Большевизм нельзя назвать духовным движением. Его внешние черты - примитивность и жестокость. И в этом отношении он является продолжением и усилением марксизма. Тем более удивительно, что истоком этого движения, кажущегося «отчужденным от духа», является абстрактная доктрина, теория Карла Маркса. Марксизм начинается не как рабочее движение и не как социальное движение, ибо он уже нашел и то, и другое. Большевизм начинается с марксистской теории, с «философии» Маркса и Энгельса.

Кажется почти парадоксальным, что это пролетарское восстание берет своё начало в интеллектуализме, который трудно превзойти.

Для большевизма дух - это «функция материи», надстройка экономических условий. Тем не менее, эта «надстройка», дух, низведенный до функции, определяет форму и содержание марксизма. Самые упрямые материалисты объявляют себя носителями теории, и первое их выступление происходит под именем «науки». Марксизм отрицает религиозное, он также никогда не находил положительного отношения к искусству, злоупотреблял им как средством агитации, но с самого начала он выступает с пафосом науки. Как представитель научного прогресса, он хочет освободить человечество от предрассудков буржуазного мировоззрения, от отсталой идеалистической философии. Но в особенности он хочет освободить всех от религиозных суеверий, от антинаучного и донаучного мировоззрения церкви. Революция пролетариата объявляет себя практически тождественной «революции науки», марксизм - это наука. Именно так марксизм хочет отличиться от других «социалистических» групп: он пер-

вым возвел социализм в ранг науки: «Развитие социализма от утопии к науке» - так называется одна из первых работ Энгельса, который до сих пор почитается в Москве как один из пророков большевизма наряду с Марксом. Патетически утверждает Энгельс в предисловии к первому изданию этой работы: «Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля». Однако решающим теоретиком является Карл Маркс. Он фактически отождествляет пролетариат и философию: «Как философия находит свое материальное оружие в пролетариате, так пролетариат находит свое духовное оружие в философии, и как только молния мысли основательно ударит в эту наивную почву народа, произойдет эмансипация немцев в людей... Голова этой эмансипации - философия, её сердце - пролетариат. Философия не может осуществить себя без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя без осуществления философии». С тех пор на землю хлынул поток марксистской литературы. Марксизм перешел с улицы пролетариата и проник в школы и университеты.

Все отклонения от первоначального марксизма использовали и научный материал, например, так называемый ревизионизм Бернштейна и Каутского. Наряду с уличными террористами появились интеллектуальные доктринеры, литераторы и преподаватели марксизма. Марксизм и в Германии поглотил старую социологию и, в частности, экономику, так что почти все кафедры этого предмета он делил только с либерализмом.

Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин не являются выходцами из пролетариата. Однако все вместе они делают гораздо больший акцент на маске ученого, чем на пролетарских манерах. Ленин, в частности, играет роль человека книги столь же сознательно, как и роль анархиста и убийцы. В своей работе 1909 года «Материализм и эмпириокритицизм - критические замечания по поводу реакционной философии»

он пытается философски «рассмотреть эмпириокритицизм Маркса. При этом Маркс подает его лишь как разновидность буржуазной философии. В действительности его аргументация направлена не только против Маркса, но прежде всего против всякой философии его времени, не сводимой непосредственно к Марксу, а также против его современников-марксистов, которые совершили преступление, отклонившись от исходной марксистской линии и присвоив себе свои собственные мысли.

В этом сочинении все философские проблемы міра решаются по-марксистски. В своих выступлениях и трудах, насчитывающих более десятка томов, Ленин неоднократно пытается играть роль философа марксизма в безконечной полемике.

Затем, когда в России в 1917 году власть перешла к большевизму, была предпринята масштабная попытка построить целое государство на «научных» основах в духе марксизма. Государство большевизма хотело быть одновременно и реализованной наукой.

Содержание всей системы образования было безоговорочно подчинено марксистской доктрине. Поскольку «большевизм» не всегда звучит достаточно научно, был принят более наукообразный термин «диалектический материализм». Он должен был играть в СССР ту же роль, что схоластическая философия, томизм, богословие в церквях.

Диалектический материализм стал теологией марксизма, «доминирующей основой научных исследований и преподавания, университета и академии, институтов и библиотек». Таким образом, студенчество и профессорско-преподавательский состав были поставлены исключительно на службу большевизму. Міровоззрение примитивности, бездумного материализма, как никакая другая идеология, использовало интеллект в качестве оружия для своей защиты и пропаганды. Это парадокс міра, но серьезный политический факт.

Сталин тоже не только воспринял эту интеллектуальную традицию, «но и довел ее до крайности». Он в такой же степени безудержный диктатор, безжалостный политик власти, как и отец идеологии. Для него «социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку... поэтому связь науки и практической деятельности должна стать связью теории и практики, их единство - путеводной звездой партии пролетариата».

Сила сопротивления Красной Армии доказывает силу сопротивления большевистской системы. Каковы бы ни были причины этой силы сопротивления, все другие причины оказываются недостаточными, если не учитывать идеологическую силу большевизма, а вместе с ней и влияние большевистской «науки». Научный специалист и научный агитатор большевизма взаимозависимы. Большевистская наука, таким образом, стала страшным оружием большевистской революции, и поэтому у нас есть все основания изучать это оружие.

Ведь марксизм и большевизм - это значительная сила современного человечества, опасность нашего века. У нас есть все основания изучить эту силу во всей ее сущности и во всех пластах ее существования, особенно в той части, которая до сих пор наименее известна, - большевизм как научная идеология и как система «научного» господства над человеком. Большевизм - самая угрожающая сила современности, и поэтому мы хотим заново изучить не только внешнюю, но прежде всего внутреннюю сторону этой силы, ее идейно-философско-научные основы.

I. Марксизм

Карл Маркс

Вряд ли найдется мыслитель, у которого разрыв между реальными творческими интеллектуальными достижениями и широким интеллектуальным воздействием был бы больше, чем у Карла Маркса. Если судить о Марксе по сумме его прошлого и настоящего влияния, то в нем следует видеть одну

из величайших интеллектуальных потенций в истории человечества. Такой серьезный ученый, как Зомбарт, уже в первых своих работах приходит к следующему выводу: «Карл Маркс вознесен на одинокую высоту... Даже если вскоре ни одно предложение из творчества Маркса не выдержит критики, оно все равно будет вечно стоять перед нами великим и возвышенным и предлагать свои красоты для нашего наслаждения. Ведь то, что делает его великим, - это уникальное выражение личности, возвышающейся над всеми обычными мерками, сочетавшей в себе ясновидение с огромной силой представления и страстной пылкостью ума».

Позже Зомбарт очнулся от своего энтузиазма и был настолько разочарован перепиской Маркса и Энгельса, что спустя два десятилетия заявил: «Прочитав эти письма, надо ужаснуться... это отвратительно»...из этих четырех томов поистине жутко видеть, какая основательно изъеденная душа жила в Марксе». Это почти взаимоисключающее противоречие в оценке Карла Маркса серьезным мыслителем современности доказывает, что прежними средствами и возможностями научной дискуссии такая фигура, как «Карл Маркс, вообще не может быть постигнута. Мы, которые как Национал-Социалисты научились исследовать расовые причины каждого явления, даже в интеллектуальной истории, и которые поэтому больше не знают абстрактной истории человечества, а во всей своей работе стремятся найти расово-этнические условия явлений в интеллектуальной истории, должны также исследовать расовые условия как первое и высшее объяснительное основание при оценке исторических личностей. Оценка Карла Маркса без постановки вопроса о расовых корнях его внешности упускает решающую причину его влияния.

Поэтому любое исследование Карла Маркса должно начинаться с биологического и расово-психологического прояснения его существования. Эта задача не ставится здесь подробно. В рамках данной дискуссии следует лишь пока-

зать, какие возможности можно ожидать от такого исследования.

Карл Маркс - отпрыск старинной раввинской семьи. Если мы возьмем за основу оценки Маркса некоторые специфически еврейские черты, то получим следующий результат. Маркс, как правило, проявляет следующие специфически еврейские черты:

экономический инстинкт,

паразитическо-плагиаторская основа,

разрушительное и разъедающее воздействие на неевреев.

Возможно, именно специфически еврейский экономический инстинкт является одним из важнейших объяснений его действия; ибо: Конъюнктурный инстинкт он продемонстрировал в опасной степени. Маркс не поставил ни одного из великих вопросов, поставленных общественным движением, не решил ни одного из этих вопросов, но на каждый из них он ответил своей теорией:

техническое развитие в сторону высокого капитализма,

факт эксплуатации,

материализм как противодействие церковно-буржуазному идеализму или спиритуализму.

Маркс придал свой смысл великому всемірно-историческому напряжению, т.е. обманул его действительный смысл. Маркс не решил социального вопроса, но он осознал его возможности более осознанно, чем его современники, и навязал ему свое решение. Он не ставил самого жгучего вопроса нашей эпохи, но ответил на него по-своему. Маркс сделал в высшей степени осознанным инстинктивный поиск миллионами масс всей земли социальной справедливости и придал этому поиску неверное направление. Все его учение о «стоимости» и «прибавочной стоимости» давно бы покрылось пылью и было забыто как абстрактная безсмыслица; оно не работало как таковое, но оно работало, потому что делало факт эксплуатации осознанным с помощью наводящих формул.

Его «закон концентрации» никогда не стал бы исторической догмой нашего времени, если бы факт технической революции, факт возникновения современной крупной промышленности не был доведен до сознания в наиболее эффективной форме этим учением. Маркс не породил это развитие, но он довел его до предельной, крайней формулы и загипнотизировал им миллионы пролетариев.

Просвещение как европейская революция вело гигантскую интеллектуальную борьбу с христианским платоновским міровоззрением и в этом противостоянии выработало тезисы, которые были настолько односторонними, насколько это было исторически необходимо. Материализм эпохи Просвещения - это лишь крайняя, предельная формулировка этой антитезы против средневековья. В своем развитии этот материализм непосредственно столкнулся с немыслимым технико-материальным развитием современной экономической жизни. Марксистская теория, сделавшая из этого материализма самые крайние экономические выводы, вплоть до монизма экономического, должна была действовать как масло в огонь этого развития. Маркс не разрабатывал и не решал проблему «спиритуализма» и «материализма», но он дал современному материализму самую крайнюю формулировку и тем самым выдвинул себя на авансцену идеологической конъюнктуры.

Это выдающееся циклическое чутье в сочетании с необычным интеллектом, сверхострым еврейским интеллектом, сила которого не в созидательном, а в аналитико-критико-разрушительном, - одна из главных причин почти непостижимого повсеместного влияния Маркса-Мордехая. В этом он превосходит «всех своих современников-социалистов».

Вейтлинг кончает как утопист и забывается. Он пережил социальный вопрос и жил для него, но история социального движения его почти не знает.

Точно так же почти забыт Лоренц фон Штейн. Энгельс был выходцем из буржуазной экономики и, если рассматри-

вать его в целом, оказал влияние только через то, что Карл Маркс перенял у него, и через то, как Карл Маркс это перенял и передал.

В личном плане Маркс так же далек от социального вопроса, как и от общественного движения. Будучи сыном эмансипированной буржуазной еврейской семьи, будучи редактором либеральной «Rheinische Zeitung», он в то же время берет жену из реакционной феодальной семьи, регента Людвига фон Вестфалена. В 1843 г. он все еще грубо сопротивляется коммунистическим идеям: «В это время он все еще не признает даже «теоретической реальности» коммунистических идей в их нынешней форме, не говоря уже о практической желательности или даже возможности».

Однако уже через несколько десятилетий Маркс стал интеллектуальным центром грозной силы - патерналистского Яхве большевистского государства. Тем не менее этот интеллектуальный демон подходил к социальной проблеме только извне: «Он ищет способ взорвать немецкое общество и находит его в социальном вопросе». Маркс занимается социальным вопросом, чтобы провести свою политику, другие приходят к политике, чтобы решить социальный вопрос». Таким образом, между Карлом Марксом и пионерами социального движения вряд ли существует реальная внутренняя связь.

Однако одна связь, по-видимому, не была достаточно исследована и рассмотрена: связь между Моисеем Гессом и Марксом. Этот еврей Моисей Гесс был его настоящим предтечей и Иоанном. Все, что в остальном характеризует Маркса как его духовного предшественника, относится «только к внешним отношениям». Это относится также к Гегелю и Фейербаху, которых он сознательно или безсознательно больше недопонимал, чем понимал, и больше фальсифицировал, чем развивал. Мозес Гесс играет среди французских социалистов роль столь же влиятельную, сколь и катастрофическую.

Подобно современному Павлу, он чувствовал себя предопределенным к язычеству в формах своего времени: «Идеи

эпохи Конвента были его путеводной звездой. Он хотел проповедовать атеизм и анархию всей молодой Германии - той, которая, будучи еврейкой, все же стремилась к порядку. Еврейская личность не должна была быть раздавлена, а должна была найти свое освящение и воскресение в еврейской нации и в собственном государстве. Всемірно-историческая миссия христианства заключалась в том, чтобы наполнить языческий мір духом мозаицизма. Речь идет о том, чтобы заново облагородить евреев как могущественных поборников свободы, равенства и счастья, как это было задумано Моисеем и пророками. Из такого еврейского мессианизма Гесс с еще большим ожесточением выступил против «христианско-германского» современного государства». В этом смысле Моисей Гесс является интеллектуально-историческим предшественником Карла Маркса, а Маркс-Мордехай - логическим продолжением Моисея Гесса.

Все остальные «предшественники», за исключением Рикардо, были искажены и фальсифицированы Карлом Марксом, но дополнены и усовершенствованы Моисеем Гессом: «Гесс первым передал Энгельсу и Карлу Марксу западный коммунизм, а именно окончательную экономическую формулу их будущего общества; доведя враждебность к государству домартовской немецкой интеллигенции до ее окончательного выражения в переломном 1870/71 году, этот агитатор, сильный только в чувстве, стал предвестником тех коммунистов, которых мы видим действующими против немецкого государства во время міровой войны». Моисей Гесс уже видит в еврейских пророках и секуляризованном пророчестве еврея Спинозы единство, «как провозгласили впоследствии перед всем міром московские философствующие евреи: «Гесс же находит идеальное единство общественной жизни в Моисеевом полисе, идеальное мотивное учение общественного действия в этике Спинозы...». Наконец, Моисей Гесс оказывает влияние и на первые наброски «Коммунистического манифеста»: «Название «Символ веры» было

предложено Энгельсом, который, как Гесс и Маркс, составил первый проект».

Моисей Гесс сразу же распознает возможности демонического интеллекта своего мессии Маркса-Мордехая. Своему соплеменнику и другу Бертольду Ауэрбаху он пишет: «Вы можете быть готовы к встрече с величайшим, а может быть, и единственным ныне живущим философом... Доктор Маркс, так меня зовут. Подумайте о Руссо, Вольтере, Гольбахе, Лессинге, Гейне и Гегеле, объединенных в одном лице; я говорю объединенных, а не брошенных вместе, - тогда перед вами доктор Маркс». Аналогично, - Моисей Гесс: также побеждает в пользу коммунизма позднейший друг и не только материальный, но и интеллектуальный помощник Маркса, Фридрих Энгельс: «1844 год в известной мере можно назвать годом рождения немецкого социализма. Не позднее чем в этом году Гесс склонил Энгельса к социализму».

«По его собственному признанию, подчеркиваемому его биографами, один из первых решительных социалистов Германии, Мозес Гесс из Кельна, оказал решающее влияние на сына владельца фабрики в Бармене... оказал решающее влияние в этом отношении. Фразеологически зависимый Энгельс, соблазненный Моисеем Гессом на коммунизм, с каждым годом все больше и больше поддается демоническому интеллектуализму Маркса- Мордехая. Моисей Гесс, наконец, вводит Маркса в личный контакт с французскими коммунистами и тем самым наводит для него личные мосты от либеральной собственнической буржуазии к пролетарскому мессианству. «Именно через Моисея Гесса Маркс и Руге познакомились с самыми известными французскими социалистами».

Насколько искренне и оригинально интеллектуальная, а также расовая родословная связывает Рикардо, Моисея Гесса и Карла Маркса, настолько же мало мы можем привести Маркса в позитивную связь с Фейербахом и Гегелем. Буржуазные поклонники и критики Маркса снова и снова попадаются на эти внешние связи, не понимая, что здесь лежит

непроходимая пропасть. В действительности Маркс имеет только специфически еврейское отношение к Гегелю и Фейербаху, а именно плагиаторское, паразитическое.

Его собственные интеллектуальные достижения, напротив, заключаются скорее в диалектико-догматической, талмудической логистике, в необычной способности прессовать рабулистические продукты мозга в суггестивные слова и лозунги и агитационно их распространять. Сомбарт, воспевавший Маркса как духовного героя, не может обойтись без следующего утверждения в той же статье: «Маркс почти не расширил технический аппарат народнохозяйственных законов. В этом он не продвинулся значительно дальше Рикардо. Его попытки сформулировать новые «законы» такого рода почти повсеместно проваливались». Тем не менее, Маркс добился поразительного эффекта.

Он не добился ни одного творческого интеллектуального достижения и даже не развил в позитивном ключе творческие достижения других. Но его острый, как бритва, еврейский интеллект привел к опаснейшим агитационным последствиям. Таким образом, он оказал влияние от зарождения коммунистического движения на советское государство и советскую науку. Советская наука. Большевистская диалектика - это марксовский рабулизм, и в этом качестве она произвела эффект, который мы можем проследить как модель разъедающего еврейского интеллекта. Таково ее реальное отношение к Гегелю: она перевернула гегелевскую диалектику с ног на голову. В действительности большевистская диалектика отличается от гегелевской диалектики как диалектика и рабулизм.

То же самое относится и к его отношениям с Фейербахом. Маркс исказил реалистический материализм в экономизм. И здесь его достижение не творческо-духовное, а паразитическо-интеллектуалистское. Даже из достижения Фейербаха, которое, тем не менее, достойно восхищения в своей односторонности, он извлекает лишь механистические

и негативные последствия. Между духом Фейербаха и интеллектом Маркса нет никакой положительной связи: «Его мышление все сводит к количеству: экономику - к сумме отдельных, поддающихся измерению часов труда, исторический прогресс - к всестороннему развитию индивидов. Он постигает законы математики, но не «простейшую реальность, к которой принадлежит созерцание».

Даже еврей Форлендер, пытающийся воздвигнуть литературно-героический памятник Марксу, вынужден признать, что и Маркс не сам открыл свои основные термины, а перенял их, например: «буржуазное общество», «классовое право», а также термины: «прожиточный минимум», «право на труд», «экономическая борьба всех против всех», «перепроизводство». Уже в «Коммунистическом манифесте» хитроумно применяется чужой интеллектуальный материал. Даже боевой клич в конце исходит не от Карла Маркса, а уже использован Карлом Шаппером в 1847 г. Интеллектуальный паразитизм характеризует Отмар Шпанн, который критикует марксизм только с позиций своей неосхоластической теократии, но приходит к замечательным выводам: «Маркс, по правде говоря, ничему не научился у Гегеля... Маркс не создал сам ни одной основной идеи своего учения, а собрал воедино все, что было сделано его предшественниками в критике существующего. В расчленении экономического процесса он является эпигоном Рикарда... Теория концентрации присутствует уже у Пеккера… Концепция классовой борьбы использовалась, в частности, Лоренцем фон Штейном еще до Маркса». Впрочем, Отмар Шпанн также избегает характеристики Маркса со стороны его еврейской субстанции, и не случайно. Но: только расовое исследование решает последние загадки этого жуткого явления.

Философствующий еврей Герман Коэн однажды сказал: «Вечной моделью этого социализма являются еврейские пророки». А Маркса он превозносит как «посланника Бога истории». Такова реальная традиция Маркса-Мордехая от

еврейских пророков через Спинозу до Рикардо и Моисея Гесса. Еврейство - это паразитическая эксплуатация чужих интеллектуальных достижений и еврейство - это интеллектуалистическая фальсификация оригинальных открытий. Даже литературный деятель Ноябрьской республики Ворлендер вынужден хотя бы намекнуть, что эта разъедающая логистика является раввинским наследием: «Отрывистая резкость его диалектики, а иногда и его стиля, возможно, также является раввинским наследием». Действительно, Маркс происходит из старой раввинской семьи как по линии отца, так и по линии матери. Его мать родилась в Прессбурге и происходила из старой голландской раввинской семьи. Поэтому нельзя лучше охарактеризовать Маркса, чем слова французского еврея Лазара: «Карл Маркс, этот потомок рода раввинов, унаследовал всю логическую силу своих предков: он стал ясным и светлым талмудистом; талмудистом, который сделал в социологии...»

Эта «социология» Карла Маркса на самом деле «сделана». Нет большего непонимания Маркса, чем воспринимать его учение всерьез как науку и пытаться подходить к нему с научной точки зрения. Это не более наука, чем Талмуд. Это та же самая «логика», тот же самый вид и способ «рассуждения». Поэтому требовать научного подхода к «теории» Маркса-Мордехая - это ничем не обоснованное утверждение, требовать научных стандартов там, где отсутствует необходимое условие науки - внутренняя правдивость и ответственность. Там, где ничего не доказано, ничего нельзя опровергнуть. Тот, кто согласится с этим утверждением о научности теории Маркса, уже обманут. Если мы далее кратко рассмотрим основные тезисы его теории, то не для того, чтобы опровергнуть Маркса «научно», что предполагает серьезное научное отношение к нему, а для того, чтобы охарактеризовать его как еврейского интеллектуала.

Лоренц однажды так охарактеризовал разницу между Марксом и первыми социалистами: «Социалисты» вели

политику для того, чтобы реализовать свой социализм, а Маркс вел социализм для того, чтобы реализовать свою политику». Но политика - это слишком позитивная характеристика действительных целей и деятельности Карла Маркса. Это не политика в подлинном смысле слова, а разложение по теории, по рабулизму, надевшему маску науки. Сам факт того, что Карл Маркс лишь спустя десятилетия пытается «научно» доказать то, что он заранее выдает за научное, свидетельствует о том, что его интересует не истина, не научное исследование и знание, а демагогические тезисы, которые с самого начала являются средством достижения цели, а цель эта сознательно или безсознательно - разложение. Только через 19 лет после «Коммунистического манифеста» появляется его работа «Капитал», том I, замаскированная под научную книгу. Сам Маркс весьма иронично отзывается о своем научном достижении: «Книга в 50 листов, которая выглядит такой ученой и даже содержит греческие заметки». Маркс не более ученый, чем, скажем, Павел - профессор теологии. Как рассказывает Ворлендер, сам Маркс однажды признался, что всю свою доктрину он строил не на основе реальных научных знаний об экономических и социальных реалиях, а руководствуясь еврейским инстинктом, записывал лишь рабулистические домыслы: «Если бы люди только знали, «как мало я знаю обо всем этом»». В письме к Энгельсу от 30 апреля 1868 г. Маркс сам признает тот факт, что вся ' псевдонаучная аргументация является для него лишь средством сделать свою догматику классовой борьбы как можно более внушительной: «Наконец... классовая борьба как вывод, в котором растворяется движение и растворение всей клеветы.» Конечно, Маркс еще при жизни убедился, как мало серьезных умов поддаются его догмам и как мало реальная экономическая действительность развивается в соответствии с его домыслами. Загнанный в угол, он цинично признается своему зятю: «**Я не марксист**».

Именно в этих условиях можно найти следующее краткое изложение, а лучше характеристику, его эффективных теорий. Я отдаю себе отчет в том, что этим изложением я требую от читателя очень многого, поскольку автору также стоит немалого самоистязания, чтобы вообще иметь дело с этими продуктами еврейского интеллектуализма. Однако не содержание истины, а политический эффект этих тезисов заставляет нас вступить в эту дискуссию.

Теория

а) Теория стоимости:

Маркс никогда не знакомился с капиталистической экономической жизнью на собственном опыте, он не является экономистом в точном смысле этого слова. Его знания об экономических процессах - это изысканные, а не опытные, книжные знания, а не реальный жизненный опыт. Тем не менее, он берется создать теорию ценности экономической жизни, разработать общезначимую теорию происхождения экономических ценностей. Но и здесь он не оригинален; хотя теория стоимости является основополагающей для всей его экономической доктрины, она возникла вовсе не у него.

Уже Джон Локк утверждал, что мерой меновой стоимости является труд. Физиократы приняли эту доктрину, а Адам Смит дал ей свое, более глубокое обоснование. Еврей Рикардо позаимствовал ее у него и впервые придал ей то догматическое преувеличение, которое Маркс затем довел до крайности.

Если для Адама Смита труд как меновая стоимость имеет общее значение только в «естественном состоянии», то еврей Рикардо исказил эту точку зрения, утверждая, что только количество труда, количество рабочего времени, является определяющим для меновой стоимости и, следовательно, для цены экономического блага. Не потребительная стоимость, а меновая стоимость определяет цену - типично меркантильная точка зрения. Маркс основывал свою теорию стоимости

на этой догме, последовательно развивая иудейскую выдумку. Меновая стоимость товара состоит из количества рабочего времени. Экономическая стоимость - это «замороженный труд». Но не труд, а только рабочее время, и «опять-таки не индивидуальная производительность труда в определенное время, а количество рабочего времени как среднее, коллективное рабочее время: «Как потребительные стоимости товары прежде всего различны по качеству, как меновые стоимости они могут быть только различны по количеству, следовательно, они не содержат атомарной потребительной стоимости. Это утверждение - типично фиктивная абстракция; вместо того чтобы исследовать действительные факторы, формирующие стоимость, он просто признает единственным фактором, определяющим стоимость, меновую стоимость, а именно количественную меновую стоимость. Перейдя от потребительной стоимости к меновой и сведя меновую стоимость к количеству времени, Маркс путем этой специфически еврейской манипуляции создает свою догму стоимости и тем самым основу своей экономической теории: основу для всего остального, для эксплуатации, для классовой борьбы, для революции.

Энгельс интерпретирует учение о стоимости своего учителя Маркса и утверждает, как и Маркс, что трудовое время является стоимостным фактором экономической жизни, а поскольку рабочий распоряжается наибольшим количеством трудового времени, то он является и единственным производителем стоимости: «...Таково экономическое состояние всего нашего современного общества. Только рабочий класс производит все стоимости... Но эти стоимости, произведенные рабочими, не принадлежат рабочим. Они принадлежат владельцам сырья, машин, орудий труда, средств производства, которые позволяют этим владельцам покупать рабочую силу рабочего класса. Таким образом, из всей массы произведенной им продукции рабочий класс получает обратно для себя лишь часть».

Если время труда является единственным фактором, определяющим стоимость в экономике, то работник, естественно, должен иметь возможность претендовать на преобладающую долю экономических благ. Если время труда является единственным фактором, определяющим стоимость в экономике, то работник, естественно, должен иметь возможность претендовать на преобладающую долю экономических благ. Поэтому он должен получать в качестве заработной платы ту полную сумму в деньгах, которую содержит в меновой стоимости труд, затраченный в его рабочее время. Поскольку только его рабочее время якобы определяет меновую стоимость, он должен получать вознаграждение за полную меновую стоимость. Но буржуазные эксплуататоры, владельцы фабрик, средств производства и станков, даже не думают платить пролетарию то количество денег, которое соответствует количеству его рабочего времени. Жестокие эксплуататоры возвращают рабочему лишь часть произведенной им экономической стоимости, ту часть, которая необходима пролетарию для жизни. Но жить ему нужно только в той мере, в какой он может продать товар - рабочую силу, т.е. только тот минимум существования, который достаточен для выполнения необходимого трудового времени. Поэтому ему платят только за минимум существования. Товар - рабочая сила - покупается у него за ту цену, которую он должен получить, чтобы не умереть с голоду, чтобы иметь возможность оплатить свое рабочее время. Таким образом, оплачивается только часть рабочего времени, отработанного пролетариатом, другая часть - ворується.

Эта разница между оплаченным рабочим временем, измеряемым прожиточным минимумом, и суммой, которую капиталист получает в качестве меновой стоимости за труд, затраченный простым человеком, и есть так называемая прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость - это сумма меновой стоимости товара за вычетом той суммы, которую пролетарий получает в качестве заработной платы для под-

держания своего существования. Таким образом, прибавочная стоимость - это практически полная сумма соответствующей эксплуатации.

Экономическая форма, которая платит производителю ценностей только прожиточный минимум, а «прибавочную стоимость» отдает предпринимателю, который не вносит никакого существенного вклада в рабочее время, т.е. не производит никакой реальной стоимости, - это капиталистическая экономическая форма. Капитализм - это такой способ производства, который из меновой стоимости количества рабочего времени отдает пролетарскому производителю только то, что ему необходимо для существования в качестве производителя, а прибавочную стоимость присваивает себе. Энгельс «в свое время резюмировал всю догму своего друга Маркса следующим образом. «Но речь шла о том, чтобы, с одной стороны, представить капиталистический способ производства в его историческом контексте и его необходимость для определенного исторического периода, а тем самым и необходимость его падения, а с другой стороны, раскрыть его внутренний характер, который до сих пор был скрыт. Это было сделано через раскрытие прибавочной стоимости: «Было доказано, что присвоение неоплаченного труда является основной формой капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочего; что капиталист, даже если он покупает рабочую силу своего рабочего по полной стоимости, которую она имеет как товар на товарном рынке, все же извлекает из нее больше стоимости, чем он за нее заплатил; и что эта прибавочная стоимость составляет в последней инстанции ту сумму стоимости, из которой в руках классов собственников накапливается все возрастающая масса капитала. Был объяснен процесс как капиталистического производства, так и производства капитала. - Этими двумя великими открытиями: материалистической концепцией истории и раскрытием тайны капиталистического произ-

водства посредством прибавочной стоимости - мы обязаны Марксу. С ними социализм стал наукой».

Если пролетарий работает 10 часов, то он получает не всю сумму стоимостей, произведенных за 10 часов, а только ту сумму, которая необходима ему для того, чтобы прокормить и одеть себя в той мере, в какой он может выполнить 10 часов работы, т.е., возможно, меновую стоимость 3 часов работы. Стоимость оставшихся 7 часов труда капиталист присваивает в качестве своей прибыли. Капиталист покупает 10 часов рабочего времени по цене 3 часов и продает его дальше по цене 10 часов. «Капитал есть прибавочная стоимость - хеджирующая стоимость», - читает лекцию Маркс. Капиталист покупает товар - рабочую силу - по цене продовольствия пролетариев: «Стоимость рабочей силы растворяется в стоимости определенной суммы продовольствия». «Самоочевидной» предпосылкой всегда является то, что производительным является только ручной труд, поскольку он потребляет наибольшее количество рабочего времени в общей сумме общественного производства.

Пролетарий живет теперь в этой ужасной судьбе постоянной эксплуатации, и ничто не может его спасти. Чем больше он работает, тем больше его заработок, стоимость продуктов питания остается прежней, но тем больше прибавочная стоимость для капиталиста, а чем больше прибавочная стоимость, тем более могущественным становится капиталист и тем более безправным остается пролетарий. Даже технический прогресс не облегчает участь пролетария, а только усиливает эксплуатацию. Чем больше капиталист может заменить человеческую рабочую силу машинами, тем больше предложение человеческой рабочей силы. Но чем больше становится предложение человеческой рабочей силы, тем больше падает цена на товарную рабочую силу на рынке труда. Масса бездельников, которые не могут больше продавать свою рабочую силу из-за переизбытка предложения, становится все

больше и больше; они образуют «армию промышленного резерва». Единственный эффект от этой «армии промышленного резерва» - ценовое давление на товарную рабочую силу. Единственный эффект от этих избыточных пролетариев заключается в том, что они все больше и больше снижают цену труда тех пролетариев, которые еще используются в качестве рабочих.

Таким образом, друг другу противостоят постоянно растущая масса безжалостно эксплуатируемых пролетариев и все более богатый и, соответственно, могущественный класс эксплуататоров, занимающихся «накоплением прибавочной стоимости». В этом состоянии абсолютно беззаконной эксплуатации и абсолютно безвинного страдания пролетариев и безмерно обогащающихся капиталистов уже нет никакого равновесия или положительной связи. Здесь может и должна быть только борьба насмерть. Классовая борьба - лозунг и последняя надежда пролетария. Классовая борьба класса эксплуатируемых против класса эксплуататоров до полного уничтожения. Кульминацией «Коммунистического манифеста» является это требование. Биограф Маркса Ворлендер излагает евангелие пролетариата, насколько это возможно в словах оригинала, следующим образом:

«История всех предыдущих обществ - это история классовой борьбы. История всего общества до настоящего времени есть история классовой борьбы.

В нашу эпоху прежние классовые антагонизмы упростились до одного великого антагонизма: буржуазии и пролетариата.

Современная государственная власть - это лишь комитет, управляющий делами всего класса буржуазии. Буржуазия там, где она пришла к власти, уничтожила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения; она превратила врача, юриста, священника, поэта, ученого в своих наемных работников.

.....

Буржуазия, эксплуатируя міровой рынок, космополитизировала производство и потребление всех стран.

За неполные сто лет своего классового господства она создала более массовые и колоссальные производственные силы, чем все предыдущие поколения, вместе взятые. Тем самым он разорвал феодальные путы и поставил на их место свободную конкуренцию вместе с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Но в той же мере, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, и промышленность, развивается и класс современных рабочих - пролетариат; он собирается в большие массы, чувствует свою растущую силу и объединяется в коалиции против буржуазии.

Все предыдущие общественные движения были движениями меньшинства в интересах меньшинства; пролетарское движение есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства.

Законы, мораль, религия старого общества являются для пролетария такими же буржуазными предрассудками, за которыми скрываются такие же буржуазные интересы.

Коммунисты хотят, прежде всего, того же, что и другие рабочие партии всех стран: превращения пролетариата в класс, свержения господства буржуазии, завоевания пролетариатом политической власти; но они хотят не только этого: отмены наемного труда и частной собственности, которая в любом случае не существует в действительности для девяти десятых существующего общества...

Конечная цель: на месте старого буржуазного общества с его классами и классовыми антагонизмами возникнет объединение, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Пусть правящие классы трепещут перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Им предстоит завоевать весь мір. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Так называемая научная демонстрация причин и необходимости классовой борьбы в настоящее время считается настоящим достижением Карла Маркса. Причина классовой борьбы - эксплуатация. «Научное» доказательство факта эксплуатации и ее формы Маркс дал через свое учение о стоимости и прибавочной стоимости. Вторым важнейшим фундаментальным открытием Маркса является так называемый «закон концентрации».

Учение о стоимости и прибавочной стоимости, учение об эксплуатации - это «научный» анализ существующего положения вещей, закон концентрации - «научно» обоснованный способ преодоления эксплуатации и прекращения классовой борьбы.

б) Закон о концентрации производства:

Еврейский экономический инстинкт предвидел и возможности технической революции, которую следовало ожидать, прежде всего, через изобретение парового двигателя.

Большая паровая машина потребляет относительно меньше угля, чем маленькая, поэтому она работает гораздо дешевле и, следовательно, имела преимущество в конкурентной борьбе. Чем крупнее фабрика, чем больше на ней паровых машин, тем больше ее экономическое превосходство в конкурентной борьбе за производство. Таким образом, чем крупнее предприятие, тем оно выгоднее, а чем оно мельче, тем менее выгодно.

Поэтому Маркс с научной серьезностью предсказывает следующее развитие событий: «Средние предприятия съедают мелкие, крупные поглощают средние»; следствием этого является то, что самостоятельных индивидуальных предприятий становится все меньше и меньше, средние классы «исчезают, вытесняются в пролетариат, число пролетариев увеличивается, пролетарии становятся беднее и: многочисленнее, капиталисты - меньше и богаче. В конце концов остаются только гигантские фабрики с гигантскими паровыми

машинами, принадлежащие самым богатым капиталистам. Остаются немногие владельцы величайших богатств, величайших машин; все остальные становятся пролетариями. И вот наступает кульминация міровой истории. 99,99% эксплуатируемых пролетариями уничтожают 0,01% капиталистов, сами завладевают міровыми машинами, экспроприируют экспроприаторов, наступает «экспроприация экспроприаторов». Теперь пролетариат полностью овладел средствами производства. Теперь все пролетарии получают в качестве заработной платы не только пищевую стоимость своей рабочей силы, но и всю стоимость своего рабочего времени, а значит, и всю прибавочную стоимость; наступает рай социального равенства.

Маркс выразился не совсем так, это злостное преувеличение, но только в отношении паровой машины. Он считает, что не движители, а станки «были причиной концентрации: «Именно из этой части машин, из станков, вытекает промышленная революция XVIII века». Но это тоже несущественно, и, возможно, в действительной концентрации движители оказали более сильное влияние, чем станки. В любом случае, эффект, так или иначе, один и тот же. Крупный станок также превосходит мелкий, «научно» констатирует Маркс, и поэтому концентрация наступает в любом случае. За десятилетия до того, как он кропотливо вывел все научные доказательства, его пророческий гений уже предвидел этот «закон».

Уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс провозгласил: «До сих пор мелкие средние классы, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне - все эти классы попадают в пролетариат отчасти потому, что их небольшой капитал недостаточен для эксплуатации крупной промышленности и уступает в конкуренции с крупным капиталистом, отчасти потому, что их мастерство обесценивается новыми способами производства Кроме того, как мы видели, целые компоненты правящего класса сбрасываются в

пролетариат прогрессом промышленности, или, по крайней мере, условия их жизни оказываются под угрозой.»

Еще в феврале 1844 г. Энгельс пророчествовал: «Централизация собственности является таким же имманентным законом частной собственности, как и любой другой; средние классы должны все более и более исчезать, пока мір не разделится на миллионеров и нищих, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков». И это развитие происходит с железной, неумолимой необходимостью, по воле капиталистов или против нее, по воле пролетариата или вопреки ей. Именно в этом и заключается его решающая, а в марксистском смысле и собственно научная, строгая причинность всего процесса, причинность с точностью механического естественного закона. Параллельно с этим в «Капитале» сосредоточена прямая связь. Маркс также нашел для этого строго научную формулу: Это - «процесс накопления капитала»: «Но ясно, что накопление, постепенное увеличение капитала путем. путем воспроизводства, переходящее из круговой формы в спиральную, есть совершенно медленный процесс по сравнению с централизацией, которая должна лишь изменить количественную группировку интегрирующих частей общественного капитала». Накопление или самоумножение прибавочной стоимости и, следовательно, постоянное самовозрастание капитала - это более мелкая и медленная, а централизация предприятий - более быстрая и сильная форма концентрации. Вместе они приводят к автоматической необходимости победы пролетариата и уничтожения капитала. Маркс еще раз подводит итог этому сокрушительному для всего міра осознанию: «С постоянным уменьшением числа магнатов капитала, узурпирующих и монополизирующих все преимущества этого процесса превращения, растет масса страданий, давления, рабства, вырождения, эксплуатации, но также и возмущения все более разрастающегося рабочего класса, воспитанного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производ-

ства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который процветал вместе с ним и под ним. Концентрация средств производства и забвение труда доходят до того, что становятся невыносимыми со своей капиталистической оболочкой. Она взрывается. Наступает час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы «экспроприируются». И Энгельс восклицает: «Совершить всемірно-освободительный подвиг - вот историческое призвание современного пролетариата». «В результате «безклассовое общество», «отсутствие господства людей над людьми».

Таким образом, капитализм уничтожает сам себя и в то же время приводит пролетариат к власти над собой. Капитализм жертвует собой, чтобы предложить власть пролетариату. Вместе с этим наступает конец всех «институтов и продуктов буржуазии и капитала».

Государство, как и капитализм, кончает жизнь самоубийством, сама политика кончает жизнь самоуничтожением, наступает рай материализма. Маркс пророчествовал: тогда «не будет больше никакого настоящего политического насилия, потому что именно политическое насилие есть официальное выражение классового антагонизма в «буржуазном обществе».

Критика

а) Закон концентрации:

Там, где ничего не доказано, там, собственно, и опровергать нечего. Чтобы было понятно, что ничего не доказано, приведем несколько фактов, которые показывают всю абсурдность этой марксовой науки. Изобретение парового двигателя и все те изобретения, на которых Маркс строит свои теории, не первые и не последние, которые изменили экономическую форму и способ производства. Но выдавливать догму из факта определенной ступени технического развития, формулировать «закон» неизбежной необходимости,

выводить из него ниспровержение экономики и всего міра - это специфически еврейское умственное вырождение, это порождение еврейского мозга.

Тевтон создает великое техническое достижение, еврей строит на его основе идеологию разрушения. Конечно, паровая машина, например, имела определенный централизующий эффект в пользу крупного предпринимательства, но уже следующее изобретение может иметь обратный эффект и быть столь же выгодным для мелких и средних предприятий, как и для крупных, а может быть, даже более выгодным для мелких и средних предприятий в конкуренции с крупными предприятиями. Ведь, например, у автомобиля возникло серьезное соперничество с гигантской железнодорожной компанией, которое еще далеко не закончено. Прежде всего, электродвигатель столь же рационален на малых и средних предприятиях, как и на крупных. Аналогичным образом и другие изобретения привели к появлению целого ряда новых малых и средних предприятий.

С другой стороны, фактическая концентрация современной капиталистической экономики лишь отчасти является результатом технического развития, а отчасти - результатом самой капиталистической формы хозяйствования, объединения предприятий в монополии, тресты и синдикаты. И в еще большей степени - концентрации экономики в деньгах, в финансовом капитале, которая привела к непропорционально большей эксплуатации и накоплению власти, чем любое техническое развитие. Таким образом, Маркс со своим «законом концентрации», во-первых, не смог поразить самые сильные причины, а во- вторых, безсмысленно преувеличил последствия. Но поскольку фактическая концентрация произошла по другим причинам и эксплуатация возросла, его «закон концентрации» приобрел внушающую силу не благодаря собственным интеллектуальным достижениям, а благодаря единственному, по-видимому, аналогичному фактическому развитию.

В конце концов, именно люди открыли эти «новые машины», и поэтому в значительной степени от человеческой воли зависело, как они их используют - для расширения или для разрушения и ниспровержения прежнего порядка. Не машины создали человека, а человек создал машины, и, следовательно, не машины, а человек мог определять их действие. Тот факт, что в этом развитии не участвовала решающая отрасль экономики, а именно сельское хозяйство, сам по себе является достаточным основанием для того, чтобы свести к абсурду всю марксистскую догму о концентрации. То же самое относится и ко всем видам труда, для которых качество важнее количества, например, к настоящим ремеслам.

Теперь концентрация происходит не по экономическим, а по политическим причинам, причем зачастую не в интересах частных капиталистов, а в интересах политических сообществ (вооружение). Маркс не имел ни малейшего представления и об этом развитии.

Только еврейский мозг может поставить все развитие человечества в зависимость от одного христового факта, в том числе и решение социального вопроса. Таким образом, человек полностью уничтожается. Не капиталистические настроения движут революцией, а механический процесс производства. Насколько безсмысленно связывать освобождение пролетариата с «законом» централизации промышленности, показывает Советский Союз. Самая централизованная экономика США до сих пор остается капиталистической, а так называемая экспроприация экспроприаторов была осуществлена только силой в одном из самых технически отсталых аграрных государств на земле - России. Нет никаких причин, почему технически наиболее рентабельные хозяйства должны быть более эксплуататорскими, чем менее рентабельные. Можно представить себе это хотя бы в обратном виде.

Так же безсмысленно выводить из концентрации непременное появление пролетариев, ведь даже гигантское предприятие не состоит из одного капиталиста и десяти тысяч

пролетариев, но, как и сам процесс труда, социальное положение людей, участвующих в нем, различно и даже в капиталистической экономике, например, в Америке, в значительной степени структурировано по производительности. Средние и высшие служащие и директора имеют большую степень независимости, чем многие владельцы малых и средних предприятий, и зачастую получают во много раз больший доход, чем так называемые самозанятые мелкие собственники. Эти реальные экономические факты просто игнорируются.

Если уровень дохода определяет степень капитализма, то некоторые так называемые «пролетарии» крупного предприятия являются более капиталистическими, чем некоторые капиталисты малых и средних предприятий, а некоторые самозанятые владельцы трудовых ресурсов - более пролетарскими, чем рабочие крупных предприятий.

Эта плоская абстракция, нивелирующая все реальные, живые различия и факты, - этот еврейский интеллектуализм действительно дал пример своего рода в так называемом законе о концентрации. Все естественное многообразие современной экономической жизни разорвано на части и схематизировано на пролов как продавцов товарной рабочей силы и капиталистов как жаждущих прибыли покупателей товарной рабочей силы. Самое страшное последствие этой концентрационной утопии заключалось в том, что она трактовала техническое развитие и открываемые им возможности решения социальных и экономических проблем таким образом, что любая попытка их решения становилась невозможной. По крайней мере, можно было бы поставить технические изобретения на службу общественной мысли и использовать «лучшие возможности - именно технические возможности - из технического развития в пользу пролетариата и в ущерб капитализму».

Маркс не рассматривал позитивные возможности этого развития, а сознательно философствовал над самой крайней формой негативного выхода из технического развития. Он

использовал эффективность технической революции не для позитивного решения экономических и социальных проблем, а для разрушительной агитации, и тем самым по-своему помог технике стать врагом человека, промышленности – врагом рабочего.

В то же время Маркс парализовал активность пролетариата. Он должен был не решительно определять свою судьбу, бороться за свои права, а как загипнотизированный смотреть на действие закона концентрации, пока капитализм будет становиться все более могущественным, а пролетариат - все более безсильным. Таким образом, Карл Маркс, будучи еврейским соблазнителем пролетариата, лишь отстаивал интересы своих собратьев на стороне капитализма; он способствовал тому, чтобы техническое развитие вело не к благосостоянию человечества, а к экономическому хаосу. Так либералистское умственное вырождение еврея Рикардо встретилось с пролетарским умственным смятением еврея Маркса. Таким образом, как с пролетарской, так и с буржуазной стороны развитие шло в направлении еврейских интересов. Историческая миссия Маркса состояла в том, чтобы не допустить действительного решения социального вопроса на стороне пролетариата, и ему удалось не только направить массы в ложном направлении, но и предотвратить любой акт частичного социально-политического решения в рамках общего процесса. Здесь следует вспомнить, что именно марксисты отчасти затруднили, а отчасти и предотвратили социальную политику Бисмарка. Любая попытка сбалансировать интересы работодателей и рабочих пресекалась вплоть до того, что это было вообще терпимо с пропагандистской точки зрения, социальная рана оставалась открытой и отравлялась снова и снова всеми способами. Маркс добился того, к чему сознательно или безсознательно стремился: не научной реализации, а явной научной агитации в пользу еврейского влияния и в ущерб арийскому человечеству, паразитической эксплуатации арийского развития техники для еврейского восста-

ния, разложения арийской экономической жизни еврейской утопией.

б) Теория стоимости:

Теория стоимости имела еще более катастрофические последствия, чем закон концентрации. С ее помощью Маркс хотел научно доказать факт эксплуатации, ее причины и возможности ее преодоления. Только из теории стоимости становится понятной его теория классовой борьбы.

Здесь интересно не только с точки зрения интеллектуальной истории то, что сотрудничество капиталистического и марксистского еврейства, как оно стало реальным политическим фактом между Лондоном, Нью-Йорком и Москвой, уже мысленно подготовлено в идеологическом взаимодействии Рикардо и Маркса. Как уже говорилось, ни Рикардо, ни Маркс не создавали теорию стоимости, но Рикардо подготовил искажающую и разлагающую форму экономической концепции стоимости, которую Маркс затем смог перенять и развивать дальше только в разлагающем направлении. Уже Рикардо объявил труд товаром, который можно покупать и продавать на рынке труда. Он отделил товар - рабочую силу - от человека, так что труд и вместе с ним человек стали просто материальной функцией, а вместе с трудом и человек стал товаром, его самого можно было покупать и продавать. Уже Рикардо объясняет заработную плату из стоимости жизни рабочего как «издержки воспроизводства рабочей силы».

Я не буду пытаться подробно опровергать оголтелый характер этой «теории стоимости» или противопоставлять ее Национал-Социалистическому взгляду на происхождение и формирование экономических ценностей. Здесь также речь идет только о еврейском характере этой «теории стоимости».

Маркс объявляет количество труда единственным фактором экономической стоимости. Эта точка зрения настолько примитивна, что почти не хочется отвечать на нее. Но не в

последнюю очередь в примитивности его теории кроется ее суггестивная сила. Ведь этот экономический догматизм обращен не к экономически подкованной и опытной интеллигенции, а к физически и морально изголодавшимся пролетарским массам, которые в любом случае ищут ответа на вопросы своей судьбы. И ценят тот ответ, за который они скорее всего ухватятся и который сулит им больше всего, выше, чем научную корректность и внутреннюю правдивость теории народного хозяйства. Маркс возлагал всю вину на буржуа, всю правду на пролетария, пророчил гибель каждому буржуа, рай каждому пролетарию - что может более внушительно подействовать на отчаявшиеся массы? Это необходимо подчеркнуть еще и еще раз: Карл Маркс внутренне не хочет быть ученым, его не волнует стремление к истине и исследовательская амбиция; «научность» - это маска, камуфляж, средство повышения авторитета и внушающей силы агитационных тезисов.

Только намек на причины, которые действительно оказывают экономическое ценообразующее воздействие, должен прояснить всю его процедуру.

Безусловно, количество труда имеет существенное значение, например, среднее время, которое требуется рабочему для добычи определенного количества угля или его переработки, чтобы он был готов к продаже.

Но это лишь один из факторов, не менее важным является, пожалуй, качество работы: прежде всего, темп работы в пределах рабочего времени, а затем, прежде всего, качество выполненной работы» при определенном темпе работы. Один час уборки улиц не равен одному часу работы точного механика или «изобретателя, исследователя или художника». Точно так же редкость или массовость товара определяет его стоимость и цену. Например, уголь несравнимо ниже по стоимости и цене, чем алмазы, поскольку их природная распространенность решительно отличается. Кроме того, существует потребность человека в товаре. Спрос на мясо всег-

да будет больше по количеству, чем спрос на уголь. Таким образом, в формировании экономической стоимости и цены, помимо количества труда, решающее участие принимают потребность, ценность редкости и качество труда.

Кроме того, конечно, существуют средства труда для производства определенных экономических благ. Без доменной печи нельзя производить железо в больших масштабах. Поэтому в формировании стоимости и цены железа участвует не только пролетарий, стоящий у домны, но и строитель и владелец домны. Железо. Маркс избегает этого утверждения, просто объявляя эти факторы неисчислимыми, и поэтому, как и Рикардо, признает формирующим стоимость только время-количество труда, исходя исключительно из купеческой целесообразности. Это глупость, но в ней есть свой прием, ибо эта навязчивая идея является предпосылкой его теории эксплуатации.

Почти столь же схематичным и лживым является утверждение о том, что в качестве цены своего труда рабочий получает только прожиточный минимум. В капиталистической же экономике только примитивный труд оплачивается настолько плохо, что «около прожиточного минимума», насколько вообще можно рассчитать прожиточный минимум. Высший ручной или, прежде всего, интеллектуальный труд даже в капиталистическом государстве оплачивается если не справедливо, то в среднем дифференцированно в соответствии с экономической ценностью. Это ни в коей мере не означает отрицания или умаления факта эксплуатации, но Маркс дает ей ложные основания и тем самым препятствует реальным возможностям ее преодоления. Поэтому даже если факт эксплуатации существует, то утверждение, что владельцы средств труда, капиталисты, платят только прожиточный минимум, столь же ложно, сколь и ядовито. Но Маркс хочет отравления. Его интересует не равновесие, не справедливый порядок общественных отношений, а нарушение экономического организма. Поэтому он должен безумно преувели-

чивать разницу между работодателем и работником с обеих сторон, низводить рабочего до пролетария, работодателя до капиталиста. Доктрина прибавочной стоимости должна настолько трансцендировать эксплуатацию, что любое здоровое, политическое преодоление становится невозможным.

Как бы ни была безумна эта доктрина, она все же оказалась эффективной, поскольку при всех своих еврейских искажениях она все же бьет по реальному состоянию, особенность которого она неверно описывает, причину которого она неверно представляет и возможности преодоления которого она, таким образом, преграждает. Но, тем не менее, факт эксплуатации существовал и продолжает существовать в капиталистических государствах, а значит, и ответ на вопрос о социальной справедливости должен иметь катастрофические последствия именно в этой примитивной, нарочито суггестивной доктрине.

То же самое относится и к теории нищенствования. Теория «промышленной резервной армии», которая должна оказывать постоянно растущее давление на заработную плату, является самым позорным средством увеличения экономических страданий масс за счет душевных страданий, подогревания материальных страданий до безсмысленного душевного отчаяния, эксплуатации страданий вместо их преодоления. Это психологический эффект. Это главный психологический эффект всей этой эксплуататорской возни. Таким образом, непосредственно затрагивается расовая сила народов, счастье детей становится причиной усиления эксплуатации. Вот что пытается рассчитать еврей для рабочего: Чем больше у рабочего детей, тем больше предложение рабочей силы, тем дешевле цена труда, тем хуже безправие рабочего и тем больше эксплуататорская власть капиталиста. Этот «процесс накопления» Маркс описывает так: «Механизм капиталистического производства уже позаботился и об этом, породив рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы за труд, обычная заработная плата которого достаточна не толь-

ко для его сохранения, но и для его размножения. Капиталу остается только присоединить этот прибавочный труд, ежегодно поставляемый ему рабочим классом в разном возрасте, к прибавочным средствам производства, уже содержащимся в годовом производстве, и превращение прибавочной стоимости в капитал завершено». Поэтому рабочий тем беднее, чем многочисленнее он становится. Но капиталист тем богаче, чем больше рабочих. Ведь дополнительная рабочая сила имеет двойной эффект: с одной стороны, она увеличивает производительную силу предприятия- эксплуататора и тем самым его богатство, а с другой - увеличивает предложение труда и тем самым снижает его цену. Это - еврейская теория разложения без примесей». Энгельс продолжал повторять эти фразы, пока не пришел к следующему выводу: «Она обусловливает накопление страданий, соответствующее накоплению капитала. Поэтому накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление страданий, мук труда, рабства, невежества, очеловечивания и моральной деградации на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, производящего свой единственный продукт в виде капитала».

Реальное развитие опровергает это утверждение, поскольку за последние сто лет численность населения увеличилась в несколько раз, и при этом его прирост не привел к голоду. Экономическое развитие и рост экономических благ идут рука об руку с ростом населения.

Безработица, которая стала серьезной только в начале XX века, имела другие причины, чем пытался представить Карл Маркс с его «промышленной резервной армией». Но самого факта существования безработицы, пусть и по совершенно иным причинам, чем утверждал Маркс, было достаточно, чтобы придать его ложным утверждениям силу действия. То, что, кроме того, в результате роста населения относительная сумма заработной платы не падала, а росла, лишний раз доказывает доктринерскую безсмыслицу экономической теории Маркса. Не в последнюю очередь из-за

политических причин Версальского диктата и отдельных репарационных планов вся экономическая система народов пришла в упадок, в результате чего появились миллионы безработных. В это время, конечно, марксистская агитация выхватила из пролетарской гостиной эту старую фразу о «промышленной резервной армии», чтобы восторгаться ею как доказательством пророческого величия Маркса-Мордехая. О том, что безработица нашего времени имела другие причины, свидетельствует другой способ ее преодоления, прежде всего в Германии. Здесь Маркс также не был озабочен исследованием причин безработицы, но теория нищенствования была для него средством предотвращения реального социалистического решения, парализующим активность трудящихся масс и гипнотически управляющим их волей до такой степени, что вместо борьбы за справедливость внутри своих национальных сообществ они становились взрывоопасными телами национальных экономических организмов.

Как бы ни была невозможна с научной точки зрения эта теория, то, что было сознательной или безсознательной целью Маркса, ему в значительной степени удалось сделать: предотвратить реальное решение социального вопроса. Фальсифицировав причины социальной несправедливости, он предотвратил социальную справедливость. Из крика миллионов социально обездоленных и безправных людей вырвался не призыв к справедливости, а безумный лозунг классовой борьбы, восстания недочеловеков против историко-органических сообществ народов, разрушения национальных экономик для подготовки міровой экономики, а значит, и еврейской формы мірового господства.

Маркс фальсифицировал эксплуатацию и отвлекал внимание от реального эксплуататора. Реальная причина эксплуатации заключалась не в фиктивной прибавочной стоимости, а в предотвращении принципа производительности в экономике. Эксплуататорами» в меньшей степени были сами про-

мышленные предприниматели, работающие и руководящие трудом, а сами они опять-таки в основном были лишь «эксплуатируемыми жертвами международного финансового капитала». Такой перестройки и централизации экономики, когда из самостоятельного и ответственного производителя и предпринимателя превращается в торговца товарами, а затем в торговца деньгами, в банкира и биржевого еврея, Маркс либо не видел, либо не хотел видеть. Напротив, он поясняет: «Понятно поэтому, почему в нашем анализе основной формы капитала… его народные и, так сказать, допотопные формы, торговый и ростовщический капитал, сначала совершенно не принимаются во внимание». Вместо того чтобы мобилизовать национальных творцов против международных рэкетиров, он отвлекся от рэкетиров и стал агитировать за классовую борьбу между творцами.

Таким образом, он взрывал национальные экономики, разрывал этнические общности и угрожал гражданам и пролетариям в их политическом существовании. Расовая борьба арийского человечества против еврейского эксплуататора и паразита была заменена классовой борьбой между арийскими народами. Национальная солидарность творческих людей была взорвана интернациональной мнимой солидарностью пролетарских масс, возглавляемых еврейскими литераторами. Таким образом, Маркс не вылечил социальную болезнь, а паразитировал на ней, заразил ее еврейством, опасно усилил кризис. Но слабость всегда является предпосылкой для проникновения паразитических бацилл, и разложение должно было работать тем опаснее, чем больше одновременно уничтожались силы сопротивления. Однако в конечном итоге сама социальная болезнь оказалась лишь следствием идеологической болезни XIX века. Для того чтобы понять эффект Маркса в его конечных предпосылках и последствиях, необходимо рассмотреть идейно-философские основы его учения.

в) Классовая борьба:

Теория стоимости кульминирует в теории классовой борьбы, она является «научной» основой учения о классовой борьбе. Маркс, однако, утверждает, что за пределами настоящего времени классовая борьба является фундаментальным законом истории человечества par excellence. В качестве отправной точки для «анализа» всемірной истории он берет и без того нелепое изложение современных явлений. В этом, как уже отмечалось, он даже не «оригинален» в этой негативной базовой концепции. Маркс сам признает, что не создал теорию классовой борьбы, а лишь придал ей наиболее опасную и вредную форму: «Буржуазные историки уже давно представили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты - экономическую анатомию классов. Я же заново доказал: 1. что существование классов связано с определенной исторической борьбой за развитие производства, 2. что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3. что сама эта диктатура составляет лишь переход к упразднению всех классов и к безклассовому обществу». Таким образом, Маркс фальсифицировал прежнюю теорию классов и классовых антагонизмов в причине и исказил ее в следствии настолько, что смог провозгласить, что антагонизм между буржуа и пролетарием - это антагонизм отношений производства, который не может быть преодолен в міровой истории.

Маркс придает понятию «класс», которое до сих пор использовалось только во внутриполитической, классовой и социологической сферах, не менее зловещий и узколобый оборот, когда он всю міровую историю сводит к взаимоисключающим классовым антагонизмам, а классовые антагонизмы - к производственным отношениям. Энгельс объясняет Марксу, «что производство, а рядом с производством обмен его продуктов, является основой всякого общественного порядка; что в каждом исторически возникшем обществе распределение продуктов, а вместе с ним и обществен-

ное деление на классы и сословия определяется тем, что и как производится и как обменивается произведенное». 2) Диалектика противоположностей производства есть, таким образом, вечная классовая борьба, и эта вечная классовая борьба составляет смысл и содержание всемірной истории вплоть до наших дней: «Все прежнее общество основывалось на противоположностях угнетающих и подчиненных классов. заявляет Маркс в «Коммунистическом манифесте». Поэтому и Евангелие от пролетария начинается с этой кульминации фальсификации истории: «История всего существующего до сих пор общества есть история классовой борьбы». 3) Доказав ложность этого так называемого «учения о ценности», вся «теория эксплуатации» лишается своего фактического и морального права. Вместе с теорией эксплуатации рушится и классовая теория. Но Маркс, помимо экономического обоснования, стремится и к историческому, насколько это не является для него противоречием в терминах. Безусловно, существовали и существуют определенные социально-экономические черты, которые проходят через всю міровую историю. Чем более общими они являются, тем чаще встречаются. Например, стремление к частной собственности или эффект роста цен при дефиците товаров и т.д.

Аналогичным образом, более или менее сильные внутренние противоречия между членами и слоями общества можно обнаружить в каждом политическом сообществе на всей земле. Напряженность, которая одинаково полезна для жизнедеятельности сообщества, если сохраняет свои естественные отношения, может стать тревожной и разрушительной, если профессиональный и групповой антагонизм обостряется настолько, что групповые интересы ставятся выше интересов сообщества. То, что эти отношения напряжения не могут быть самогармоничными, вполне естественно, они всегда предполагают определенные трения и борьбу за взаимную координацию. Об этом свидетельствует история всех государств и народов. Тем не менее этот факт - лишь более или менее важ-

ное частное явление внутреннего развития политических и социальных организмов. Потребовалась эта отвратительная смесь раввина и доктринера, чтобы из общего частичного явления истории построить догму о классовоборческом характере всей истории. Подобно тому как в теории стоимости единственным фактором стоимости признается количество рабочего времени и из него выводится все остальное, вся эксплуатация, так и исторически из факта внутреннего напряжения между профессиями, сословиями и группами выводится классовая борьба как единственная причина истории.

В интересах этой безплодной абстракции вся реальная общественно-историческая жизнь . нивелируется, сворачивается, искореняется. Вот как:

безумно преувеличивает внутреннее значение социальной напряженности для истории государств,

объявляет внутренние противоречия единственной движущей силой всего развития,

полностью отрицается несравненно более важная часть истории народов и государств - внешнеполитическая составляющая их развития.

Это, несомненно, самая примитивная укопия, когда-либо объявлявшаяся смыслом міровой истории. Но было бы неверно считать научную правоту или неправоту решающим фактором в историческом применении теории классовой борьбы. Это также предполагает, что Маркс действительно всерьез боролся за философское понимание истории. И здесь речь идет не о том, что научно правильно или неправильно в смысле интеллектуальной добросовестности, а об опасном процессе разложения, здесь речь идет о том, что целесообразно или нецелесообразно для цели разложения. как поощряется и тормозится намерение разрушения. Для этой цели доктрина классовой борьбы, несомненно, стала страшным оружием. Маркс мог работать с ним потому, что сконструированная им классовая борьба нашла подтверждение в прикладной капиталистической экономической теории ев-

рея Рикардо. Вместо того чтобы призывать народнических-политиков против все более очевидной практики частнокапиталистического развития еврейского денежного класса, Маркс сконструировал этот класс не только как существующую силу, но и классовую борьбу как фундаментальный закон міровой истории. Еврей Рикардо дал либеральной экономике самую вредную теоретическую базу. Соответствующая ей капиталистическая практика как бы подтверждает эксплуататорскую и классовую доктрину еврея Маркса. Капиталист и пролетарский раввин дополняют друг друга как в теории, так и в разъедающем действии. Классовая борьба не является причиной всемірной истории, но она есть результат «науки» Маркса и Рикардо.

Экономический материализм

а) Доктрина:

Большевизм претендует на точную научность своей доктрины и объявляет диалектический материализм своей философской основой. Диалектический материализм играет в большевистском государстве такую же роль, как томизм - в католической теократии. Как бы неохотно большевики сегодня ни вспоминали отдельные экономические догмы своего Маркса, они стараются железно держаться за экономико-материалистическую основу. Не только по добровольному намерению, но и по идеологическому принуждению. Диалектический материализм - единственная идеология, которая может дать хоть какое-то подобие теоретического обоснования большевизму.

Но и Маркс, в конечном счете, может быть понят только из этого «базиса»; его отдельные теории и «законы» - лишь следствия экономико-материалистических предпосылок.

Даже в «метафизических» или «онтологических» основаниях Маркс гораздо более паразитичен, чем оригинален или даже креативен. Материализм почти так же стар, как и человеческое философствование. Но Маркс живет в эпоху на-

чинающейся технической революции, зарождающейся крупной промышленности, «индустриальной культуры», которую Ницше в свое время охарактеризовал как самую низменную форму существования.

Внешние условия для создания политической теории на материалистической основе были благоприятны как никогда. Старые идеи и ценности пошатнулись под ударами европейского Просвещения. Буржуазия все больше и больше поддавалась еврейско- капиталистическому экономическому мышлению Рикардо, которое также можно было понять только на основе не только теоретического, но и практического материализма.

Просветительско-либеральное мышление оттеснило на задний план христианско-идеалистическое міровоззрение и, прежде всего, спиритуалистическую религиозную этику. Формирующийся пролетариат становился тупым и невосприимчивым ко всякой высшей, духовной и культурной идее. Жажда материальных благ была столь же сильна, как и зависимость от идеологии, адаптированной к этой примитивной реальности.

Тем не менее, нет ничего более ошибочного, чем называть марксизм просто материализмом. Материализм» античности в своем первом развитии - это великолепная и достойная восхищения натурфилософия, впервые признавшая закономерность, «смысл и порядок природы и создавшая тем самым предпосылки для мышления в терминах естественных законов, для точного исследования природы и міра. Этическая установка первоначального материализма также есть не что иное, как указание жить как большевистский недочеловек, и она так же далека от большевистской «этики», как эпикуреец от большевика. Западноевропейский и, наконец, немецкий материализм, возникший в результате Просвещения, несмотря на свою обусловленную временем односторонность, является исторически необходимым революционным движением против средневековья. Восточный яхвизм в соче-

тании с платоновской доктриной идей утвердился в Европе как спиритуалистическая метафизика, догматически ограничивающая гуманитарные исследования и препятствующая подлинному естествознанию. Почти на 1500 лет прервалось научное изучение и наблюдение реальной действительности, начатое языческим грецизмом.

Англо-французский, а затем и немецкий материализм выступил против спиритуалистической переоценки «духа», абсолютизации понятия души, противоестественной или антиприродной концепции духа и души, кульминацией которой стало спиритуалистическое представление о Яхве как о «духе», и против обезценивания естественной и физической жизни. В сущности, это был, если отбросить преувеличения, понятные из исследовательской ситуации и интеллектуально-исторической передовой позиции того времени, прежде всего реализм, ошибочно понимаемый как материализм, который хотел восстановить человека как природу в его правах. От Гоббса до Ламетри, Дидро, Гольбаха и Фейербаха идет колоссальная борьба за естественность міровоззрения, за естественный образ человека. Маркс не создал и не помог сформировать это мировоззрение, а нашел его. Поначалу он сам, видимо, пошел по пути от Гегеля к Фейербаху. Но так же, как диалектика Гегеля была извращена до своей абсолютной «противоположности», он принципиально отличался и от «метафизического материализма» Фейербаха. Он использовал гегелевскую диалектику для своего рабулизма, а фейербаховский реализм исказил до экономизма. Эпигоны Маркса, Ленин и Сталин, использовали достижения технической революции в своей практической политике так же, как они исказили до неузнаваемости интеллектуальные достижения материализма эпохи Просвещения в целях антиидеализма.

Сравнение Маркса и Фейербаха резко подтвердило бы это, но увело бы нас слишком далеко от нашей цели. Так называемый материализм Фейербаха - это прежде всего натуралистический реализм или реалистический натурализм,

прежде всего серьезная попытка естественной антропологии. Маркс научился у него, как и у Гегеля, в сущности, ничему существенному и сознательно стремится лишь к выделению и абсолютизации отрицаний; он собирает отбросы настоящей философии, чтобы отравить европейский ум. Героический дух Фейербаха борется за право человека на жизнь. Он хочет освободить человека от всякого спиритуалистически-средневекового принуждения к самому себе.

Маркс же подчиняет человека самой примитивной механике и принудительным законам экономических условий. Фейербах хочет освободить человека от теологического бесправия, - Маркс подчиняет его самому примитивному принуждению, которое только может существовать для человека, - закону экономики.

Поэтому Маркс и его ученики не имеют права ссылаться в положительном смысле на древнее и современное Просвещение, на древний и современный материализм. У них налицо лишь еврейское вырождение и агитационное искажение Просвещения.

Теперь слово предоставляется самому Марксу для интеллектуального рентгена, который однажды должен войти в интеллектуальную историю как самый жалкий документ самодеформации человека: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые отношения, не зависящие от их воли, отношения производства, соответствующие определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. *Способ производства материальной жизни определяет социальный, политический и духовный процесс жизни в целом. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменени-*

ем экономического базиса медленнее или быстрее переворачивается вся огромная надстройка...»

Из этой общей установки Маркс затем развивает свою теорию надстройки, которая ни в коем случае не преодолена в диалектическом материализме современности и от которой нельзя отказаться вообще, если большевизм не хочет отказаться от себя идеологически.

Это самая грубая форма материалистической экономики - заявить, что міровая история по сути своей есть не что иное, как процесс промышленного производства. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа добывания средств к существованию, они меняют все свои общественные отношения.

Ручная мельница приводит к обществу с феодалами, паровая - к обществу с промышленными капиталистами. Но те же самые люди, которые формируют общественные отношения в соответствии со своим материалом. Но те же самые люди, которые формируют общественные отношения в соответствии со своим материальным способом производства, формируют также принципы, идеи, категории в соответствии со своими общественными отношениями». Как угнетение и эксплуатация имеют только механико-экономические причины, так и освобождение пролетариата, по Марксу, возможно только на экономической основе: «Для того чтобы угнетенный класс мог освободиться, должна быть достигнута такая ступень, на которой уже приобретенные производительные силы и действующие общественные учреждения не могут более сосуществовать».

«Общественная формация никогда не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, ради которых она была создана, а новые, более высокие производственные отношения никогда не занимают своего места раньше, чем материальные условия их существования вылупятся в лоне самого старого общества».

Только эти несколько фактов достаточно доказывают, что Гегель и Маркс, а также Фейербах и Маркс разделены міром.

Так называемая социология Маркса - это фактически физика экономики. Социально- экономические. Социально-экономические процессы предстают как механические законы природы, т.е. социальный организм превращается в машину. Особенно резко подводит итог «философии» Карла Маркса следующая программная фраза: «Для Гегеля процесс мышления, ... является демиургом реального»... Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, перенесенное и переведенное в человеческую голову». К каким гротескным прозрениям приводит «философия» и «научный» метод Маркса, показывают следующие примеры: «Возможно ли то представление о природе и общественных отношениях, которое лежит в основе греческого воображения и, следовательно, греческого искусства, при наличии самодвижущихся машин, железных дорог, паровозов и электрических телеграфов?» «... следует всегда различать материальный переворот в экономических условиях производства, который может быть точно установлен естественной наукой, и правовые, политические, религиозные, художественные или философские, короче говоря, идеологические формы, в которых люди осознают этот конфликт и борются с ним».

Всемірная и человеческая история как экономическая механика, то есть философский тотемизм. Энгельс в свое время кратко сформулировал основные принципы этой философии ледникового периода следующим образом:

«1. что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него общественное деление каждой исторической эпохи составляют основу политической и интеллектуальной истории этой эпохи;

что, соответственно, вся история была историей «классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, господствующими и доминирующими классами на различных ступенях общественного развития»;

но что эта борьба достигла такой стадии, когда эксплуатируемый и угнетенный класс уже не может освободиться от эксплуататора и угнетателя, не освободив в то же время навсегда все общество от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы».

Этому историко-философскому и онтологическому экономизму соответствует базовая «этическая» установка: «У рабочего нет идеалов, которые он должен воплощать в жизнь. Законы, мораль, религия для него - такие же буржуазные предрассудки, за которыми скрываются такие же буржуазные интересы... У рабочих нет отечества». (Об этом пишет Зомбарт в своей восторженной первой брошюре о марксизме: «Слышно, как говорят старые еврейские пророки. Но даже от них у Маркса нет ничего, кроме жесткости чувств...

Он никогда не призывает массы идти на смерть за великие идеалы правды и справедливости... Он, скорее, насмехается над теми, кто жертвует своей жизнью ради этих идеалов. У рабочего класса нет идеалов, которые можно было бы реализовать».

б) Критика:

Ничто не может быть более далеким от нашего сознания, чем, например, отступление от старой спиритуалистической метафизики и онтологии в критике экономического материализма. Национал-Социализм серьезно воспринял Просвещение как исторически необходимую европейскую революцию и не думает умалять интеллектуально- исторические достижения Просвещения в угоду средневековым или буржуазным реакционным идеям и оценкам. Он хочет вернуться не к Просвещению, а за пределы Просвещения и романтизма к решению и оценке проблем XX века, признавая все исторически действенные силы. Тем не менее, и именно по этой причине, марксистское следствие материализма Просвещения кажется нам невыносимым. Мы имеем дело не только с еврейским вырождением Просвещения, но и с рецидивом догматиче-

ского примитивизма, экономического догматизма, превосходящего все, что когда-либо проникало в Европу в виде «религиозного» догматизма и сужения сознания. Поэтому мы никогда не критикуем диалектический материализм для того, чтобы в той или иной форме скатиться к спиритуализму или спекулятивному идеализму. Это относится и к экономическому пласту реальности. Мы признаем его фундаментальное влияние на человеческое существование в целом, но выступаем против сведения всех высот духовной и культурной жизни исключительно и только к экономическим причинам. Но именно это марксизм и делает с узколобым упрямством.

Во-первых, экономический материализм за несколько десятилетий своей собственной марксистской истории и развития уже довел себя к абсурду через внутренние противоречия марксистской теории. Эти несомненные противоречия проявляются уже у Маркса. Он утверждает безусловную естественную причинность своих экономических законов; закон концентрации и закон пауперизации якобы неумолимо и неотвратимо ведут к «экспроприации экспроприаторов». Сравните следующие тезисы с реальной марксистской историей: «Капиталистическое производство с необходимостью естественного процесса порождает свое собственное отрицание. «Если бы это было так, то какая необходимость, какая возможность была бы тогда для реальной классовой борьбы, для любой борьбы вообще? Если существует абсолютная, строго причинная эволюция экономических законов, то где же возможность и необходимость политического действия, революции? К чему все эти разговоры о диктатуре пролетариата, если естественные законы производства определяют весь ход истории? Как сбалансировать это противоречие между экономической эволюцией и политической революцией, между механико-экономической экспроприацией и политической диктатурой? Очень осторожно Ворлендер признает и этот факт: «Даже самые строгие марксисты признают тот прискорбный факт, что Маркс так и не пришел, а Энгельс

тоже лишь в очень неадекватной форме, к систематическому философскому обоснованию своих фундаментальных идей В общем, гораздо больше придется согласиться со Штаммлером, Штаудингером, Наторпом и Вольтманом, что исторический материализм в том виде, в каком он был основан Марксом и Энгельсом, не был философски продуман до конца». Либо существует экономическая причинность, и тогда развитие происходит автоматически, либо существуют политические причины и политические возможности исторического эффекта, и в этом случае нет самозамкнутой причинности экономических законов. Если утверждается необходимость политической революции, диктатуры пролетариата, организации и пропаганды, агитации и партийной борьбы, то марксизм тем самым расшатывает свою собственную философскую основу - автоматико-экономическую диалектику. Либо эти экономические законы действуют абсолютно и универсально, либо не действуют вообще. Маркс в большей или меньшей степени осознал это самопротиворечие и однажды попытался сделать следующую уступку:

«Даже если общество осознало естественный закон своего движения, оно не может ни пропустить фазы развития, соответствующие природе, ни дезактивировать их. Но оно может сократить и смягчить родовые муки».

Но политическая революция и «диктатура пролетариата» безсмысленны, если они должны быть только «сокращением родовых мук». Это сводит на нет ее характер как политического действия. В понятие революции входит то, что человек как активный субъект по своей воле коренным образом меняет политические условия. Он не может делать это как автомат экономических законов. Поэтому можно исповедовать либо революцию и диктатуру, либо диалектический материализм с его экономической причинностью. Одно исключает другое и аннулируется другим. Маркс прямо утверждает, что капитализм должен уже содержать условия существования пролетариата, прежде чем произойдет революция. Он

сам сводит «политическое» насилие к потенции экономики: «Насилие - повивальная бабка каждого старого общества, которое беременеет новым. Это экономическая потенция». «Общественная формация никогда не погибает, пока не развиты все производительные силы, для которых она создана, и новые, более высокие производственные отношения никогда не занимают своего места, пока материальные условия их существования не вылупились в утробе «самого старого общества». «Для того чтобы порабощенный класс мог освободиться, должна быть достигнута такая ступень, на которой уже приобретенные производительные силы и действующие социальные институты не могут более сосуществовать». Что же остается освобождать??

Уже при жизни Маркса это внутреннее противоречие открыто проявилось в конфликте между так называемым «ревизионизмом» и «ленинизмом». Они пытались помочь себе тем компромиссом, что в ленинизме решающим считается диктатура, а значит, революция, политико-историческая воля, и при этом материализм должен быть сохранен как единственная идейно-міровоззренческая основа, а в ревизионизме от «диктатуры пролетариата» и революции отказались, т.е. отказались от политики и фатализма в отношении экономической эволюции. На практике все сводится к тому, что предсказанная Марксом экономика не может быть реализована без ее противоречия, без акта политического насилия, т.е. что постулируемая механика истории может быть реализована только средствами, принципиально противоречащими ее сути и исключающими друг друга.

С безусловной необходимостью в истории марксизма в конце концов восторжествовала не фиктивная основная догма экономического материализма, а его абсолютная противоположность - революция и диктатура. Но вместе с этим был опровергнут и сам материализм в его диалектико-экономической форме, ставший совершенно безсмысленным. С тех пор марксизм борется за принцип, который стал безсмысленным уже в силу того, что за него борются.

Насколько поверхностным остается Маркс только в области экономической мысли, видно из того, что он просто останавливается на аргументе «отношения производства». Ему даже не приходит в голову пойти дальше и исследовать причины возникновения этих производственных отношений. Но он и не должен задавать этот вопрос, потому что ответом на него будет только политический человек с его свободной волей и творческой активностью, тот факт, что хотя производственные отношения, будучи созданы человеком, естественно, также воздействуют на него и затем участвуют в определении его судьбы, но не производство создает человека, а человек создает производство. Но это был бы путь от экономики к антропологии, а Маркс не может и не хочет идти по этому пути.

Энгельс продолжал молиться на всю эту чепуху «стереотипно»: «Согласно этому, конечные причины всех социальных изменений ' и политических переворотов следует искать не в сознании людей, в их возрастающем понимании вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их следует искать не в философии, а в экономике данной эпохи».

Итак: экономика против философии, но под маской и с пафосом философии. Но Сталин, «философ» и диктатор диалектического материализма, уже должен сделать признание, которое бьет в лицо всем теориям Маркса и Энгельса: «В прошлом к анализу предпосылок пролетарской революции обычно подходили с точки зрения экономического положения соответствующей страны. Сегодня такая постановка вопроса уже устарела...» Тем не менее большевизм упорно пытается сохранить этот парадоксальный догматизм, поскольку не может без него обойтись; отказ от экономического материализма, отказ от его идеологической основы означал бы потерю «духовного» содержания большевизма par excellence. Большевизм и диалектический материализм, несмотря на все их внутренние противоречия, не могут быть разделены, они существуют друг от друга. Образ человека диалектического ма-

териализма является предпосылкой практико-политического господства большевизма, а большевистский продукт - советский человек - является предпосылкой господства столь примитивной идеологии. Примитивность идеологии обусловливает примитивность человека, и наоборот.

Своим «материализмом» Маркс не только отрицает все области культуры и искажает их экономически, но и «загрязняет» всю историю человечества. Ему приходится отрицать все высшие силы человечества, чтобы сделать возможной свою генеалогию недочеловека, и так он приходит к философскому дадаизму: не человек определяет экономику, а экономические законы определяют человека.

Таким образом, вся эта «философия» остается нефилософской, вся теория теоретически несовместимой, если только мерить ее именно философскими и научными мерками. Это сразу же меняется, если рассматривать теорию в соответствии с ее целью; иначе ' невыносимая самопротиворечивость всей догматики сразу же предстает как целесообразная и необходимая, т.е. с точки зрения еврейской цели все поразительно непротиворечиво. Эти догматически замкнутые тезисы были и остаются страшным оружием на службе всееврейского разложения. Для этого сознательно или безсознательно построено учение: для разложения нееврейского человека путем разложения образа человека и его истории. Экономико-материалистический искаженный образ человека является предпосылкой для коллективного вырождения человека в недочеловека.

II. Ленинизм

Ленин

Уже при первом столкновении с политико-исторической реальностью становится очевидной несовместимость марксистских догм с міром «фактов». Как только Маркс пытается выйти за рамки общей абстрактной утопии и выдвигает

первые предложения по реализации и конкретизации своих требований, как только он пишет о революции и диктатуре, он разрывает магический круг экономических законов и «вступает в фактическую сферу политической реальности. Вместе с этим появляется реальный человек с его волей, активностью и ответственностью. Либо міровая история протекает как механика классовой борьбы, и тогда революции безсмысленны, а понятие революции вообще неприменимо, либо марксистское требование может быть реализовано только при революции и диктатуре, и тогда человек как формирователь истории является решающим и определяющим, а міровоззрение экономического материализма опровергается в самом его центре. Диктатура пролетариата, по Марксу, «должна лишь выражать тот факт, что буржуазия уже утратила свое господство, но она не должна быть средством свержения буржуазии насильственным путем». Маркс, таким образом, предполагает законченную экономическую эволюцию; рождение безклассового общества предполагается неизбежным, вопрос лишь в том, чтобы сократить родовые муки. Но тогда это не революция и не диктатура, а лишь внешнее исполнение имманентной экономической причинности. Революция означает коренное преобразование и ниспровержение всего существующего, а не акушерство старого общества, уже беременного новым положением вещей; диктатура же - это не внешнее наблюдение за автоматическим процессом экономического развития, а централизованное применение политической власти для насильственного осуществления политических целей.

Маркс не вышел за пределы этих противоречий. Точно так же невозможно было и дальнейшее творческое интеллектуальное образование. Но противоречие между теоретическими основами и первыми политическими последствиями уже нельзя было скрыть. Вскоре внутреннее теоретическое противоречие учения среди учеников Маркса привело и к практической организации политических споров. Одни хоте-

ли продолжать упорствовать в надежде на обещания автоматической эволюции, другие преждевременно потеряли веру в экономическую «диалектику классовой борьбы» и прибегли к практической классовой борьбе, к революции и проповедовали диктатуру пролетариата. Марксизм раскололся на ревизионистов, которые на самом деле являются эволюционистами, и настоящих революционеров - анархистов, пионеров диктатуры.

Сами Маркс и Энгельс настолько увязли в своей доктрине, что не решились встать на путь революции и диктатуры, но и не смогли теоретически оторваться от требования революции и диктатуры, а пытались прикрыть внутренний разрыв «диалектическим» компромиссом. По сути, они сами стали «ревизионистами» своих практических политических требований. Слишком трусливые, чтобы силой реализовать теоретическую цель через практические действия, они пересмотрели тезисы о революции через представление эволюции и тезисы об эволюции через «просвещение масс». То, что не достигается революцией, теперь вдруг должно быть достигнуто эволюционно, путем агитации и педагогики. Но даже эта надежда на просвещение оказывается несовместимой и безсмысленной перед лицом утверждения автоматической механики экономических законов. В конце концов, это более легкий выход для того, чтобы миновать реальный революционный подвиг. Еврейские пророки ревизионизма Каутский и Бернштейн пошли по этому пути, который в конце концов привел к тому признанию, которое раскрывает всю ревизионистскую мистификацию и которое характерно прежде всего для того, как марксизм работал в немецкой социал-демократии: признание влиятельного марксиста Отто Бауэра: «Рабочий класс осознает лишь постепенно, лишь в ходе умственного процесса, требующего исправления многих иллюзий, тот факт, что революционный процесс, через который он прошел и на который он возлагал свои надежды, «конечно, не закончен навсегда, но он закончен на время,

прерван на годы… *Следующая ближайшая задача - не победить капитализм, а сделать себя более комфортным в рамках капитализма».*

Это было одно из практических следствий внутреннего противоречия идеологии. Другой путь, в слепом противоречии с материалистической диалектикой, заключался в том, чтобы прийти к политическому решению через революцию и диктатуру. Другой путь - в слепом противоречии с материалистической диалектикой, через революцию и диктатуру к политическому решению - был навязан Лениным. Он был недостаточно логичен, чтобы в достаточной мере осознать это противоречие, и, как фанатик, настолько слеп, что, несмотря на свою революционную волю, сохранил теоретические основы до самой упрямой ортодоксальности. Однако не столько как необходимость знания, сколько как средство агитационного догматизма, для революционного внушения и господства человека. В рамках марксизма он первым в широких масштабах подменил безусловную ортодоксальную веру интеллектуальной добросовестностью и реальными исследованиями и породил из слепой веры фанатичную массу анархистов-революционеров. За еврейским книжником и социологизирующим раввином следует калмыцкий татарин - безусловный анархист, за теоретиком литературы - апологет-агитатор.

Ленин тоже, как и Маркс, не является выходцем из пролетариата. Он - выходец из более буржуазного мелкопоместного дворянства. Его мать - дочь врача, в марксистском понимании - буржуазного интеллигента. Как и Маркс, он становится не фабрикантом, а ученым, юристом. Будучи студентом-анархистом, он попал под влияние марксистской идеологии и стал одним из тех безкорневых существ, которые по «профессии» являются «революционерами» и видят задачу своей жизни в распаде и подрыве собственного государства.

Как оратор и писатель он постоянно принимал активное участие в подрывной деятельности против царской империи,

пока, наконец, не уехал за границу в качестве изгнанника. Міровую войну он осторожно провел в Швейцарии. Когда в 1917 г. в России произошла революция, он сидел над новой агитационной брошюрой и философствовал о государстве. Теперь он спешил воспользоваться случаем. Его час настал. Не экономическая эволюция, а военное развитие дало ему возможность исторического действия.

Согласно современным источникам и суждениям компетентных органов, Ленин на четверть еврей. Его матерью была Мария Александровна Бланк, дочь еврейского врача из Волыни. Это дает и биологическое объяснение своеобразной смеси страстной политической активности со стерильным безкорневым интеллектуализмом.

Хотя наиболее сильные способности Ленина явно лежат в русле пропагандистско- политико-агитационной деятельности, в большевистской рекламе міра он прославлен прежде всего как философ. Начиная с Маркса, частью хороших манер пролетарского героя является то, что он окружает себя буржуазным нимбом науки и философии. Его официальный биограф прославляет его следующими фразами: «Владимир Ильич Ленин, великий гений революционного пролетариата, продолжатель дела Маркса и Энгельса, основатель и руководитель партии большевиков и Коммунистического Интернационала, гениальный политик, величайший теоретик марксизма в эпоху после Маркса, экономист и философ».

Считается, что этот величайший теоретик со времен Маркса впитал в себя труды Маркса, особенно «Капитал», как Евангелие, в возрасте 19 лет. Ленин - первый образцовый ученик Маркса-Мордехая: «Политическая и научная деятельность Ленина основана на теории и методе марксизма. Ленин усвоил метод марксизма во всем его объеме и глубине и стал самым ярким и последовательным его представителем во всех областях - в философии, экономике и революционной политике рабочего класса». Величайший философ со времен Маркса: «В области философии он сделал это так, что по-

новому осветил вопросы материалистической диалектики, разработал вопросы эпистемологии диалектического материализма, исследовал кризис современного естествознания». Таким образом, он создал второе величайшее философское произведение диалектического материализма, а значит, и марксистской философии в целом: «В книге «Материализм и эмпириокритицизм», которая является величайшим произведением философской литературы марксизма после «Анти-Дюринга» Энгельса.

Не меньший авторитет в области Ленина, чем Иосиф Сталин, восхищается следующим достижением: «Как наиболее яркое выражение того высокого значения, которое Ленин придавал теории, следует, пожалуй, рассматривать тот факт, что не кто иной, как Ленин, приступил к выполнению «серьезнейшей задачи обобщения в области материалистической философии всего того, что дала наука за период от Энгельса до Ленина, и подверг всесторонней критике антиматериалистические течения среди» марксистов». Однако если сопоставить эти фразы с реальными интеллектуальными или философскими достижениями Ленина, то возникает поразительное противоречие. Ленин относится к тому типу людей рубежа XIX века, которые, казалось бы, полностью вырвались из примитивного догматизма массовой религии как свободный дух, как безбожник, но на «научной» и идеологической основе вновь поддаются и идеологической основе вновь поддаются почти магическому примитивизму, пропагандируя вместо религии самые банальные и невообразимые материалистическо-экономические статьи веры. Казалось бы, избежав религиозного суеверия, она впадает в материалистическую ортодоксию. Карл Маркс занимает место прежнего Яхве.

Так, Ленин, представляя собой сильно ублюдочный тип человека с противоположными расовыми компонентами, во всей своей политической практике всегда делал противоположное тому, что соответствовало бы строгой последо-

вательности марксистской теории, и при этом слепо верил в марксистскую ортодоксию. Вот его кредо: «Вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на те вопросы, которые были поставлены самыми передовыми мыслителями человечества. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма. Оно является законным наследником всего лучшего, что было создано человечеством в XIX веке в виде немецкой философии, английской политэкономии и французского социализма. Она самодостаточна и хорошо построена, она дает людям единое міровоззрение, которое нельзя примирить ни с какими суевериями, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного рабства». И далее догма всей его жизни: **«Учение Маркса всесильно, потому что оно истинно».**

Все его существование было приковано к этой догме, он верил в нее с тем заразительным фанатизмом, который, как известно, передается другим. Через него восточный фанатизм приобрел новое, еще более примитивное содержание.

Экономизм

Теория стоимости:

95% ораторской и литературной деятельности Ленина - это дикая перебранка по поводу марксистской ортодоксии. Он полностью игнорирует экономическую, филологическую и социологическую литературу, всю научную критику марксистского социализма, начиная с Карла Маркса. Тезисы Маркса для него - аксиомы, не подлежащие критике никем, в том числе и им самим. Единственное, что подлежит обсуждению, - это апологетическая возможность интерпретации, борьба за «подлинную» ортодоксию. Он упорно «цепляется за догмы, которые давно опровергнуты и наукой, и историей экономики». Для него еврей Маркс - это усовершенствователь еврея Рикардо: «Адам Смит и Давид Рикардо, изучавшие экономическую структуру, создали основу трудовой теории стои-

мости; Маркс продолжил их дело. Он строго обосновал эту теорию и, следовательно, _ развил ее дальше». Он пересказывает весь бред теории стоимости, как литанию, например, «теория стоимости»: «Общее, заключенное во всех товарах, есть, следовательно, не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд определенного рода, а абстрактный человеческий труд, человеческий труд par excellence. Совокупная рабочая сила данного общества, представленная в виде: Сумма стоимостей всех товаров равна одной рабочей силе: об этом свидетельствуют миллиарды актов обмена. Следовательно, и каждый отдельный товар представляет собой лишь определенную часть общественно необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно необходимого труда, или временем труда, общественно необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости».

Ленин полностью попался на эту раввинскую уловку, когда полностью отделил потребительную стоимость товара от меновой и принял фиктивную меновую стоимость за единственное мерило: «... Обмениваясь продуктами, люди приравнивают друг к другу самые различные виды труда». Это безсмысленное обобщение меновой стоимости и ограничение стандарта стоимости всеобщей обмениваемостью якобы является основой экономической стоимости; утонченная еврейская выдумка, сила которой в ее безсмысленности, в той степени безсмысленности, против которой упирается любая научная попытка опровержения, поскольку имеешь дело уже не с логической последовательностью мысли, а с экономически замаскированным талмудизмом. Ленин, однако, с поистине религиозной преданностью продолжает это бормотать и благоговейно заявляет: «Только с точки зрения системы общественно - производственных отношений определенной исторической общественной формации, и именно тех отношений, которые выявляются в массовом явлении обмена, повторяющемся миллиарды раз, можно понять, что

такое стоимость». Товарная обмениваемость, ее простое количество, является, таким образом, причиной экономической стоимости. То, что не всегда сразу становится прозрачным в диалектических кривых и спиралях логистики Карла Маркса, предстает перед нами во всей своей безсмысленности, когда этот рабулизм переводится на язык Ленина.

Столь же слепо он следует за своим пророком в учении о прибавочной стоимости и, соответственно, в теории эксплуатации. Со свинцовым упрямством повторяется каждая фраза, не подвергаясь критике. Ленин называет труд «товаром, процесс потребления которого был бы в то же время процессом создания стоимости». Такой товар найден. Это - рабочая сила человека. Использование рабочей силы есть труд, но труд создает стоимость.

Собственник денег покупает рабочую силу по ее стоимости, которая, как и стоимость любого другого товара, определяется общественно необходимым временем труда, требуемым для ее производства (т.е. затратами на содержание работника и его семьи)».

А теперь слово в слово повторяем Марксову догму эксплуатации: «Если владелец денег купил рабочую силу, то он имеет право ее потреблять, т.е. заставлять ее работать целый день - скажем, 12 часов. При этом за 6 часов (необходимое рабочее время) рабочий производит продукт, которым обезпечивается его существование, а за оставшиеся 6 часов (в «большее» рабочее время) он производит э, или прибавочную стоимость, не оплаченную капиталистом». «Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, средств труда. Часть рабочего дня рабочий тратит на покрытие расходов, необходимых для его содержания и содержания его семьи; другую часть дня рабочий трудится безвозмездно, создавая для капиталиста прибавочную стоимость, источник прибыли, «источник богатства класса капиталистов». Учение о прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономической теории Маркса».

Ленину даже в голову не приходит каким-либо образом исследовать экономические возможности образования хозяйственной стоимости. Это также несовместимо с его догмой «учение Маркса всесильно, потому что оно истинно». Таким образом, разум отключается «верой». Нет больше исследования, наблюдения и проверки, сопоставления доводов и контрдоводов и т.д.; нет, Ленин как загипнотизированный смотрит на экономические откровения своего пророка Маркса.

б) Закон концентрации:

Ленин своей практической политикой изо дня в день только что разбил и опроверг аксиому Маркса об автоматической концентрации. Однако теоретически он утверждает следующее: «Разбивая мелкое производство, капитал ведет к повышению производительности труда и к созданию монопольного положения для объединений крупнейших капиталистов... но продукт всеобщего труда присваивается горстью капиталистов. Анархия производства, кризисы, безумная охота за рынками сбыта, необезпеченность существования для массы населения нарастают. Усиливая зависимость труда от капитала, капиталистический строй создает грозную силу объединенного труда».

Таким образом, и для Ленина все историческое движение происходит по экономическому закону .диалектической концентрации. Концентрация - это экономический закон движения современности: «Из сказанного выше видно, что Маркс выводит неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое исключительно из экономического закона движения современного общества.»

Ленин слепо следует за своим учителем Марксом вплоть до того пункта, который как раз и содержит решающее отличие марксистской теории от ленинской политики - экспроприации. Он цитирует Энгельса слово в слово: «Экспроприируется уже не самостоятельный рабочий, а капиталист,

эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация происходит через игру имманентных законов самого капиталистического производства, через концентрацию капиталов. Один капиталист избивает многих до смерти».

То же самое относится и к теории классовой борьбы, которую Ленин, как говорят, наиболее «точно» усвоил и практически-политически последовательно реализовал.

Теоретически он дословно следует Карлу Марксу и почти слово в слово повторяет его и Энгельса. Только теория классовой борьбы вносит закономерность в лабиринт истории. «Марксизм дал тот проводник, который позволяет обнаружить закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, а именно - теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ может привести к научному определению результатов этих стремлений. Происхождение же противоположных стремлений лежит в разнообразии положения и условий жизни классов, на которые распадается каждое общество.»

Но поначалу Ленину нечего сказать о происхождении этого различия. Только Карлу Марксу человечество обязано тем, что теперь оно наконец знает, в чем смысл всей его предшествующей борьбы и труда, его счастья и страданий: «Гений Маркса состоит в том, что он раньше других понял, что из этого следует и последовательно развивает тот вывод, которому учит нас всемірная история. Этот вывод - учение о классовой борьбе. Люди всегда были простодушными жертвами обмана и самообмана в политике, и они всегда будут такими, пока не научатся за любыми моральными, религиозными, политическими, социальными фразами, декларациями и обещаниями искать интересы того или иного класса».

Однако то, что Ленин, по понятным причинам, видит в диктатуре пролетариата не обещанный Марксом конец классовой борьбы и рай безклассового общества, а продолжение классовой борьбы, но теперь уже классов сверху вниз,

пролетариат - наверху, буржуазия - внизу, здесь только намекается. Затем Сталин также цинично опроверг утопию об автоматическом переходе к безклассовому обществу и учение о том, что старое государство автоматически порождает новое, неожиданно проведя различие между буржуазной и пролетарской революцией и написав, что «в начале пролетарской революции готовые структуры социалистической формации «отсутствуют или почти отсутствуют». Не экономика диалектически переделывает себя, а политическая власть должна сначала переделать экономику, «используя власть как рычаг для переделки старой экономики и организации новой». Этим Сталин позорно перечеркнул всю теорию классовой борьбы Маркса, а также его учителя Ленина, но об этом позже.

Мы не ставим перед собой задачу вновь опровергать этот бред. История уже вынесла свой приговор. Как у Маркса рассмотрение этого вопроса не направлено на его опровержение, а лишь на указание на то, что является специфически еврейским, что характерно для еврейской идеологии, так и здесь речь идет о характеристике, а не об исследовании или опровержении характеристики Ленина как типа слепого фанатика марксистской ортодоксии. Позже, однако, даже Ленин стал подозревать, что закон концентрации не может быть исключительно действительным: «Целый ряд средних классов неизбежно создается капитализмом снова и снова...». Позднее Сталин фактически переворачивает Маркса, когда пишет: «»Фронт капитала» порвется там, где цепь империализма слабее всего, потому что пролетарская революция есть результат разрыва цепи империалистического мірового фронта в самом слабом месте, причем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, - капиталистически менее развита, чем другие, более развитые страны, которые, однако, остались в рамках капитализма».

Маркс и Ленин хотят, чтобы новое государство возникло только на основе более высокого развития старого. Ка-

питализм должен достичь своего апогея, чтобы диалектически перейти в господство пролетариата, - и Сталин ледяным тоном отвечает, что пролетарская революция произойдет и может произойти только там, где капитализм наиболее слаб. Это еще раз наносит сокрушительный удар по всей догматике концентрации.

Но собственно философский гений Ленина не исчерпывается его эпигонством в экономической и социальной теории, он также считается вершиной философского развития со времен Маркса.

в) Философия:

Таким образом, Ленин, наряду с Марксом, является крупнейшим специалистом-

философом большевизма. Давайте на минуту отнесемся к этому утверждению серьезно и применим философские стандарты к работам Ленина. Сначала кратко рассмотрим его интеллектуальную родословную. Как и все книжники марксизма, Ленин, естественно, с особой гордостью ссылается на Гегеля. Уже Маркс в своей несносной манере говорит, и Ленин его цитирует: «Я заигрывал с идиоматикой, свойственной Гегелю». Но это относится не только к способу выражения, от Гегеля большевизм получил и свое научное имя - диалектический, и Ленин снова и снова ссылается на него. Но вряд ли он читал Гегеля в оригинале, а если и читал, то не смог его понять. Тот, кто понял Гегеля, не может впасть в эту примитивность диалектического материализма.

Важнее диалектики, которая используется скорее как фраза или как логическая пробка, которой приходится от случая к случаю прикрывать слишком большие противоречия между теорией и практикой, - важнее диалектики отношение к материализму в целом. И здесь Ленин, похоже, вряд ли стремился к реальному знакомству с первоисточниками. Он, очевидно, знает материализм только в том искажении, в котором его передали Маркс и Энгельс. В сущности, Ле-

нин и в этом отношении не превзошел Маркса и Энгельса, хотя, разумеется, Маркс имеет преимущество в той мере, в какой человек еще способен отличить Энгельса от влияния Маркса. Конечно, Энгельса все же следует воспринимать более серьезно в философском отношении, потому что он сам относился к себе серьезно.

Но Энгельс, несмотря на свою большую философскую серьезность, всегда подвержен демоническому влиянию Маркса, так что всякое обращение к Энгельсу ведет обратно к Марксу.

Когда Энгельс однажды охарактеризовал свои отношения с Марксом, то, несмотря на его подчеркнутую скромность, отношения между ними можно довольно точно описать следующими словами: «То, что я сам имел определенную самостоятельную долю как в основании, так и особенно в разработке теории до и в течение сорока лет моей совместной жизни с Марксом, я не могу отрицать. Но большая часть ведущих фундаментальных идей, особенно в экономической и исторической областях, и особенно их окончательная четкая формулировка, принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог бы сделать и без меня, за исключением нескольких специальных тем. То, чего достиг Маркс, я не смог бы осуществить... Без него теория не была бы такой, какой она является сегодня. Поэтому она по праву носит его имя».

Маркс и Энгельс были слишком убеждены в собственной интеллектуальной непогрешимости, чтобы позволить отождествить себя с современным, более естественнонаучным материализмом; они уже были обязаны этим своим мнимым остаткам гегельянства. Более того, они считали своей особой заслугой то, что заменили и преодолели естественнонаучный материализм экономическим материализмом. В этом направлении действует и Ленин. Как и Энгельс, он чувствует себя возвышенным над «вульгарным материализмом» Молешотта и Бюхнера.

Сегодня мы вынуждены смотреть на эти отношения с точностью до наоборот. Так называемый вульгарный материализм и материалистическое естествознание пока еще более терпимы и понятны, несмотря на их односторонность и узость, что также обусловлено временем. Это материализм, который остается преимущественно в сфере неорганических законов, который материалистически трактует «материальную» сторону природы, но по сути остается материалистической теорией материального. Если вульгарный материализм недостаточен даже для адекватного выяснения и истолкования органической жизни, даже в ее растительном проявлении, если он уже кажется нам слишком ограниченным для той области неорганического, которая ближе всего к нему, то насколько же узок должен быть материализм, переносящий примитивную закономерность неорганических условий на человеческую жизнь, на политику, на историческое существование человека. То, что Ленин называет здесь своим особым достижением, как раз и является самым резким возражением. Даже материалистические банальности Молешотта еще остроумны по сравнению с экономическими суевериями «социологии» Маркса и Ленина.

Во всяком случае, то, что волнует Ленина в вульгарном материализме, - это отказ от духовно-религиозного міровоззрения. Он видит возможности оценить и использовать созданное там оружие для атеистической агитации: «Энгельс давно советовал вождям современного пролетариата перевести для массового распространения в народе воинствующую атеистическую литературу конца XVIII века». Именно «воинствующий материализм» в этом смысле Ленин эксплуатирует снова и снова.

Кроме Маркса и Энгельса, Ленин больше всего доверяет Людвигу Фейербаху, хотя и в соответствии с их указаниями. Несмотря на свои «буржуазные» и «идеалистические» пережитки, он - единственный философ, который еще способен найти расположение у Ленина. Уже Энгельс, впервые про-

читав «О природе христианства» Фейербаха, писал: «Надо было самому испытать освобождающее действие этой книги, чтобы составить себе о ней представление. Энтузиазм был всеобщим: в тот момент мы все были фейербахианцами». Неоднократно, как только речь заходит хотя бы приблизительно о настоящей философии, Ленин ссылается на Фейербаха. Все философские начала, которые еще живы в марксизме, живут из Фейербаха, а не из Маркса или только через Фейербаха в Марксе. Таким образом, Фейербаха используют и эксплуатируют от случая к случаю, но всегда с видом человека, стоящего гораздо выше его, ибо в конечном счете Фейербах все равно принадлежит к «идеалистическому бархану», как назвал когда-то Ленин всю немарксистскую философию. Гансвурстиада в том, как эти «философы», эти заики и запинатели, не понимающие даже простейших базовых понятий «европейской» философии, обижаются на всех великих деятелей европейской философской истории, исправляя и цензурируя их.

г) Логика и диалектика:

Строго говоря, так называемое второе крупное произведение большевистской философии

- «Материализм и эмпириокритицизм» - вообще нельзя считать философским трудом. Об этом свидетельствует сам факт, что Ленин ограничивается, по сути, ядовитой полемикой против Маха. Если единственное обсуждение современной философии ограничивается Махом, то это показывает всю узость и безсистемность этой своеобразной философии. Но дело даже не в сущности Маха, а только во влиянии Маха на некоторых большевистских агитаторов, в споре эпигонов и сектантов, в ортодоксальности большевистской литературной философии». Философская скромность, узость содержания, однако, вряд ли может быть нарушена даже с этой точки зрения. Невеселая сектантская перебранка одержимых спорами литераторов, - и это, как официально заявлено, вто-

рое величайшее философское произведение большевистской интеллигенции. Если мы все же выделим несколько тезисов, то только для того, чтобы показать, что Ленин и в этом минимуме философии остается эпигоном, что и здесь он не превзошел ни Маркса, ни Энгельса, что он не дотягивает даже до вульгарного материализма XIX века. Он неловкими жестами пытается заниматься эпистемологией и тут же путает эпистемологию и диалектику: «Диалектика - это только эпистемология. марксизма». Диалектическим может быть только процесс развития знания, но никак не сама теория знания. Таким образом, только диалектика «доказывается» диалектикой. «Энгельс в свое время так определил марксистскую диалектику: «Диалектика свелась, таким образом, к науке об общих законах движения как внешнего міра, так и человеческого мышления - двух рядов законов, одинаковых по существу, но различных по выражению, - в той мере, в какой человеческая голова может сознательно применять их, тогда как в природе, а до сих пор в значительной мере и в истории человечества они утверждают себя безсознательным образом, в форме внешней необходимости, среди безконечного ряда кажущихся совпадений». Цепочка фраз, утверждений, нанизанных друг на друга, лишенных логической связности; но, тем не менее, даже такое выделение «двух рядов законов» не позволяет отождествлять эпистемологию и диалектику.

Однако главная цель Ленина - доказать, что внешний мір обладает абсолютной реальностью; вопрос, на который древний материализм тысячелетиями отвечал «да». Но вместо того чтобы ссылаться на этот ответ 2000-летней давности, Ленин ведет себя так, как будто это его собственное открытие. Познание, говорит он, «есть только зеркало закономерного движения материи». «Мір есть закономерное движение материи, и наше познание, как высший продукт природы, способно только отражать эту закономерность». Но как же так получается, что познание, которым обладает только человек, оказывается «высшим продуктом природы», тогда как

для Ленина природа может пониматься только как материя? И прежде всего, как может закономерность внешнего міра отражаться во внутреннем міре человека, в его мышлении? Этот интересный только с философской точки зрения вопрос «как» Ленин даже не задает.

Ту же роль, что и это волшебное зеркало, отражающее материю в сознании человека и в познании, берут на себя ощущения: «Для всякого материалиста ощущение есть фактически непосредственная связь сознания с внешним міром, превращение энергии внешнего раздражителя в состояние сознания. Ощущение - это фактически непосредственная связь сознания с внешним міром, превращение энергии внешнего раздражителя в факт сознания». Здесь также предполагается все то, что сначала надо было бы исследовать и доказать, «как»: как ощущение становится сознанием? как энергия внешнего стимула (что это вообще такое?) может превратиться в «факт сознания»? Вот так, по-новому, утверждается и аргументируется, доказывается одно утверждение из другого. Но это даже не первая ступенька лестницы в храм философии. Уже в 1909 году Ленин не побоялся повторить теорию образов своего пророка Энгельса в качестве теории познания: «Материалист Фридрих Энгельс, небезызвестный сотрудник Маркса и один из основателей марксизма, говорит в своих работах постоянно и без исключения о вещах и их образах или подобиях (мыслеобразах), причем само собой разумеется, что эти мыслеобразы: возникают не иначе, как из ощущений».

Более точно об этом знал старый Демокрит почти 2500 лет назад, да и Эпикур представлял себе это так, что образы в сознании возникают благодаря постоянному излучению мелких частиц с поверхности тел. Образы вещей входят в нас материально. Это представление, по крайней мере, последовательное в своей наивности, было, как я уже сказал, подвигом мысли 2500 лет назад, но то, что «революционеры» XIX века до сих пор не вышли за его пределы, показывает

всю наглость этих интеллектуальных героев. У них нет самых примитивных предпосылок для современной философской дискуссии, и именно поэтому они с легкостью решают последние загадки человеческого знания. Ленин сам еще раз и еще яснее утверждает то же самое: «Для материалиста наши ощущения - это образы единственной и конечной объективной реальности, конечной не в том смысле, что она уже известна до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой». Теперь ни ощущения не являются образами, ни ощущения не являются уже познанием. Даже это примитивное разграничение не проводится Лениным, который, тем не менее, занимается эпистемологией. Например, тактильное ощущение передает только факт фиксированного сопротивления, «предмета, который сначала еще совершенно неизвестен». То, что из ощущения возникают образы, предполагает взаимодействие всех органов чувств, причем не просто суммирование ощущений, а сформированную и упорядоченную связь. Таким образом, ощущение само по себе никогда не может стать познанием, но познание предполагает взаимодействие внешнего воздействия с внутренней деятельностью всей познавательной способности человека. Это только намек. Но Ленин просто предполагает то, что должно быть сначала доказано. Сознание не «возникает» из ощущений, но то, что ощущения могут быть развиты в познание, предполагает сознание и способность к познанию. Но ленинский материализм не может и не должен даже рассуждать об этом, ибо первым следствием признания реального процесса познания будет разрушение монистического принудительного единства материальных реальностей. Нельзя философствовать о познании, не признавая реального человека, человека из плоти и крови, с духом и душой, а не того пассивного автомата материальных законов, который получает образы извне и затем возвращает познание. Эту игру с зеркалами и образами Ленин еще раз резюмирует так: «Считать наши ощущения образами внешнего міра, признавать объективную истину,

стоять на точке зрения материалистической теории познания - это одно и то же».

Ленин не стесняется строить господство человека над природой на этой образно- зеркальной концепции: «Господство над природой, выражающееся в практике человечества, есть результат объективно правильного отражения явлений и процессов природы в сознании человека, есть доказательство того, что это отражение есть объективная, абсолютная, вечная истина». Если Ленин таким образом хочет победить солипсизм, то он ломится в давно открытые двери. Но то, что он пытается сделать это средствами, которые кажутся почти третьестепенными, поражает даже ученика Маркса. С точки зрения истории философии Ленин отстает более чем на два тысячелетия, поскольку Демокрит действительно создал эту теорию образов действительности в человеческом познании, но на этом не остановился. Для него ощущения в душе возникли из того, что в душу проникают образы вещей, но он уже распространяет эти образы ощущений на восприятие и далее от восприятия переходит к мышлению. Ленин же ограничивается - спустя два тысячелетия - тем, что допускает ощущение в мышление и прослеживает наш образ действительности и внешнего міра только до ощущений. Это эпистемологический примитивный коммунизм. Но признание истинной роли познания и разума, реального процесса познания означает признание человека, человека как естественного и разумного существа, человека, обладающего духом, свободной волей, ответственностью и способностью суждения. Какой безсмысленной кажется эта неуклюжая игра с непонятными эпистемологическими понятиями и категориями - эта наивность и примитивность является предпосылкой большевистского міровоззрения. Если признать большевистскую картину міра и человека, то по-другому «философствовать» о познании нельзя и не нужно. Примитивность предпосылок обусловливает примитивность всех следствий, в том числе и эпистемологических.

д) Дух и материя:

С тех пор как существует философия, вопрос о соотношении духа и материи волновал величайших мыслителей человечества; Ленина этот вопрос не очень волнует. Для него это, в сущности, не проблема, потому что настоящих проблем со времен Маркса не существовало. Его учение истинно, потому что оно всесильно, и всесильно, потому что оно истинно. Таким образом, в этом, пожалуй, самом сложном вопросе современной философии Ленин может ограничиться исповеданием Маркса и Энгельса. По Энгельсу, это просто материальные условия, которые в человеке вдруг. - сами не знают как - начинают думать: «Материя не есть продукт духа, а дух сам есть только высший продукт материи». Уже в рамках «материального» никто не захочет утверждать, что вода может стать нефтью, а нефть водой, но Энгельс идет гораздо дальше и утверждает совершенно «просто», что дух есть продукт материи, что материя становится духом; как, каким образом, почему и т.д., это действительно философские вопросы - поэтому они вообще не задаются. Материя, способная порождать дух, конечно, уже не материя, поскольку это уже аннулирует понятие материи. Тогда термин «материя» имеет смысл только в том случае, если он не включает в себя дух, ибо только это различие делает термин осмысленным. Иначе можно было бы с точно такой же правотой утверждать наоборот: именно дух производит материю; при этом не было бы большей глупости, чем расширить понятие духа до такой степени, что он способен производить материю. Но Ленину нет нужды безпокоиться о таких трудностях. Он предпочитает писать о «соответствии между сознанием, отражающим природу, и природой, отраженной в сознании». Здесь опять- таки наивно ставится вопрос о том, что материя равна природе, а природа равна материи. Но поскольку «материей» является только «материальная» сторона природы, то этим уже смещается вся проблема духа и материи. Но даже если я скажу «природа» вместо материи, я нисколько не

объяснил, почему существует сознание и почему природа отражается в сознании, как вообще может возникнуть эта связь. Либо я расширяю понятие природы до сознания, и тогда уже не видно, как это единство природы и сознания может еще «отражаться», либо я беру природу в строгом смысле слова, и тогда у нее нет сознания, и тогда возможность отражения природы в сознании - это отнюдь не само собой разумеющееся, а удивительное утверждение, которое надо было бы исследовать, изучать и выяснять с первых же исходных оснований. Но Ленину это не нужно, для него эти вопросы решаются тем, что он их не задает. К понятию природы относится то, что она не есть сознание, а к понятию сознания - то, что оно не есть только природа.

Таким образом, понятия смещаются, сужаются или расширяются по мере необходимости, иногда часть объясняется из целого, иногда целое из части. Ленин гневно выступает против превращения природы в часть разума, «вместо того чтобы считать разум частицей природы». Столь же безсмысленно переносить отношение первичного и вторичного на отношение разума и материи или даже на отношение разума и природы. Он утверждает, «что необходимость природы первична, воля и сознание человека вторичны», или в другом месте, «что материя, природа, бытие, физическое - первичны, а дух, сознание, ощущение, психическое - вторичны». Здесь сразу путаются природа, бытие, материя и, с другой стороны, дух, сознание, ощущение и психика столь же произвольно представляются как единство. И, конечно же, он должен некритически повторять своеобразную мысль своего пророка Маркса: «Техника раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а тем самым и условия его общественной жизни и вытекающую из них духовную концепцию». Итак: технология, исчерпывающая себя в производстве, и общество, возникающее из производства, и дух, который создается из этого производства и, таким образом, «выходит» из технологии. Та-

ким образом, в самом примитивном понимании вульгарного материализма материя является источником духа, а материя - производства. Производство создает дух, а дух отражает производство: «Как познание человека отражает существующую независимо от него природу, т.е. развивающуюся материю, так и социальное познание человека (т.е. различные философские, религиозные, политические и др. взгляды и доктрины), отражает экономическую структуру общества». Отношение духа и материи, таким образом, определяет и отношение философии и материи, так что на самом деле не человек, а материя философствует, не человек - **производство мыслит!**

И это отношение серьезно переносится на все сферы культуры. У Ленина нет ничего общего с искусством. Он забыл об искусстве, иначе он, естественно, должен был бы ограничить его материей. Он смог забыть его потому, что оно может быть забыто для безкультурной идеологии и не обязательно должно быть непосредственной практической политической проблемой. Но культурное поле религии» создало практико-политическую проблему, и поэтому религия тоже должна быть теоретически сведена к материи. Здесь речь идет о силе, которая стоит на пути бездуховного большевизма, и поэтому она тоже должна быть философски отброшена. Поэтому существует и ленинская «философия религии». Буквально вслед за Карлом Марксом декларируется: «Беспомощность эксплуатируемых классов в их борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую жизнь в будущем, как безпомощность дикаря в его борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, чудеса и тому подобное. Религия учит смирению и терпению тех, кто всю жизнь трудится и терпит лишения, и утешает их надеждой на небесную награду. А тех, кто живет за счет чужого труда, религия учит милосердию в будущем, предлагая им довольно дешевое оправдание всего их эксплуататорского существования и продавая билеты на райское блаженство по

приемлемым ценам. Религия - это опиум для народа: религия - это своего рода духовный коктейль, в котором рабы капитала топят свои человеческие антиценности и претензии на хоть сколько-нибудь достойную жизнь». Религия и концепция Бога должны быть уничтожены, чтобы навязать материализм: «Было бы буржуазным парохиализмом забывать, что давление религии на человечество является лишь продуктом и отражением экономического давления внутри общества.

Наша программа полностью основана на научном, более того, материалистическом мiровоззрении. Поэтому разъяснение нашей программы обязательно включает в себя выяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда обязательно включает в себя пропаганду атеизма». Как и дух, религия, конечно, является экономическим продуктом. Уже для Энгельса религия приходит из леса. Он глубокомысленно философствует: «Религия возникла в очень лесное время из неправильно понятых лесных первоначальных представлений людей о своей собственной и окружающей их внешней природе».

Наконец, религия как идеологический конкурент большевизма, разумеется, также является лишь средством эксплуатации, функцией классовой борьбы: «Религия - опиум народа» - это изречение Маркса является краеугольным камнем всего мiровоззрения марксизма по вопросу о религии. Марксизм всегда рассматривает все современные религии и церкви, все и всякие религиозные организации как органы буржуазной реакции, служащие для защиты эксплуатации и обезболивания рабочего класса». «... Марксизм - это материализм. Как таковой, он так же безпощадно враждебен к религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Мы должны бороться с религией, это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма». «...Марксист должен быть материалистом, т.е. врагом религии». Наконец, как и у Гейста, у подонка Ленина враждебность к религии перерастает в безумные вспышки ненависти: «богоискатель-

ство» он называет «духовным осквернением трупов». «Всякий Господь Бог есть осквернение трупов, и будь это чистейший, идеальнейший Господь Бог, не искомый, а созданный, - все равно». Он гневно возражает: «...отуплять народ и рабочих именно идеей чистого, одухотворенного Господа Бога, впервые создаваемого, именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея Господа Бога, даже всякое заигрывание с «Господом Богом» есть невыразимая мерзость... Но разве создание бога не является самым злым видом самоанализа? Всякий человек, занимающийся созданием бога или даже терпящий такое создание, говорит о себе».

Это сокровища из письма Ленина Горькому от 14.11.1913 г., опубликованного в официальном ленинском издании в Москве уже в 1938 г. Этим Ленин дал лозунг и метод для последующего безбожного движения. Но было бы неправильно видеть в этом безбожном движении только негативное направление против «Бога». Борьба с Богом и религией - это отрицательная необходимость, вытекающая из большевистской задачи диалектического материализма. Она может быть осуществлена только тогда, когда все, что делает человека человеком, т.е. весь дух, вся религия, вся культура, будут нивелированы и опрокинуты. Большевистский образ человека не выдерживает реального человека, отсюда борьба с духом, борьба с религией как нематериальной силой. В этом и состоит цель всего спора о духе и материи.

Надо признать, что христианский средневековый спиритуализм не затруднил критику диалектического материализма. Поскольку сам он происходит не из міра знания и познания, а из магической религии, из откровения, он легко становится жертвой примитивной критики, даже марксизма в его «научном» проявлении. Марксизм, как и вульгарный материализм, в своей полемике во многом живет за счет ошибок мышления откровенного спиритуализма. Отчужденность спиритуализма от природы, его неверность природе, а значит, и отдаленность от реальности практически ставят под сомнение

критику естествознания и уже предлагают удачные подходы для материалистической критики.

Ленин в достаточной мере практиковал это, даже не доходя до уровня вульгарного материализма. Он постоянно путает реальность с материей: «Но если реальность дана, то для этой объективной реальности нужно философское понятие, и это понятие было создано очень давно, это понятие есть именно *материя*. Материя - это философская категория для описания объективной реальности, которая дана человеку в его ощущениях, которая копируется, фотографируется, изображается нашими ощущениями и существует независимо от них». Этот отрывок особенно ярко показывает всю пустоту и логическую слабость его автора. В одном предложении материя приравнивается к реальности. Почему вся реальность должна быть материальной, этот фундаментальный, особенно для материалиста, вопрос даже не задается. «Ощущения» дают нам эту «реальность». Наши ощущения должны копировать, фотографировать, изображать реальность, - опять-таки демокритовская теория отображений, но модернизированная, технически оснащенная.

Ленинские ощущения копируют и фотографируют реальность. Но фотографирование специфически требует фотографа, а поскольку «человек» - это тоже только материя, тоже только «реальность», то «реальность», следовательно, фотографирует сама себя. Она есть: одновременно объект, аппарат фотографа, фотограф и фотография.

Где граница между философией и узколобостью? Я всегда придерживался только того текста, который и сегодня является официальным материалом, не оригинальных текстов, а только того, что было представлено изумленному міру в 1938 году, после тщательного отбора Москвой, как официально действующая ленинская философия.

Ленин все смешивал, постоянно путал материальное и экономическое, природу и материю, реальность и материю, практический идеализм и спекулятивный идеализм, спиритуализм и солипсизм.

е) Философия духа:

На это можно возразить: Эпистемология и онтология слишком далеки от политического философа, и нельзя судить и осуждать политического мыслителя с этой стороны. И наша попытка оценить «теоретическую философию» Ленина, конечно же, столь же непродуктивна, даже скучна как для читателя, так и для автора. Как философ-специалист Ленин играет трагикомическую роль. Но критика должна быть тем более оправданной, что она «профессионально относится и к области политики, к истории, где исследуется смысл всей политики, смысл міровой истории. Здесь каждое философское ошибочное решение является и политическим, здесь суждение «философа» является и суждением политика.

Ленин ставит в заслугу Марксу введение в философию истории понятия «экономическая общественная формация» и классовая борьба: «Теория классовой борьбы представляет, однако, огромное достижение общественной науки именно потому, что она с полной точностью и определенностью устанавливает методы этого прослеживания от индивидуального к общественному. Прежде всего, в этой теории разработана концепция экономической формации общества ...»

Таким образом, история должна быть историей экономических общественных формаций, и Ленин с энтузиазмом цитирует Карла Маркса: «Мое исследование привело к выводу, что правовые отношения и формы государства не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, а коренятся в материальных условиях жизни... но что анатомию буржуазного общества следует искать в политической экономии». Поэтому и всемірная история должна быть отображением этого процесса.

Поэтому и Ленин признает, что «только прослеживание общественных отношений до отношений производства, а от них до состояния производительных сил может дать прочную основу для представления развития общественных формаций как процесса естественно-исторического». И Ленин

упрекает «субъективистов» в том, что они «останавливаются на социальных идеях и целях человека и не понимают, как проследить эти идеи и цели до материальных общественных отношений». Далее он утверждает: «Материализм дал совершенно объективный критерий, так как он выдвинул на первый план «производственные отношения» как структуру общества». Таким образом, всемірная история становится материальным движением общества и превращается в «естественный процесс» И он снова ссылается на авторитет Маркса: «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, управляемый законами, которые не только не зависят от воли, сознания и намерений человека, но скорее наоборот, определяют их волю, сознание и намерения». Это экономическое движение происходит в пространстве истории как классовая борьба. Что означает классовая борьба? Понятие «класс» имеет смысл только тогда, когда один класс противостоит другому классу. В понятие марксистского класса как раз и входит то, что ему противостоит другой класс. Само допущение существования трех и более классов упраздняет марксистское понятие класса. Энгельс, правда, в свое время совершенно спокойно говорил о трех классах: «Условия настолько упростились, что надо было бы сознательно закрывать глаза, чтобы не видеть движущей силы современной истории в борьбе этих трех великих классов и в столкновении их интересов». Маркс же фактически пытается провести дихотомию в «Коммунистическом манифесте» путем грубейшей фальсификации истории, на которую он когда-либо решался. Насилуя документально-исторические факты, он добивается схемы истории, которая опять-таки наводит на размышления именно своей примитивностью.

Но если бы міровая история всегда показывала движение двух классов, то и в этом случае затрагивалась бы только одна сторона исторического развития, а именно внутренняя политика. Однако уже один тот факт, что нации и империи

на протяжении всей міровой истории воюют друг с другом, полностью разрушает классовую теорию. Что значат эти внутренние антагонизмы классов в сравнении с воинственными антагонизмами народов, наций и рас? Классы, созданные Марксом, должны существовать в каждом государстве и в каждой империи. Но если бы всегда шли войны от государства к государству, то «якобы два класса одного государства всегда воевали против двух классов другого государства, а это уже доказывало бы, что гораздо более сильное противостояние между народами и государствами намного превосходит внутреннее противостояние классов. Таким образом, вся концепция классов уже. взорвана и доказана как утопическая. Если внутреннее напряжение сословий, групп, профессий не настолько велико, чтобы внешние противоположности оказались несравненно сильнее, то говорить о классах - бессмыслица, а приписывать им всемірную историю - ошибка. Ни одна война в міровой истории не может быть объяснена с помощью этой еврейской конструкции. Есть войны племен, рас, народов, даже династий между собой, но настоящей классовой войны в марксистской концепции во всей міровой истории не существует. Гражданские войны также не являются классовыми войнами и представляют собой лишь обострение внутриполитической классовой борьбы, составляющей малую часть міровой истории; они не имеют никакого отношения к значению национальных и имперских войн, заполняющих міровую историю. Марксистская теория классовой борьбы, которую Ленин передает стереотипно, огрубляет и обобщает одно явление политической жизни до масштабов міровой истории и объясняет прошлое, настоящее и будущее всего человечества из преувеличенного одного внутриполитического факта.

Конечно, всякий политический организм «обладает более или менее сильными внутренними напряжениями, и поэтому такие напряжения можно обнаружить во всей міровой истории, но это точно так же относится и к целому ряду других не

менее важных индивидуальных фактов; например, половая жизнь и форма брака, несомненно, имеют фундаментальное влияние на здоровье или вырождение рас и народов и, таким образом, оказывают историческое влияние, которое во всяком случае несравненно больше, чем напряжения между отдельными классами и сословиями государств и народов. И все же было бы догматическим заблуждением сводить всю міровую историю к половым отношениям и формам брака, например, или пытаться объяснить саму міровую историю из факта повсеместного появления брачных законов во всей міровой истории.

Точно так же остается без ответа вопрос о том, как возникают классы. Марксистское фиктивное доказательство гласит: потому что меняются производственные отношения. Но это не ответ, а лишь перестановка вопроса. Как меняются производственные отношения? Предположительно через людей. Если люди используют разные способы производства, то они должны быть разными как люди. Тогда человек, а не класс, обусловленный экономическим производством, является носителем міровой истории. То, что есть господа и рабы, не является доказательством разных производственных процессов, но разная роль людей в производственном процессе как раз и подтверждает, что мы имеем дело с двумя разными видами людей.

Особенно нетерпимым классово-борцовский материализм становится при попытке определить соотношение истории и личности. Когда личность просто «растворяется в классе»: «Действия личностей прослеживались через действия классов, через борьбу которых определялось общественное развитие». На смену субъективизму пришло рассмотрение социального процесса как «процесса естественно-исторического». Но из кого состоят классы? - Из людей. А кто руководит этими людьми? - Но руководители. Кто же тогда оказывает наибольшее влияние на «историю классов»? - Личность. Но это слишком просто, потому что это было бы логично. Ленин

позволяет себе следующий парадокс: «Идея детерминизма, утверждающая необходимость человеческих действий и отвергающая вздорную сказку о свободе воли, нисколько не устраняет ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий... Точно так же идея исторической необходимости нисколько не умаляет роли личности в истории: вся история состоит из действий личностей, которые, несомненно, являются агентами...

При каких условиях этой деятельности гарантирован успех? Очевидно, что решение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о классовой борьбе, составляющей российскую действительность». Кто же создает эти условия, на которых личность терпит поражение? - Но прежде всего _ другие личности, другие действующие люди, которые противостоят одной. Создает ли человек условия или условия создают человека? - Представляется, что прежде всего человек создает условия. Человек создает и изменяет условия, хотя ему, как действующей личности, могут противостоять условия, созданные или измененные другими людьми. Так что в обоих случаях, где личность преуспевает и где она терпит поражение, успех и поражение определяются прежде всего действующими личностями. Но Ленин знает лучше: «Это положение, что история делается личностями, теоретически совершенно безсодержательно». Ленин знает совершенно разные возможности объяснения: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист точно устанавливает данную экономическую общественную формацию и порождаемые ею антагонистические отношения... материалист вскрывает классовые антагонизмы и тем самым определяет свою позицию». Ленин прямо говорит, что историю несут и личности, но что это не первопричина истории, а все же материальные условия производства: «Исследуя действительные общественные условия и их действительное развитие, я исследую именно продукт деятель-

ности живых личностей. Вы говорите о «живых личностях», но в действительности вы не берете в качестве исходного пункта «живую личность» с теми «мыслями» и «чувствами», которые действительно порождаются условиями ее жизни, данной системой производственных отношений...» Так вновь и вновь повторяется старый бред без малейшей попытки сопоставить фанатично отстаиваемую догму с исторической реальностью. С личностью, конечно, отрицается и ее состояние, ответственность, независимая свобода воли. Для Ленина это тоже не существует как философская проблема. Он просто помогает себе фразой и говорит о «вздорной сказке о свободе воли».

Маркс, как мы неоднократно отмечали, возводит все политические явления к материальным отношениям производства. Ленин не делает даже самой скромной попытки проверить это утверждение и представить его исторические доказательства. Энгельс же даже Реформацию доказывает из «материи»: он объясняет и католицизм из обстоятельств времени, из феодальной экономики, как он заставляет протестантскую ересь на юге Франции возникнуть из расцвета классовой экономической жизни или как он раскрывает английский кальвинизм как «религиозную маскировку для материальных интересов тогдашней буржуазии». В чем, по мнению Маркса, Энгельса и Ленина, могла заключаться экономическая причина поступка Лютера? Какие условия производства могли побудить его вывесить свои тезисы в Виттенберге? Энгельс, например, всю эпоху Возрождения связывает с буржуазными условиями производства: «Еще более высокие идеологии, т.е. идеологии, еще более оторванные от материальной, экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь идеи с материальными условиями ее существования становится все более запутанной, все более затемненной промежуточными звеньями. Но она существует. Как вся эпоха Возрождения с середины XV в. была существенным продуктом городов, т.е. буржуазии, так и возрожденная с

тех пор философия, содержание которой «было по существу лишь философским выражением мыслей, соответствующих развитию мелкой и средней буржуазии в крупную буржуазию». Точно так же Энгельс разгадал важные исторические загадки из сексуальных ассоциаций индейцев. Ленин с восторгом цитирует: «Великая заслуга Моргана, - говорит Энгельс, - ... найти в половых ассоциациях североамериканских индейцев ключ, отпирающий для нас важнейшие, до сих пор неразрешимые загадки древнейшей греческой, римской и германской истории».

Энгельс глубокомысленно философствует, нахмурив брови: «Буржуазия и пролетариат возникли в результате изменения экономических условий, или, точнее, способа производства Таким образом, в современной истории, по крайней мере, доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классов, и всякая борьба за освобождение классов, несмотря на свою неизбежно политическую форму, в конечном счете сводится к экономическому освобождению. По крайней мере, здесь решающим элементом является государство, политический строй, подчиненное, буржуазное общество, царство экономических отношений». Ленин, спустя полвека, не знает ничего лучшего, как дословно повторить этот бред: «Энгельс начинает доказывать это на примерах из области естествознания (развитие ячменного зерна) и общества, указывая, например, что сначала был первобытный коммунизм, потом частная собственность, потом капиталистическое обобществление труда; или: сначала первобытный материализм, потом идеализм и, наконец, научный материализм». Однако этот научный материализм действительно предстает перед нами как материализм первобытный. Он является научным аналогом утопии первобытного коммунизма и предполагает наличие первобытных людей, примитивность человеческого рода, духовный уровень которого соответствует уровню первобытного материализма. В свое время было много разговоров о религии примитивов: Ленин дает нам доказательство

философии примитивов, это философский «аналог образов дегенеративного искусства, философского *кубизма* и *дадаизма*». Уничтожается реальная историческая движущая сила народов и рас, их борьба, ведущие всемірно-исторические личности, величие, богатство и многообразие исторической жизни. Всемірная история лишается своего живого смысла. От пустынного и степного духа Маркса и Ленина остается лишь пустырь материальных государств производства. Здесь также применимы слова Гёте: «Ты похож на дух, который постигаешь».

ж) Философия государства:

Мышление Ленина, лишенное истории и, несмотря на всю свою «диалектику», по существу совершенно неисторическое, является в то же время приговором его политической способности суждения. Еще более негативное впечатление производит его так называемая «философия государства».

Строго говоря, государство и диалектический материализм взаимоисключающие понятия. Если человек превращается в автомат экономических законов, то реальное государство оказывается излишним. Ведь государство - это наибольшее проявление господства человека. Там же, где в жизни человека с естественно-правовой необходимостью господствуют вечные условия, государство не имеет ни смысла, ни цели.

Точно так же классовая борьба и государство в принципе взаимоисключают друг друга, независимо от того, понимается ли государство в целостном смысле как политическая форма организации нации или как административное государство, как чиновничий аппарат политической единицы. В обоих случаях оно представляет собой политическое единство всех профессий, слоев и сословий. То, что Ленин вообще не рассматривает нацию, народ как реальную историческую общность и говорит только о классах, разрушает все предпосылки существования государства. Поскольку политическая теория Ленина не идет дальше Энгельса и Маркса,

он рассматривает государство только с точки зрения классов. Государство оценивается в зависимости от того, служит оно классовым интересам или вредит им. Государство - это орудие класса, а класс - результат производственного процесса. Таким образом, процесс производства является отправной точкой и для его концепции государства. Производство определяет человека, а не человек определяет производство. Грубо, но четко: не исследователь господствует над

лабораторией, а лаборатория производит исследователя; не сапожник производит обувь, а производство обуви является условием деятельности сапожника. Звучит банально, но бьет по основанию даже этой так называемой философии государства. Не государство господствует над классами, а классы используют государство.

Уже в древности, - утверждает Ленин, - государство было бы только рабовладельческим: «Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство в эпоху рабства было рабовладельческим государством, будь то монархия, будь то аристократическая или демократическая республика».

А в настоящем государство - это «машина для угнетения одних другими». И эту машину мы возьмем в руки. Класс, который должен свергнуть власть капитала… Машина, называющая себя государством, перед которой люди: замирают с суеверным почитанием и верят старым сказкам, что она есть власть всего народа, - эту машину пролетариат отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь». В другом месте Ленин выражается еще яснее: «Государство есть машина для поддержания господства одного класса над другим». «... Государство есть продукт и выражение непримиримости классовых антагонизмов...

По мнению Маркса, государство не могло бы ни возникнуть, ни сохраниться, если бы было возможно примирение классов». Государство должно даже служить решающим доказательством существования классов. Еще раз обращаю

внимание на то, что это не утопия выжившей политической секты, а официальная государственная философия и государственная теория большевизма, изданная в 1934 году еще с московской печатью: и распространенная на всех языках. Первый руководитель советского государства лаконично заявляет: «Пока есть государство, нет свободы». Поскольку государство - это выражение рабовладельческой буржуазии, то с большевизмом должно быть покончено.

Но это не так просто. Рецепт с экспроприацией экспроприаторов был проще. А вот покончить с государством, даже захватив его, - это сложно. Но его существование противоречит доктрине. К счастью, во всей большевистской теории нет противоречий и трудностей, хотя бы потому, что любое противоречие можно превратить в логику с помощью магии диалектики. Таким образом, судьба государства тоже развивается диалектически. Таким образом, чтобы: Для того чтобы государство окончательно распалось, оно должно стать максимально сильным. Этот процесс аналогичен процессу концентрации. Для того чтобы капитализм легче было убить, он должен сначала стать чрезвычайно сильным и большим, так же и государство. Этого требует диалектика. Но он все равно должен и обязан погибнуть: «Но если большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особая сила подавления» уже не нужна! В этом смысле государство начинает умирать».

Это утверждение вполне серьезно, и Ленин действительно уделял время разработке своей философии государства. Его официальный биограф уверяет: «В Гельсингфорсе Ленин закончил свою превосходную книгу «Государство и революция», в которой он восстановил марксистское учение о государстве, отчасти забытое, отчасти искаженное оппортунистами, особенно Каутским, и поднял его на новую высоту».

Теперь, если государство не погибнет сразу, оно, по крайней мере, будет эксплуатироваться для угнетения того или иного класса, ибо угнетение должно иметь место. Один класс

всегда должен насиловать другой, и когда пролетариат берет власть в свои руки, его власть состоит именно в том, что уже не буржуазия порабощает пролетариат, а пролетариат порабощает буржуазию. Порабощение одного класса другим - вот смысл міровой истории. Непонятны только истерические вопли об угнетении. Ведь это автоматическая необходимость міровой истории, а поскольку и эксплуататоры, и эксплуатируемые являются лишь безвольными и беззащитными следствиями условий производства, то морализаторство по поводу эксплуататоров просто безсмыслица. Эксплуатируемые и эксплуататоры возникают только из условий производства. Так к чему вся эта суета? К чему эти морализаторские обвинения в адрес буржуазного государства?

Но все это Ленин узнал от еврея Маркса: «Государство, т.е. пролетариат, организованный как господствующий класс...» Итак, пролетарий вдруг наслаждается эксплуатацией, а его орудие называется государством: «Пролетариату нужно государство… государство, устроенное так, что оно сразу же начинает отмирать и должно неизбежно отмирать... Но пока оно существует именно для того, чтобы поработить буржуазию». «Государство - это особая организация власти, «организация силы для угнетения какого-то класса». Но какой класс должен угнетать пролетариат? Конечно, только класс эксплуататоров, буржуазию. Государство нужно рабочим только для того, чтобы сдерживать сопротивление эксплуататоров».

И вот государство оказывается весьма практичным и полезным для эксплуатации «эксплуататоров»: «Пролетариату нужна государственная власть, централизованная организация и сила, организация насилия, как для подавления сопротивления эксплуататоров, так и для руководства огромными массами населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями, чтобы «привести в движение» социалистическое общество». Но диалектическое движение продолжается по своему материальному закону. Государство, это

пролетарское сверхгосударство, вдруг снова диалектически превращается в свою противоположность, в безклассовое, безгосударственное общество, в рай: «Из всей истории социализма и политической борьбы марксизм сделал вывод, что государство должно будет исчезнуть, так как переходной формой его исчезновения, перехода от государства к негосударству будет пролетариат, организованный как господствующий класс». «...Пролетариат нуждается в государстве лишь временно. Мы нисколько не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели». Наконец, Ленин категорически заявляет: «...что «слом» государственной машины необходим в интересах и рабочих, и крестьян, объединяет их, ставит их перед общей задачей уничтожения «паразита» и замены его чем-то новым».

Ленин также пытается объяснить происхождение государства исторически: «Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.»

«В то время не было государства, не было специального аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат потом тоже назвали государством». Это райское состояние первобытного коммунизма, и когда человек духовно опускается на этот уровень, он также хочет вернуться к этой первобытной форме в плане государства, к коллективу первобытных людей. Все это приводит к конечной точке диалектического развития: «Социализм, который ведет к отмене». Этому Ленин научился у Энгельса: «Первый акт, - пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», - в котором государство действительно выступает как представитель всего общества, - собственность на средства производства от имени общества - есть в то же время его последний самостоятельный акт как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится излишним в одной области за другой и затем засыпа-

ет само собой. Власть над людьми заменяется управлением вещами и производственными процессами. Государство не упраздняется, оно умирает...

Общество, реорганизующее производство на основе свободной и равноправной ассоциации производителей, помещает всю государственную машину туда, где ей «самое место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором».

Агитация велась с помощью этой ур-коммунистической идиллии. Но первая попытка большевизма в политике - это и первый скачок от наивной утопии к политическому преступлению. В самый слабый час царской империи государство, одна из величайших империй на земле, попадает в грязные руки большевиков в качестве добычи, и, наверное, самый кровавый парадокс заключается в том, что эти демагоги, опьяненные фразами о ненасилии, о пацифизме, о безгосударственном обществе, теперь совершают самое фантастическое злоупотребление политической властью и государственным авторитетом, какое только знала история человечества. Философ государства» Ленин в страшной степени опроверг себя собственной практикой государства.

Таким образом, ортодоксальные марксисты отбрасывают себя в безконечное будущее.

Если бы в этой утопии была искра реальности, то хотя бы где-то или когда-то должно было бы стать видно, что это развитие начинается и, возможно, медленно, но неуклонно усиливается. На деле же происходит прямо противоположное. Степень «государственности» в царизме большевизм не ослабил, но из года в год национализация всех сфер жизни нарастала, как экстенсивно, так и интенсивно, и это - обязательный закон большевистского развития par excellence. Большевизм может сохраниться только за счет непрерывного усиления национализации всей жизни, до тех пор, пока государство не станет использоваться как машина терроризма, действующая повсеместно.

Полвека назад Ницше высказал смертельно серьезное предостережение против того положения вещей, при котором одержимые фразой отрицатели государства захватили государство и теперь используют его, как прежде анархистское орудие убийства, злоупотребляя государством для убийства человечества. Ницше называет марксизм фантастическим младшим братом почти изжившего себя деспотизма.

Марксизм нуждается в избытке государственной власти, как это всегда делал только деспотизм: «Да, он превосходит все, что было до него, стремясь к «формальному уничтожению личности». Личность представляется марксизму неоправданной природной роскошью, и он хочет превратить ее в функциональный орган содружества: «Марксизм нуждается в самом раболепном преклонении всех граждан перед государством, так как ничего подобного никогда не существовало». Он уже не может рассчитывать даже на старое религиозное благоговение перед государством, поскольку ему придется невольно и непрерывно работать над уничтожением религии. Поэтому «он может надеяться на существование лишь на короткое время, путем крайнего терроризма, то тут, то там. Вот почему он молча готовит царствование террора и вбивает, как гвоздь, в головы полуобразованных масс слово «справедливость», чтобы окончательно лишить их разума».

Так он становится философом. Напрасны поиски собственной мысли, творческого духовного движения. Не достигается даже уровень современного материализма. То, что предлагает Ленин, есть лишь марксистская интерпретация и агитационная эксплуатация вульгарного материализма. Его «философия» остается упрямой апологетикой марксистской ортодоксии. Все это лишь сектантские разборки, восточные пристрастия огрызающегося полемиста. Ленин остается духовным героем еврея Маркса, с упрямством фанатика он повторяет фразу за фразой. Теория для него не познание, он пользуется философскими понятиями и категориями, как

анархист-убийца кинжалом и пистолетом. Он занимается философией лишь постольку, поскольку она может служить разрушительной агитации. *Философия становится теорией анархии*.

Анархизм мысли должен подготовить анархизм дела. Самая благородная европейская духовность разрушается, отрицается, игнорируется. Дух существует только как дух гетто Маркса. Слепой к культуре, слепой к настоящей философии, он злоупотребляет ее средствами и ее авторитетом для духовного ниспровержения, для убийства духа, для преступления против культуры Европы. Высочайшие представители интеллектуального развития подвергаются остракизму, отречению, чтобы поклониться еврею Марксу. Он превозносит его как «основателя социализма науки, основателя современного материализма, неизмеримо более основательного и несравненно более последовательного, чем все прежние формы материализма». «Учение Маркса могущественно потому, что оно истинно». Сталин утверждает о Ленине: «На самом деле ленинский метод есть не только восстановление, но и конкретизация и дальнейшее развитие критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики». В чем заключается дальнейшее развитие? Достижение Ленина - это только интеллектуальное количество, так же как только марксист может исчерпать себя в количестве. Все качественное, все ценное, все благородное свернуто. Осталась философия степи, безформенная и безформенная, но разрушительного насилия.

То, что Гёте, возможно, не вполне обоснованно сказал о современном материализме, о «Системе природы» Гольбаха, в несравненно более серьезном, поистине предельном смысле слова относится к интеллектуальному наследию Ленина: «Мы не понимали, чем может быть опасна такая книга. Она казалась нам такой серой, такой киммерийской, такой мертвой, что мы с трудом переносили ее присутствие».

Идеология и Политика

Диктатура:

Мы уже видели, что уже у Маркса, как только он пытается выйти за рамки материалистической теории и предложить ее политическое воплощение, сразу же прорывается его собственная догма экономической законности. На смену автоматическому исполнению законов производства приходит требование диктатуры пролетариата. В одном из писем Маркс называет своей заслугой следующее: «Что я сделал заново, так это, во-первых, доказал, что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; во-вторых, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; в-третьих, что сама эта диктатура составляет лишь переход к упразднению всех классов и к безклассовому обществу».

Между классовой борьбой и открытием безклассового рая стоит пролетарская диктатура, она должна быть переходной. Таким образом, Ленин - это только диктатура против воли, политики - против их воли. Но реализация этой антиполитической утопии средствами политики постоянно приводит к парадоксу. Где же диалектический экономизм в этой концепции диктатуры, которую Сталин определяет так: «Диктатура пролетариата есть господство пролетариата над буржуазией, не ограниченное законом и основанное на насилии...» Впоследствии Сталин подробно разъяснил суть этой диктатуры: «Вот «характерные черты диктатуры пролетариата».

Использовать силу пролетариата для обороны страны, для укрепления связей с пролетариями других стран, для того чтобы привести революцию к развитию и победе во всех странах.

Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для укрепления союза пролетариата с этими массами, для включения этих масс в социалистическое строительство, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

Использование силы пролетариата для организации социализма, для ликвидации классов, для перехода к обществу без классов, к обществу без государства». Власть неожиданно выходит на первый план. Политическая власть, проклятая и осужденная всеми утопиями, заменяет условия производства, и Сталин даже может сослаться на Ленина: «Основной вопрос революции - это вопрос о власти». О применении этой власти мы узнаем из сталинского определения ленинизма: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции... Ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в частности». Сравните каждое слово с экономическими фразами Маркса и с фразами его преемника Ленина, когда он еще не был вынужден быть политиком. В своих литературных утопиях Ленин добивается полного исчезновения не только диктатуры, но и правительства: «... с того момента, когда все члены общества, или, по крайней мере, их громадное большинство, сами научились управлять государством... необходимость в каком бы то ни было правительстве начинает исчезать...»

Все общество будет одним бюро и одной фабрикой с равным трудом и равной зарплатой». Однако предполагается, что это лишь идиллическая заключительная фаза коммунистического развития. Это всегда один и тот же прием: то, что оказывается ошибкой в политической реальности, проецируется как возможность в безконечное будущее. Но предпосылкой возможной реализации в некоем будущем будет хотя бы поэтапное движение к этому будущему, хотя бы первые шаги, хотя бы приближение к этой цели в той или иной форме. История советского государства свидетельствует как раз об обратном. Как только марксист оказывается у власти, как только он захватывает государство, он не снижает уровень насилия, а проводит самую жестокую политику насилия. Он не делает ни шагу в сторону утопического будущего, но каждое его движение направлено в противоположную сто-

рону, каждый шаг - это шаг назад, к абсолютной политике, к власти как таковой, к неограниченному государственному деспотизму.

Диктатура пролетариата, уже теоретически являющаяся непримиримым противоречием общей догме, становится скрытым условием и постоянным опровержением диалектического экономизма.

б) Политика:

Таким образом, Ленин-политик практически всегда делает противоположное тому, что он десятилетиями требовал и утверждал как агитатор. Он снова и снова повторяет тезис Маркса: «В ходе развития рабочий класс заменит старое буржуазное общество ассоциацией, исключающей классы и их оппозицию, и никакого реального политического насилия уже не будет, потому что политическое насилие есть именно официальное выражение классового антагонизма в буржуазном обществе».

Это не «диалектика», когда марксисты занимаются политикой, чтобы преодолеть политику, а парадокс. Где все эти фразы перед собственной политической реальностью, о которой в свое время признавался Ленин: «Передышка», полученная при заключении міра, спасла Советскую республику от той гибели, которая была бы неизбежна при революционной войне». Война и борьба, а не экономические законы вдруг спасли коммунистическую политику, более того, существование советского государства. Где вся идеология классовой борьбы перед российской действительностью: «Россия соединила в себе все противоречия современного империализма, стала их «узловым пунктом», Здесь угнетение порабощенных народов правящей великодержавной нацией соединилось с военно-феодальным игом царизма, этой самой зверской и варварской формой угнетения, существовавшей в то время. В России сохранялись и в экономике, и в условиях жизни, и в политических институтах аристократи-

ческое помещичье хозяйство и значительная часть остатков фрондёрства; но в то же время в той же России очень быстро развивался капитализм, быстро росла крупная промышленность, сосредоточенная в немногих пунктах, и вместе с ней рос рабочий класс».

Окончательным выходом из идеологического затруднения является «внезапный переход от теории классовой борьбы к теории империализма». Сталин дает следующее определение: «Империализм есть самая безсовестная эксплуатация и безчеловечное угнетение населения огромных колоний и зависимых стран, исчисляемых сотнями миллионов». Утопия экономических классов и их взаимоисключающей и уничтожающей борьбы вдруг превратилась в империализм, в имперскую борьбу между странами, империями и колониями. Теперь уже не классы, а политические сверхдержавы и их политика становятся определяющим элементом міровой истории, не экономика, а политика в ее самой крайней форме. Но эта уловка с «империализмом» - не дальнейшее развитие идеологии классовой борьбы, а ее прямое самоопровержение:

в первую очередь империализм имеет политические кит вторичные экономические причины;

он стар, как история человечества, т.е. не является «продуктом» сиюминутных «отношений производства»;

империализм существовал не только во времена Ленина, так что он не мог быть открыт Марксом, но существовали одинаково мощные формы империализма как во времена Маркса, так и во времена Ленина (например, царский и британский империализм). Маркс, в силу своей экономической классовой догмы, совершенно не видел этих политических реалий, а Ленин признает их только тогда, когда догматизм Маркса уже не дает ему возможности обосновать государственную политику Советской России;

империализм и классовая борьба не везде совпадают, например, английский «рабочий класс» тоже служит британ-

скому империализму гораздо больше, чем любая международная классовая коалиция;

крайняя форма империализма была жестоко навязана СССР всем малым государствам и народам Восточного региона. Большевики не ликвидировали царский империализм, а деспотически преувеличили его. Тирания советского империализма заняла место безклассового общества.

в) НЭП:

Но и в области экономической жизни диалектический экономизм практически опроверг себя при первой же попытке конкретизации. Как уже говорилось, демагог Ленин представляет себе коммунистический рай в виде фабрики: «Все общество будет конторой и фабрикой с равным трудом и «равной зарплатой». Равная оплата труда является для него предпосылкой социальной справедливости, и он ревностно следит за тем, чтобы его утопия равенства ничем не нарушалась. Он не довольствуется формальным равенством в оплате труда, но хочет еще и «равенства потребностей»: «После осуществления равенства всех членов общества в отношении обладания средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы, перед человечеством неизбежно встанет вопрос, как перейти от формального равенства к действительному, т.е. к осуществлению предложения: «каждому по способностям, каждому по потребностям».

«Каждому по способностям» - звучит почти как принцип заслуг, но именно против результата этого принципа, как раз неравенства, и обращается Ленин. Прежде всего, он представляет себе экономическое равенство в его неполном виде так: «Каждый член общества выполняет определенную часть общественно необходимого труда и получает от общества видимость, что он произвел столько-то и столько-то. По этой записке он получает соответствующее количество продуктов из общественного фонда средств потребления, и после вычета количества труда, предназначенного для общих фондов,

каждый работник, таким образом, получает обратно от общества столько, сколько он ему предложил. Таким образом, в некотором смысле устанавливается «равенство».

Но это все равно не «реальное» равенство, так как в выигрыше остается прибавочный продукт. «Необходимо... устранить дальнейшую несправедливость, так как распределение средств потребления происходит в зависимости от производительности труда, а не от потребностей...». Это все равно будет состояние буржуазного неравенства, но пролетарии все больше и больше привыкают к этим буржуазным несовершенствам в райской гармонии коммунистического сосуществования. Каждый будет «и все будут», добровольно работать по своим способностям. «... распределение продуктов не потребует тогда от общества нормирования количества, причитающегося каждому отдельному человеку; каждый будет брать свободно, по своим потребностям». Таким образом, каждый работает по своему желанию и по своей воле, и каждый получает не по производительности, а по своим потребностям. Большевистская страна молока и меда открыта.

Первая же попытка проведения доктринальной экономической политики привела к крушению всей этой мистификации равенства. Так называемый НЭП должен был быть лишь переходным этапом, компромиссом, но то, что такой компромисс был и был необходим, наглядно опровергает и теорию концентрации, и теорию стоимости, но прежде всего идеологическую враждебность к собственности. Ведь ленинская политика НЭПа, чтобы вообще существовать экономически и политически, должна была опираться на собственность. И Ленин не мог «спастись путем пролетарской экспроприации, а только путем обращения» к крестьянской собственности и ее поддержки, путем возвращения всей экономики - после нескольких месяцев эксперимента - к неравенству собственности: «В марте 1921 года, во время Кронштадтского восстания, партия на X съезде партии под руководством Ленина решила вернуться к принципу собственности. В марте 1921

года, во время Кронштадтского восстания, партия на X съезде партии под руководством Ленина и по его инициативе приняла решение о переходе к новой экономической политике (НЭП). Ленин предстает как инициатор и творец этой политики, задачей которой было сохранение государственной власти пролетариата и восстановление крупной промышленности, этой единственной основы социализма, путем взаимопонимания со средним крестьянством, изменения распределения налогового бремени и предоставления свободы оборота мелкой торговле. Благодаря. Благодаря введению новой экономической политики был восстановлен союз пролетариата с крестьянством, и диктатура пролетариата смогла счастливо преодолеть самый серьезный кризис, который советская власть пережила с октября 1917 года». «Кризис весны 1921 г. заставил партию временно «отступить», допустить в определенных пределах свободу торговли и реставрацию капитализма... указывая на трудности и опасности, связанные с допущением в определенных пределах свободы торговли и, следовательно, свободы развития капитализма...» Крестьянин, таким образом, занимает место класса, имущественное неравенство - место безсословного коммунизма. Это касается и «стиля работы».

Пролетарские капиталистические обжоры не знали лучшего выхода из своего экономического хаоса, как выбрать в качестве образца стиль работы капиталистической Америки - предельной интенсификации капитализма. Сталин признает: «Американская объективность - это та неукротимая сила, которая не знает и не признает никаких преград, которая своим объективным упорством сметает все препятствия, какого бы рода они ни были… Объединение русского революционного порыва с американской объективностью - в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе. Только такое соединение дает нам совершенный тип ленинского функционера, стиль ленинизма в работе». Так Сталин завершает свой исторический документ об основах ленинизма. Так заканчивается ленинская экономическая философия.

г) Революция:

Для Ленина, как и для Маркса, справедливо утверждение, что масштабы его влияния никогда не могут быть объяснены величием его интеллектуальных достижений. Оба они своими теориями били по вопросам политической и социальной реальности, но их ответы не решали этих проблем; их неудачи лишь мешали реальному решению. С точки зрения таланта Ленин был в лучшем случае литератором и агитатором. Но это не объясняет его влияния. То, что он все же поднялся до исторического значения, объясняется тем, что он, как никто другой, был увлечен благосклонностью момента, что ему, как никому другому из революционеров, были предоставлены незаслуженные возможности для действия.

Ленин не создавал политической ситуации - политическая возможность благоприятствовала ему. Царская система была прогнившей до основания. Феодальная и клерикальная коррупция паразитировала на массе, отуманенной умственным и физическим крепостным рабством. Состояние царизма практически требовало не только социальной, но и технической революции. Любое, даже самое утопическое, слово о социальной справедливости должно было загореться в этом напряжении. Здоровая развитая и справедливо руководимая Россия изгнала бы «ленинизм» как болезнь.

Предпосылкой эффективности Ленина была не его интеллектуальность - в своей догматической узости он ни в чем не превзошел Карла Маркса. Нет, предпосылкой его эффективности была социальная незащищенность и болезнь восточного региона.

Поступок Ленина - это, по сути, акт отчаяния по поводу марксистской эсхатологии. Марксистское ожидание спасения обмануло пролетарские массы. Ленин не пошел по пути трусливого и лживого ревизионизма, он совершил анархистский акт - первый в истории марксизма политический акт. Но этот акт сам по себе является и сильнейшим историческим опровержением его теоретического обоснования, его фило-

софской «предпосылки». Надо всегда сравнивать факты первых лет большевистской революции с тем, как Маркс и его эпигоны представляли себе победу своего «социализма».

Предпосылки были чистыми. Сконструированные: условия производства и их диалектическое преобразование должны были покорить новое государство. В применении к настоящему времени производственный класс капитализма должен был стать настолько сильным и богатым благодаря производственному классу пролетариата, чтобы один класс мог экспроприировать другой. Постоянное накопление прибавочной стоимости и действие закона концентрации должны были автоматически привести к тому состоянию, когда капитализм, сконцентрированный лишь на немногих экземплярах, будет вытеснен и побежден огромной массой пролетариата. Через шесть лет после революции Ленин сам полностью отказался от всей этой утопии: «Западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму не путем равномерного «созревания» социализма: в этих странах, а путем эксплуатации одних государств другими». не путем равномерного «созревания» социализма: в этих странах, а путем эксплуатации одних государств другими». Сравните с этим утопии еврея Маркса в «Коммунистическом манифесте»: «В той же мере, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, в той же мере «развивается пролетариат.» Позднее Сталин перевернул всю марксистскую теорию: «Там, где промышленность наиболее развита, где пролетариат составляет большинство… можно было надеяться на осуществление большевизма. Нет, - отвечает ленинская теория революции, - не обязательно там, где наиболее развита промышленность, и так далее.

Фронт капитала порвется там, где цепь империализма слабее всего, потому что пролетарская революция есть результат разрыва цепи мірового империалистического фронта в самом слабом его месте, и тогда может оказаться, что страна, начавшая революцию, «страна, порвавшая фронт ка-

питала, капиталистически менее развита, чем другие...». Таким образом, смещаются все перспективы. Уже не классовая борьба, а империализм, уже не эсхатологическое ожидание эффекта концентрации, а политическая деятельность, уже не экономика, а политика. Тем самым наносится центральный удар по диалектическому материализму со всеми его предпосылками. Какой смысл имеет вся эта теория, когда пример нашей собственной революции доказывает, что не механика экономических законов определяет развитие, когда большевистская революция начинается именно с того, что большевистская философия доводится до абсурда? Как бы то ни было, факт остается фактом:

Когда в 1917 г. произошла революция, она не находилась на стадии наивысшего развития пролетариата; не было ни одного современного государства на земле, в котором доля пролетариата и его влияние были бы ниже, чем в России того времени. Уже в 1920 году доля крестьянства оценивалась в 85%.

Современный капитализм в царском государстве был развит меньше, чем в любой другой великой державе.

Революцию начал не марксистский пролетариат, а мелкобуржуазный либерализм.

Правителями царской империи были не капиталисты, а феодальные, клерикальные, абсолютистские власти.

Эксплуатировался не пролетариат, а угнеталось крестьянство.

Не кульминация развития условий производства привела к революции, ибо ни одно государство на земле не было более слабым в промышленном отношении и более отсталым в сельскохозяйственном отношении по условиям производства, чем это отсталое феодальное государство земли.

Не экономические силы, а мощь немецких армий привели к краху царской империи.

Таким образом, немыслимо большее противоречие, чем применение марксистского закона концентрации и марксист-

ской теории стоимости и прибавочной стоимости к фактам царской экономики.

Ленин и Маркс никогда бы не сработали, если бы их утопии не получили наиболее благоприятную возможность работать через реальные условия: через реальную эксплуатацию. Но они придали этому факту ложные причины и ложные следствия и тем самым с ужасающим успехом помешали решению и реализации социально-политических проблем восточного региона. Условия, которые, по Марксу, должны были возникнуть автоматически, нигде не возникли, а были лишь искусственно созданы путем злоупотребления политической силой.

Ирония современной истории заключается в том, что этот Ленин, которым «восхищаются как великим революционером Лениным, сидит в Швейцарии в момент решения судьбы России и занимается литературой. Он играет в государственного философа, когда его тревожит «политический кризис Октябрьской революции 1917 года». «Кроме названия, я не успел написать ни строчки в этой главе: меня «потревожил» политический кризис, канун Октябрьской революции 1917 года». Можно только радоваться такому «безпокойству».

Этот демагог, в разгар всемірно-политической борьбы занятый литературными утопиями, не по собственному почину, а по случайному стечению обстоятельств оказывается оторванным от своего стола и поставленным в центр -исторических решений.

Утопический диалектик, марксистский болтун, выступающий против государства, против политики, против господства, становится грубым исполнителем насилия. Ленинизм - это марксизм, лишенный смысла. По закону парадокса между идеологией и политикой началось советское государство, и по этому закону оно должно продолжать работать.

Ленин не пережил последствий своей политики. Его пораженный сифилисом интеллект угас через несколько лет, но ленинское учение продолжало действовать, как ментальный

сифилис, как социальная эпидемия, и заражало везде, где идеологическая бацилла становилась социально восприимчивой.

Однако русский край с его гигантской мощью и гигантскими возможностями стал теперь добычей Сталина. Если Маркс с его идеологией классовой борьбы дезинтегрировал мір внутри страны, то демагогия Ленина и Сталина против «империализма» положила начало поддерживаемой государством міровой борьбе большевизма, разрастанию до международной опасности, восстанию всех подпочвенных и подчеловеческих сил и властей под знаком Москвы.

III. Сталинизм

Все великие марксисты носят вымышленные имена: Маркс - Мордекай, Ленин - Ульянов, Сталин - Джугашвили. Отношения между теорией и политикой в марксизме выглядят примерно так: тезисы и концепции теории никогда не совпадают с политической реальностью. Это начинается с первых попыток практической политики Маркса, резко проявляется в противоречии между теорией и политикой Ленина и становится методом у Сталина. Если Маркс - «прежде всего доктринер-догматик, Ленин - политический агитатор и интеллектуальный анархист, то Сталин - абсолютный мастер насилия». За еврейским пророком следует анархист, фанатизированный марксизмом и одурманенный евреями калмыцкий татарин, за ним - переднеазиат, деспот как таковой. Теория для Сталина - это лишь «надстройка» к практике правления; он использует ее как машину или оружие на службе советской тирании. Поэтому теория должна быть готова к применению в любой момент. Он придает ей необходимую точность и внешнюю согласованность, а значит, и необходимую пробивную силу. Сталин запрещает все неопределенное, становящееся и плавающее; все затвердевает, штампуется и стандартизируется. Теория теперь лишь сред-

ство достижения цели. Сталин черпает сумму всех предыдущих агитационных опытов в истории марксизма. То, что делает внутренние противоречия слишком легко распознаваемыми, устраняется, а то, что необходимо сохранить для спасения марксизма как теории, сохраняется. Поскольку внутренней логики в марксистской теории больше нет, она искусственно навязывается диалектическим компромиссом. Диалектический. Материализм теперь ставится во главу угла, поскольку сами краеугольные камни экономических теорий Маркса шатаются, теория стоимости и теория концентрации исторически опровергнуты. Вульгарный материализм экономически модифицируется, выдается за материализм высшей пробы и втискивается в узкую схоластическую форму. Пишут и говорят почти исключительно о «диалектическом материализме». Он становится «вечной философией» большевизма. Практика уже не должна быть такой, какой ее хотела бы видеть марксистская доктрина, а доктрина должна быть такой, какой ее требует большевистская практика. Большевизм. Политика определяет теорию. Противоречия преодолеваются «диалектикой». Речь идет не о философской истине, а о большевистской целесообразности. Наука поступает на службу красной деспотии, философия - на службу советской агитации. Это и есть сталинизм. Он решает все міровые загадки по-большевистски. Таким образом, теория становится идеологическим автоматом, который всегда дает большевистский ответ на любой вопрос в стандартной и готовой к употреблению форме.

Логика и Диалектика

Нелегко определить, сам ли Сталин писал свои философские труды или - что вероятнее всего - один из его придворных философов-евреев. В случае с большевизмом это не является решающим фактором. Сталин дал ему свое имя, этого достаточно. Столь же неважно, что ранние труды Маркса, Ленина и Сталина содержат иные мысли и «утверждения»,

чем последние издания, и, несомненно, дали бы гораздо более продуктивный материал для критики. Мы намеренно воздерживаемся от этого и придерживаемся последних официально признанных и авторизованных трудов и изданий до последнего слова.

Как уже говорилось, нельзя отрицать определенной ясности, объективности и точности этой большевистской Библии. Но то, что Сталин может с такой определенностью писать по вопросам логики и эпистемологии, объясняется не его духом, а его методом ограничиваться общими местами, просто уходить от более глубоких вопросов и с большевистской массивностью бить в открытые двери спиритуалистической философии. Он просто уходит от более глубоких вопросов и с большевистской массивностью бьет в открытые двери спиритуалистической философии. Сталин хладнокровно игнорирует все философское развитие, все подлинные философские творения. Он безсвязно опирается на отдельные предложения, укладывающиеся в его схему, а затем обобщает каждый ответ так, что его можно использовать как стандартный винтик; только грубо огрубляя и сокращая все проблемы, он добивается той последовательности и «научности», которая порождает веру или, скорее, суеверие.

Определение большевизма он начинает с лаконичных фраз: «Диалектический материализм - міровоззрение марксистско-ленинской партии. Это міровоззрение называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод исследования явлений природы, его метод познания этих явлений диалектический, и потому, что его толкование явлений природы, его теория, является материалистической.»

Так что же такое эта столь желанная и разгадываемая «диалектика»? Она - все и ничто, и поэтому может быть использована для всего и ни для чего. Она неопределенна, иногда настолько узка, иногда настолько широка, что может быть использована для любого фальшивого объяснения. Прежде

всего, Сталин показывает, чем марксистская диалектика отличается от гегелевской: «Характеризуя свой диалектический метод, Маркс и Энгельс обычно ссылаются на Гегеля как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это не означает, что что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. диалектику Гегеля. В действительности Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля только ее «рациональное ядро», но отбросили гегелевскую идеалистическую оболочку и развили диалектику, придав ей современную научную форму». Далее Сталин ссылается на открытие самого Маркса о том, что есть не что иное, как материал, «перенесенный» и «переведенный» в человеческую голову.

У древних греков диалектика была мысленным движением разговора, утверждения и противоутверждения, тезиса, антитезиса и синтеза. У Гегеля это принцип движения «духа», внутреннее движение всемірной истории, путь духа к свободе от «субъективного» к «субъективному» и синтезу. Духа к его свободе от «субъективного» к «объективному» и «абсолютному» духу. Для Маркса эта диалектика была законом движения материи и потому безсмысленна, поскольку диалектика имеет смысл только с точки зрения человеческого духа. Только ради моды того времени Маркс называет что-то диалектическим, что в сущности означает лишь сведение исторического процесса к механическому движению, сведение к закономерности неорганического, к закономерности машины, всемірной истории как движения машины. Хотя эта «диалектика» предполагается материальной, она постоянно используется для объяснения психических процессов, даже процесса познания.

Сталин так определяет диалектику: «Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы как находящиеся в вечном движении и изменении, а развитие приро-

ды как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе.» [1)] Сталин и здесь практикует нечистый метод своих Маркса и Ленина - чередовать природу и материю по мере необходимости и взаимозаменять их друг другом. Если материи недостаточно, то используется природа; если природа слишком двусмысленна, то используется материя.

Столь же двусмысленно и понятие диалектики: фактически его нет, а есть лишь утверждение, которое можно использовать для всех случаев. Общими и неопределенными являются и стандартизированные диалектикой отдельные утверждения, как, например, когда Сталин просто путает «целостное» с «диалектическим»: «В отличие от метафизики диалектика рассматривает природу не как случайное скопление вещей, явлений, которые были бы оторваны друг от друга, изолированы друг от друга и не зависели друг от друга, а как стройное единое «целое, в котором вещи, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловлены друг другом». Это не более чем грубая мистификация, направленная на отрицание целостности античной метафизики или спиритуализма. От Аристотеля до Отмара Шпанна универсалистская метафизика спекулировала такими общими категориями целостности и т.п. столь же осмысленно, сколь часто безсмысленно. Для этого не требовалась «диалектика» Иосифа Сталина. Но поскольку эта «цельность» и утверждение, что все связано, столь же общие и безсмысленные, как, например, то, что все имеет температуру, то такие общие места могут быть провозглашены и использованы как міровые законы и міровые открытия диалектического материализма. И так далее. Подобно тому, как все «держится вместе», диалектически «обнаруживается», что все находится в «движении».

Это достаточно хорошо известно со времен Гераклита, т.е. около 2 500 лет.

Но с пафосом убежденности это общее место провозглашается как последнее открытие Сталина: «В отличие от метафизики диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменности, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, в котором всегда что-то рождается и развивается, что-то гибнет и выживает…»

Поэтому диалектический метод требует рассматривать явления не только с точки зрения их взаимной согласованности и обусловленности, но и «с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и исчезновения». Поскольку с философской точки зрения важна не столько «точка зрения движения» или «точка зрения распада», сколько вопрос о том, как и что движется, а Сталин этого вопроса не ставит, то и здесь сразу же проявляется его намерение прикинуться философом, чтобы избежать настоящей философии. Например, между большевизмом и капитализмом, безусловно, есть «связь», и оба они всегда находятся в «движении», и в капитализме, и в большевизме всегда что-то «рождается» и всегда что-то «уходит». Но что сказано такими банальностями и абстракциями? - Все и ничего! Если бы это что-то говорило, то из утверждения, что и капитализм, и большевизм имеют общее «движение», «связь», «возникновение» и «исчезновение», с необходимостью следовало бы заключить, что и то, и другое - консубстанционально! Сталин совершает здесь двойной обман: он упрекает старую метафизику в том, к чему она даже в таком общем виде неприменима, строит свои упреки на мотивах органического мышления, которое, в свою очередь, противоречит механистическому материализму, пытается защитить свои неорганические абстракции идеями органической натурфилософии. Вся внутренняя несостоятельность механистического материализма проявляется в том, что даже против старой метафизики он может защититься только путем эксплуатации и обобщения понятий органического мышления. Только благодаря таким

фальсификациям ему удается даже в XX веке провозгласить устаревшую догматику XIX века новейшей большевистской философией. Материалистическая концептуальная машина обставлена трофеями европейского интеллектуального міра и окрашена в естественные цвета.

Третий всеобщий закон диалектического материализма - закон «развития». Все развивается, утверждает Сталин, провозглашая: «В отличие от метафизики диалектика рассматривает процесс развития не как простой процесс роста, в котором количественные «изменения не ведут к качественным изменениям, а как развитие, переходящее от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям видимым, к коренным изменениям, к качественным изменениям, причем качественные изменения происходят не постепенно, а быстро, внезапно, в виде резкого перехода из одного состояния в другое состояние, не случайно, а закономерно, как результат накопления незаметных и постепенных количественных изменений.» «Поэтому из диалектического метода следует, что процесс развития должен мыслиться не как круговое движение, не как простое повторение прежнего, а как поступательное движение, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему».

Здесь можно только еще раз сказать, что капитализм и большевизм тоже «развиваются». Но о чем это говорит? - Ни о чем и ни о чем. Но Сталин копает гораздо глубже. В процессе развития он обнаруживает нечто неслыханное: переход количества в качество. Но ему даже не нужно задавать научный и философский вопрос о причине этого перехода количества в качество; этот переход должен быть, потому что иначе все остальное неправильно, поэтому так и есть. Даже исходный пункт не имеет смысла. Утверждение, что простое количество когда-либо существовало, столь же безсмысленно, как и утверждение схоластической философии, которая

говорит о «Существование» (Dasein) и «Сосуществование» (Sosein), даже не рассматривая вопрос о том, существовал ли когда- либо (Sosein) без (Dasein) и (Dasein) без (Sosein). Прежде всего, утверждение о том, что нечто обладает «качеством», является столь же общим, сколь и безсмысленным. Но утверждать, что в міре есть нечто, что является только количеством и поэтому должно сначала «перейти» в качество, - это узколобость. *То, что имеет количество, имеет и качество, то, что имеет качество, имеет и количество.*

Но Сталин утверждает, что количество переходит в качество, и, как и его пророк Энгельс, находит доказательство в физике: «Так называемые константы физики (точки перехода из одного состояния в другое) по большей части являются не чем иным, как обозначением узловых точек, в которых количественное подведение или отведение движения вызывает качественное изменение состояния данного тела, где количество переходит, таким образом, в качество». Энгельс переходит к химии, и Сталин следует за ним: «Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел в результате изменения их количественного состава». Здесь просто предполагается, что бездоказательно и недоказуемо, что где-то в химии имеет место чистое количество - без качества, ибо только в этом случае качественные изменения могут быть вызваны количественными. Сталин поставил перед алхимией новые задачи: не только добывать золото из камня, но и гораздо более философски - делать из количества качество. Если для химии несостоятелен этот бред о том, что есть чистое количество, переходящее в качество, то просто нелепо, когда Энгельс переносит отдельные, тем более ошибочные «наблюдения из неорганической химии на закономерность человеческой жизни и деятельности, да на всемірную историю». Но, возможно, «здесь есть и принуждение. Именно в этом проявляется вся философская слабость диалектического материализма, что он вынужден черпать доказательства из областей, которые в своей неорганической закономерности

никогда не касаются всего человеческого бытия. Во всяком случае, из этого химического иллюзорного доказательства перехода количества в качество «доказывается», что человечество находится в вечном качественном прогрессе, «и что марксизм есть вершина всего развития человечества до сих пор». Марксизм предполагает «развитие», поэтому развитие должно быть везде. Поскольку пролетарский материализм должен быть качественно лучше буржуазного идеализма, то должен быть этот переход количества в качество, а поскольку из истории это доказать нельзя, то пробуют химию.

По этой причине Маркс присвоил себе и дарвинизм, хотя законы, которые теория развития предполагает во всей природе, настолько многообразны и богаты, что их приравнивание к механике экономических законов является абсурдом. Таким образом, органический процесс развития, охватывающий миллионы лет, используется Сталиным в качестве доказательства для философского обоснования эпохи между капитализмом и большевизмом, охватывающей несколько десятилетий, как «качественного» прогресса.

Сталин узнал от Энгельса и Маркса еще кое-что: факт антагонизма всех отношений, внутренних противоречий. Хотя этот факт уже содержится в понятии диалектического, он явлен изумленному міру как великое открытие Сталина: «В отличие от метафизики диалектика исходит из того, что природным вещам, природным явлениям присущи внутренние противоречия, что все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое умирание и развитие, что в борьбе этих противоположностей, в борьбе между старым и новым, между умирающим и вновь возникающим, между умирающим и развивающимся, заключается внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание. превращения количественных изменений в качественные... Поэтому из диалектического метода следует, что процесс развития от низшего к высшему происходит не в виде гармонического развертывания явлений, а в виде

вспышки противоречий, присущих вещам и явлениям, в виде «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий».

Тысячелетний самоочевидный факт пропагандируется здесь как специфически большевистское достижение мысли, но и с вполне благовидной целью. Тот общий факт, что все развивается в противоположностях, как, например, температура между жарой и холодом, эксплуатируется для обоснования классовой борьбы. Поскольку противоположность между пролетарием и буржуазией должна быть всеобщим законом современной истории, следовательно, вся природа должна состоять из противоположностей и противоречий, - и для того, чтобы эпоха классовой борьбы сменилась безклассовым обществом, противоположности должны развиваться по «восходящей линии» во всем міре. Победа большевизма заключается в преодолении противоположности пролетариата и буржуазии по «восходящей линии», поэтому это должно быть міровым законом, чтобы весь мір доказал большевизм. Однако закон действует только до тех пор, пока большевизм не захватит власть. Это кульминация и конечная точка развития противоположностей, потому что: *оппозиции большевизму больше быть не может, оппозиция Сталину смертельна*.

Все это Сталин называет методологической доктриной диалектического материализма: «Таковы вкратце принципы марксистского диалектического метода... Нетрудно понять, какое огромное значение имеет распространение руководящих принципов диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое огромное значение имеет применение этих руководящих принципов к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.» Так создается то интеллектуальное оснащение, с помощью которого ортодоксальный марксист все признает, все знает и все может.

Постепенно Сталин сбрасывает маску философа, размышляющего о вечных истинах, и появляется ухмыляющийся агитатор: «... Это так, ... так оно и есть...», - загадочно объявляет он: «Если мір находится в непрерывном движении и развитии, если гибель старого и рост нового есть закон развития, то ясно, что никаких «незыблемых» социальных условий.... больше не существует. Значит, можно заменить капиталистический строй социалистическим. Поэтому ориентироваться надо не на те слои общества, которые уже не развиваются... а на те, которые развиваются. И именно потому, что пролетариат развивался как класс, марксисты ориентировались на пролетариат. Если превращение медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные представляет собой закон развития, то ясно, что революционные потрясения, совершаемые угнетенными классами, представляют собой совершенно естественное и неизбежное явление. Поэтому переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического ига не могут быть осуществлены не путем медленных изменений, не путем реформ, а исключительно путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.»

При этом сталинская логика совершает странные скачки. В то время как все развивается в противоположностях, вдруг появляется нечто, что больше не развивается, потому что ему больше не дают развиваться. Буржуазный класс больше не развивается, иначе не могло бы наступить господство пролетариата. Но и пролетариат не развивается дольше, чем ему позволяет Сталин. Почему же «развитие» прекращается, когда пролетариат становится большевистским? Здесь мы видим всю ту связь между химией и большевизмом, на которую я уже указывал. В химии количество должно «таинственно», «скрыто» переходить в качество, поэтому и буржуазия переходит в пролетариат, и большевистское восстание было так же необходимо, как ход естественного закона. Вся эта материалистически подогретая старомодная схоластика

имеет лишь цель представить существование Сталина как результат действия всех законов міра и природы. Перед лицом сталинского деспотизма вся диалектика вдруг замирает. Противодействие Сталину - это уже не диалектическое развитие, а контрреволюция, подлежащая уничтожению.

Нельзя отказать Сталину и его придворным философам в определенной виртуозности в использовании буржуазных абстракций в целях большевистской догматики. Отправной точкой всякого теоретизирования является практический интерес. Теория не развивается из практики, а строится для ее обоснования. Он берет древние псевдофилософские абстракции и играет с ними до тех пор, пока они не дадут теоретического обоснования его политике. Большевизм учит этому не потому, что в міре все обстоит именно так, а для того, чтобы большевизм был оправдан, мір представляется именно таким образом; точно так же и всемірная история. Таким образом, Сталин создал для себя материалистическую доктрину предопределения, по которой каждое историческое явление должно доказывать, что все развитие природы и истории до сих пор есть только одно: неизбежная подготовка «эпохи Сталина».

Все эти разговоры о диалектике понятны только в том случае, если признать их рабулизмом: *диалектический материализм - это рабулистический материализм*.

Дух и Материя

То, что диалектический материализм переносит механические законы на общественно- политико-исторический уровень, - это не высшее развитие, а нечто гораздо более примитивное, чем первоначальный материализм. Материализм остается логически терпимым в той мере, в какой он полемизирует со спиритуализмом и солипсизмом во всех их проявлениях. Диалектический материализм в значительной мере обязан своей эффективностью именно этому родству с прежним материализмом. Но то, что в диалектическом ма-

териализме, экономическом догматизме Маркса, Ленина и Сталина является специфически «марксистским», - это покушение на человеческий дух, злоупотребление европейскими средствами мысли в антиевропейских целях. Поэтому мы должны разобраться и со сталинской «философией», даже рискуя повторить многое из того, что уже было у Маркса и Ленина, поскольку повторение Сталина придает этим теориям официальное значение для одной из крупнейших политических держав современности.

Пока материализм живет за счет критики спекулятивного идеализма, пока он не столько материализм, сколько антиидеализм, в нем живет частица реальности. Но что стало с Марксом, Лениным и Сталиным? Подобно тому, как на классовое самомнение сверху отвечала только классовая борьба снизу, и тем самым сохранялась классово-борцовская основа, капиталистическому экономизму противопоставлялся еще более примитивный пролетарский экономизм. Таким образом, экономический материализм еврея Рикардо находит свое преодоление не в диалектическом материализме, а в еврейском дальнейшем развитии. Сталин тоже не в состоянии подняться над экономической основой. Он с энтузиазмом продолжает утверждение Ленина о том, что истиной обладают только естественные науки, причем понимаемые в материалистическом смысле: «...что только естественные науки, отображающие внешний мір в человеческом «опыте», способны донести до нас объективную истину...» А «природа», мыслимая лишь в механической закономерности, призвана дать законы для міра людей: «Если связь природных явлений и их взаимная обусловленность представляют собой законы развития природы, то из этого следует, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни также не представляют собой ничего случайного, а являются законами развития общества...». Поэтому и деятельность партии пролетариата основывается на «законах природы»: «Поэтому практическая деятельность партии пролетариата

должна основываться не на благочестивых пожеланиях «выдающихся личностей», не на требованиях «разума», «общей морали» и т.п., «а должна основываться на законах развития общества, на изучении этих законов».

О том, с какой примитивностью проводится эта мысль, свидетельствует фрагмент, в котором Ленин и Сталин ссылаются на Гераклита: «Мір, единый во всем, не создан ни богами, ни людьми, но он был, есть и будет его вечным живым огнем, воспламеняющимся в меру и «гаснущим» в меру». По этому поводу В.И. Ленин заметил: «Очень хорошее изложение принципов «диалектического материализма». Этот символ огня понимается буквально, и закономерность физического процесса переносится на явления политической и исторической жизни.

Как только круг общих мест преодолевается и Сталин пытается конкретизировать свое утверждение, противоречия уже не скрыть: «В отличие от идеализма, представляющего мір как воплощение «абсолютной идеи» «мірового духа», «сознания», философский материализм Маркса исходит из того, что мір материален по своей природе, поскольку многообразные явления міра представляют собой различные формы движущейся материи. Что взаимосвязь и взаимозависимость явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют собой законы развития движущейся материи, что мір развивается по законам движения материи и не нуждается в «міровом духе». Здесь Сталин использует - по примитивности или по изощренности - старый прием: расширяет термин так, что с его помощью можно определить все, или сужает его так, чтобы он был полезен для конкретного случая. Так, он говорит о «различных формах движущейся материи». «Формы материи» - что это значит?» Чем одна «форма» материи отличается от другой? Материя от другой «формы» материи? Если бы существовали различные. Если бы существовали разные «формы», то должны были бы существовать и разные материи. В чем же должны отличаться

эти формы? Не в материи, которая у них общая, или в чем-то, что не является материей, в чем-то нематериальном? Тогда помимо материи существовали бы и нематериальные вещи, но тогда материалистический монизм был бы разрушен, т.е. материализм был бы упразднен. Но если использовать понятие материи таким образом, что всякое сущее, не познаваемое через материю, есть просто другая форма материи, то понятие материи расширяется до такой степени, что признать ее материей становится невозможным. Затем понятие материи расширяется до такой степени, что все является «материей» или может быть «материей» в зависимости от необходимости. Тогда «материи» фактически больше не существует, потому что нет ничего, что не было бы материей. В этом заключается круговая порука всех монистических догм, как материалистических, так и спиритуалистических. Поскольку Сталин не может объяснить все материей, а находит ряд явлений, которые он не может объяснить материально - одно только «движение» не может быть объяснено «материально», - он вынужден говорить о «формах материи».

Вместо того чтобы по-настоящему философски подойти к решению возникающей здесь проблемы, выбирается другое слово, и философия оказывается в стороне.

Расширение понятия материи доходит до того, что в материю включается и мышление, так что практически не остается ничего, что не являлось бы материей. Но материя, которая мыслит, так же невозможна, как и мышление, которое «производит материю». В этой безсмыслице Сталин ни словом не выходит за рамки Маркса и Ленина: «...что материя, природа, бытие представляют собой объективную реальность, существующую вне сознания и независимо от него, что материя - это ... материя первична, первоначальна, так как она есть источник ощущений, идей, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно есть образ материи, образ бытия, что мышление есть продукт материи, достигший в своем развитии высокой степени совершенства, и действительно есть

продукт мозга, но мозг есть орган мышления, что поэтому мышление не может быть отделено от материи...» Дух как продукт материи имеет такой же смысл, как и материя как продукт духа. Как пролетарство есть перевернутый капитализм, так и материализм есть лишь перевернутый спиритуализм. В обоих случаях в философствовании господствует монистический догматизм. Можно только удивляться, почему природа вообще развивает человека. Можно только удивляться, зачем природа вообще развивает человека, если материя уже мыслит. Нужно ли было вообще материи идти на диверсию через Иосифа Сталина, чтобы открыть человечеству такую мудрость?

На этом же основании основано утверждение о том, что материя первична, а сознание вторично. Как вообще возникает это различие? Как материя может быть первичной, а сознание вторичным, если и то, и другое - «материя»? Генетический вопрос здесь не имеет решающего значения. Даже если, согласно развитию, «материя» существует раньше «духа», это еще ничего не говорит о ранжировании духа и материи по степени существования и ценности. Позднее возникновение, безусловно, совместимо с более высоким уровнем бытия и ценности, а раннее - с более низким уровнем бытия и ценности. Сам марксизм провозглашает развитие по восходящей линии как основной закон жизни. Строго говоря, это означает, что позднее не только старше раннего, но и ценнее раннего, а раннее уступает позднему. Поэтому дух как более позднее должен быть «первичным», а материя - «вторичной».

Что это за бред: «Материя - источник сознания»? Тогда почему существуют люди? Почему существует Сталин? Вся эта чепуха о «мысли и материи», о «сознании и материи» есть лишь примитивное искажение мысли о единстве бытия и сознания, которую Маркс скопировал у Фейербаха. Однако «бытие» - это совокупность всего существующего, а значит, и высшее единство природы и сознания. Это единство посто-

янно путают с «материей» и сознанием. Материя - это «вещество», а вещество - это не более чем сознание, и сознание может быть объяснено только в терминах вещества. Одно исключает другое. Тождество обоих делает их безсмысленными вместе, и любое размывание понятий отменяет оба термина. Объяснять материю из духа или дух из материи, сознание из вещества или вещество из сознания еще более безсмысленно, чем если бы я сказал, что физически существует только холод, а тепло - это только форма холода, или существует только тепло, а холод - это только форма тепла.

Трудно бороться с онтологической безсмыслицей материалистического взгляда на мір и человека до тех пор, пока его представителям не удается дать точное определение того, что должно быть материей или веществом. Если бы такое определение было, то нельзя было бы использовать понятие материи более узко или более широко, как это делалось до сих пор, и тем самым избегать критики. Сталин и его предшественники чувствуют себя превознесенными над Фогтом, который в свое время заявил, что мысль относится к веществу мозга так же, как желчь к печени или моча к почкам. Не является ли «философия», приравнивающая дух к материи, еще более примитивной? Как только я думаю о «материи» как о чем-то конкретном, например, о камне, физика объясняет, что «вещество» и «сила» уже образуют в камне таинственное единство, не говоря уже о более высоких формах бытия. Но даже если я расширю понятие «материя» до высших форм органической жизни, растительного и животного міра, то и тогда понятие материи не будет достаточным для охвата политического и исторического. Даже самые высокие уровни «материи» не могут быть достаточными для объяснения духа или сознания.

Разумеется, здесь нет ни места, ни возможности более подробно рассмотреть соотношение духа и материи, сознания и природы. Необходимо лишь еще и еще раз показать невозможность марксистского представления этих отношений.

Объяснить можно только следующее: не оспаривается, что все живое связано с «веществом» и «силой». Это, по-видимому, является предпосылкой всякого существования. Но это еще нигде не доказывает, что что сила и дух ограничены «материей» или даже что они сами являются только материей. Разве растение - это только земля (материя), потому что оно распускается из земли? Является ли животное только суммой клеток, потому что оно развивается из клеток? Является ли человек только клеточной субстанцией, поскольку он развивается из яйца и семени? Безумие - отрицать всю высшую жизнь за то, что она проходит через низшие начальные стадии, сводить высшее развитие к форме существования первоначала. Понятия «материя» и «вещество» имеют смысл только в том случае, если они отграничены от нематериального и несубстанционального. В противном случае «материя» остается пустым понятием, которое можно наполнять содержанием по своему усмотрению. Такая игра возможна и с любым другим понятием. В том числе и с понятием «дух».

В действительности в этой антитезе духу или спиритизму жив только перевернутый христианский предрассудок. Предрассудок в пользу «духа» сменяется предрассудком . в пользу «вещества». Чем больше мы удаляемся от монистического спиритуализма, равно как и от монистического материализма, тем скучнее становится вся эта псевдопроблематика. Для нас отнюдь не является априорно отрицательным, что нечто состоит из «вещества», и для нас не является априорно предпочтительным, если нечто объясняется как состоящее из «духа». Решающим для нашей оценки является не происхождение, а реальный экзистенциальный эффект. Для нас было бы так же мало отрицательного, если бы все возникло из «духа», как и если бы все возникло из «вещества». Для нас «вопрос о происхождении с самого начала не является проблемой ценности». Мы вернули себе здоровье и безпристрастность досократиков, для которых такое ценностное различение «духа» и «материи» было бы вообще непонятно.

Нам не важно проследить все формы проявления бытия до одного вида субстанции, ибо в каждом случае мы имеем дело с догматическими абстракциями, а важна лишь иерархия сущего, иерархия физического, психического и духовного в человеческом существовании. Ничто так не подтвердило нам единство тела, души и духа, как расовые исследования. Ничто так точно не подтвердило нам неразрывную связь духа, тела и души, как ранжирование физических, психических и духовных слоев человеческого существования. Мы точнее, чем прежде, знаем, насколько сильно все физическое влияет на дух и насколько сильно все духовное влияет на тело, и насколько неразрывна эта связь для здорового существования. Но несмотря на это, а тем более благодаря этому, мы утверждаем духовное как ведущую силу, равно как и основополагающее значение физического.

Единство не есть одинаковость. То же конкретное мышление, которое ведет нас к единству, заставляет нас и ранжировать. В историческом процессе мы также наблюдаем эту связь между материальными законами и следствиями и законами души и духа, и наоборот: единство и иерархия. Как человек господствует над природой, так и внутри человека «духовное» руководит всем человеческим бытием, причем в здоровом человеке невозможно конкретно отделить дух и сознание от материального, органического и духовного.

Таким образом, мы одинаково далеки и от монистического материализма, и от монистического спиритуализма и уже не видим вообще никакой философской задачи в проблеме духа и материи в материалистической и спиритуалистической постановке вопроса. Тем более важным для нас является вопрос об иерархии и порядке ценностей. Это как намек, а не как решение поставленных проблем, - для контрастной иллюстрации материалистического монизма, а не для изложения собственной позиции. Это должны быть только намеки, одних намеков достаточно, чтобы разоблачить материалистический догматизм.

Здесь более обоснован другой вопрос, вопрос о том, почему необходимо полемизировать с духом в такой форме, что заставляет большевизм вести эту атаку на все духовное?

Чем дольше Сталину приходится отстаивать власть в СССР, тем важнее для него становится не только внешнее физическое угнетение, но и внутреннее психическое господство над советским человеком. Собственный политический опыт заставляет его не ограничиваться материальным господством. Сила физического террора применяется с невиданной жестокостью, но этого недостаточно, чтобы производить и эксплуатировать советских людей по сталинскому образцу. Наряду со шквалом агитации и пропаганды он обязательно должен использовать воспитание, точнее, психическую подготовку человека. Ведь у советского человека помимо «материи» есть еще и душа, и дух. Для того чтобы полностью управлять им, необходимо в какой-то мере овладеть и душой, и духом.

Материалистическая основа «отношений производства» недостаточна для обеспечения большевистского деспотизма. Согласно теории, дух и душа должны быть «продуктом экономических условий» или «отражать» их, но на них нельзя достаточно полагаться, и поэтому человек вынужден все больше и больше искусственно воздействовать на них духовными и психическими средствами. Согласно Марксу и Ленину, Сталин также утверждает: «...что материальная жизнь общества, его бытие, есть также первичное, первоначальное, а духовная жизнь - вторичное, производное, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия... Поэтому источник формирования духовной жизни общества, происхождения социальных идей, социальных теорий, политических взглядов, политических институтов надо искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических институтах, а в условиях материальной жизни общества, в том обществен-

ном бытии, отражением которого эти идеи, теории, взгляды и т.д. являются». «Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, таковы и его идеи, теории, политические взгляды, политические институты». Если бы этот акцент на материальном и первичном влиянии экономического на социальные идеи был верен, то невозможно было бы объяснить, почему этот гигантский аппарат пропаганды и просвещения, агитации и обучения находится в постоянном движении. Не говоря уже о том, что сами условия производства были лишь искусственно и сознательно созданы - именно как большевистские «условия производства». Чтобы оправдать это противоречие, Сталин вынужден объяснять связь идеи и материи с помощью следующего логистического трюка: «Новые социальные идеи и теории возникают только тогда, когда развитие материальной жизни общества ставит перед ним новые задачи. Но возникнув, они становятся в высшей степени значимой силой, облегчающей решение новых задач, поставленных перед обществом развитием материальной жизни... Именно в этом проявляется мощная организующая, мобилизующая и преобразующая роль новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических институтов...

Рождаясь на основе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые социальные идеи и теории прокладывают себе путь...» Он даже вынужден признать следующее: «Для того чтобы иметь возможность действовать на условия материальной жизни общества и ускорить развитие этих условий, ускорить их улучшение, партия пролетариата должна опираться на социальную теорию, на «социальную идею», которая правильно выражает потребности развития материальной жизни общества и, следовательно, способна привести в движение широкие народные массы, мобилизовать их и организовать из них великую армию пролетарской партии, готовую сокрушить реакционные силы и проложить путь прогрессивным силам общества.» Теперь те-

ория вдруг становится условием существования большевизма. Сила и жизнеспособность марксизма-ленинизма состоит теперь в том, что он опирается на: прогрессивную теорию: «...поднимает теорию на должную высоту и считает своим долгом полностью использовать ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу... Так исторический материализм решает вопрос о соотношении между общественным бытием и общественным сознанием, между условиями развития духовной жизни общества».

Подобно тому, как первобытные люди фантазировали свои идеи и потребности в идолов и демонов, Сталин проецирует специфически человеческие способности на своего идола «материю», а затем утверждает, что всем человеческим он обязан именно этой материи.

Идеи и теории возникают только тогда, когда материя ставит перед человеком «новые задачи». Как происходят эти экономические изменения? Через материю или через человека? Человек изобрел радио или радио изобрело человека? Человек поставил перед собой задачу изобрести радио, или материя поставила перед человеком эту новую задачу? Или применительно к большевизму: в 1848 г. марксизм возник как теория, но к 1917 г. производственных отношений, которые соответствовали бы этой теории, не было и в помине. Так породил ли Маркс теорию, или условия производства вдохновили Маркса?

Ставил ли Ленин цели НЭПа или экономическая система НЭПа «поставила перед Лениным новые задачи»? Сталин форсировал индустриализацию советского пространства или индустриализация породила сталинские планы? Или: почему в одних и тех же условиях производства могут появиться Троцкий и Сталин?

Все это еще более безумно, если исходить из принципа. Почему материя вообще может порождать идеи? Если есть только материя, а идея - это тоже «материя», то зачем тогда это различие? Сам факт различия между идеей и матери-

ей разбивает вдребезги весь марксистский монизм. Сталин, чтобы объяснить свой политический метод, вынужден ограничить материю и признать важность существования идей, сознания, духа и души.

Это абсурд, но, тем не менее, с этим абсурдом приходится сталкиваться снова и снова, потому что он стал государственной догмой гигантской империи. В чем же разница между Кантом и его коллегой Шульце? В том, что у обоих одинаковые экономические условия, или в том, что Шульце - талант, а Кант - гений? Чем они отличаются - качеством интеллекта или условиями производства? Но Сталин вынужден пробовать этот компромисс между «материализмом» и «идеализмом». Он должен отстаивать материализм, потому что это духовная основа большевистского правления, и любая другая идеология была бы несовместима с методами его политики. А идеи он вынужден признавать потому, что иначе вся его система человеколюбия была бы излишней и необоснованной. Но это лишь вынужденные отклонения; сильнее этих непримиримых уступок реальности он должен держаться за материалистический образ человека и міра для производства того типа человека, который может быть господствующим в большевизме. Попробуем на минуту применить к новейшей истории сталинское понимание связи идей и экономического производства: «Таким образом, источник формирования духовной жизни общества, происхождения социальных идей, социальных теорий, политических взглядов и политических учреждений надо искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в том общественном бытии, образом которого эти идеи, теории, взгляды и т.д. являются». Дух Просвещения освободился от средневекового догматизма и тем самым расчистил путь к реальному исследованию природы. В результате этой интеллектуальной революции появились открытия естествознания и изобретения техники. Естественные науки и техника делают возможной современную эконо-

мику. Таким образом, условия производства - это не начало, а конец развития, а идеи - не конец, а начало. Сталин просто переиначивает это на противоположное. Идеи - это «образы экономического производства». Применительно к истории большевизма это означает, что большевистская идеология возникает через сто лет после большевистского производства СССР.

Производство, созданное через сто лет, порождает в качестве образа большевистскую идеологию, существовавшую сто лет назад. «... Так исторический материализм решает вопрос о соотношении между общественным бытием и общественным сознанием, между условиями развития духовной жизни общества...»

Философия истории

В той мере, в какой большевизм занимается конкретной политикой, он вынужден конкретизировать и свою теорию. В этом и заключается теоретическая гибель Сталина. Он уже не может довольствоваться только общими местами и абстракциями, он должен, по крайней мере, учитывать политическую реальность. При этом он не приемлет ни софистики, ни рабулизма, ни непоследовательности, ни мнимого решения, чтобы симулировать единство между Марксом как теорией и Сталиным как практикой.

С катедерной серьезностью он приступает к «научным» изысканиям смысла и сущности исторического процесса. В конце концов он хочет ответить на не имеющий ответа вопрос об «условиях материальной жизни общества». Прежде всего, он утверждает, что географическое и климатическое влияние космоса очень незначительно. Это удивительно, ведь здесь мы имеем дело если не исключительно, то очень широкомасштабное воздействие «материальных» физико-химических процессов. «Не является ли географическая среда главным фактором, определяющим характер общества, характер социального строя народа, переход от одного строя

к другому? Географическая среда, безусловно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, и она, естественно, оказывает свое влияние на развитие общества - ускоряет или замедляет ход его развития. Но ее влияние не является определяющим».

На втором этапе исследования Сталин сталкивается с влиянием населения, но не с влиянием расово-этнической субстанции, однако - и это одна из характерных чудовищ большевистской духовности - он ограничивается только количественным увеличением населения, количественным: «Далее несомненно, что рост населения, та или иная его плотность, также входит в понятие «условия материальной жизни общества», ибо человек составляет необходимый элемент условий материальной жизни общества, и без существования определенного минимального количества людей вообще не может быть материальной жизни общества.» Человек, таким образом, является лишь «элементом условий производства» и важен только в количественном отношении. Это одно из самых отвратительных последствий материалистического догматизма.

Поразительно, как Сталин здесь с профессорским иносказанием приходит к выводу, что человек - необходимый элемент общества. Это, несомненно, очень остроумно, поскольку общество состоит из людей, то и человек здесь обнаруживается как элемент человека.

Аналогично и второе озарение, что без минимального количества людей нет «материальной жизни общества», т.е. без человека нет жизни людей. В принципе, здесь важно только то, что сам человек выступает лишь как часть, как один элемент среди других, как элемент материального. Что же тогда является нематериальным? Какой смысл имеет словосочетание «материальные условия жизни». В каком смысле, если жизнь общества, то есть человека, опять-таки является лишь частью материи? Это всегда одна и та же безсмыслица.

После того как все реальные причины социальной жизни человека, кровь и почва, раса и пространство, по сути, отрицаются, вновь почти дословно всплывает догматика еврея Маркса: «Каков способ производства в обществе, таково, по существу, и само общество, таковы его идеи и теории, его политические взгляды и институты. Или, говоря грубее: каков образ жизни народа, таков и образ его мышления». Здесь Сталин, как и Ленин с Марксом, делает узкое утверждение, что человеческие идеи - это результат производства. Это верно в той мере, в какой условия производства соответствуют тому типу человека, который их произвел, но именно потому, что этот тип человека их произвел, а не наоборот. Здесь путаются причина и следствие. Поскольку следствие естественным образом имеет сходство с причиной, оно признается причиной, а причина – только следствием. Поскольку ребенок имеет сходство с отцом, то, следовательно, ребенок является причиной отца, а не наоборот. Поскольку человек накладывает свой отпечаток на условия производства, условия производства являются причиной человека. И снова, вольно опираясь на Маркса: «Итак, ключ к изучению законов истории общества следует искать не в умах людей, не во взглядах и идеях общества, а в том способе производства, который общество применяет в каждый данный исторический период, в экономике общества».

Наконец, Сталин дает следующее определение условий производства: «Орудия производства, с помощью которых производятся «материальные блага, люди, приводящие эти орудия производства в движение и осуществляющие производство материальных благ благодаря определенному опыту производства и умению работать, - все эти элементы вместе взятые образуют производительные силы общества... Но производительные силы образуют только... другую сторону производства... образуется взаимосвязями людей в процессе производства, отношениями производства людей». [2)] И здесь человек является лишь частью производства. Таким образом,

человек всегда является лишь материальной частью своей собственной «материи». Сто лет назад, при Карле Марксе, над этим еще можно было смеяться как над еврейской выдумкой, но упрямое воплощение этого в 1940 году - идиотизм. Идиотизм этой «теории» как раз и заключается в том, что с ней трудно и не хочется бороться логическими средствами.

Затем Сталин переходит к анализу исторического развития производственных отношений: «Далее дается схематическая картина развития производительных сил с древнейших времен до наших дней.» Первобытная община - коллективизм: «Здесь понятие частной собственности на средства производства еще неизвестно... Здесь нет эксплуатации, нет классов». Но затем происходит изгнание из рая. За первородным грехом собственности следует наказание в виде рабства. Каким образом примитивные коммунисты вдруг соблазнились на собственность? остается тайной сталинской легенды о сотворении міра. «При общественном строе, основанном на рабстве, основой производственных отношений является собственность рабовладельца не только на средства производства, но и на производителей, на раба, которого рабовладелец может продать, купить, убить, как кусок скота. Такие отношения производства по существу соответствуют состоянию производительных сил в данный период.» И вдруг, по какой-то необъяснимой причине, появляются металлические орудия труда, а вместе с ними, столь же необъяснимо, «возможность обмена продукцией между индивидами и сообществами, возможность накопления богатства в руках немногих возможность порабощения большинства меньшинством и превращения членов этого большинства в рабов здесь преобладает. Принудительный труд рабов, эксплуатируемых неработающими рабовладельцами».

Далее следуют феодализм и капитализм, которые являются лишь модернизированными формами рабства, пока все не вернется в райское первоначальное состояние первобытных

людей, но современных первобытных людей в «отечестве социализма». Всегда поражает та степень наивности, с которой здесь прокручиваются всемірно-исторические изменения условий производства. Если сводить исторический процесс к производству - это уже узколобость, то не задаться вопросом о происхождении этих изменений внутри производства, вопросом: почему меняются технические средства, почему вместе с ними меняются отношения собственности, почему вместе с ними меняются люди - это интеллектуальная дерзость?

«Третья особенность производства состоит в том, что новые производительные силы и соответствующие им производственные отношения возникают не в отрыве от старого общественного строя, не после исчезновения старого строя, а в лоне старого общества, не как результат целенаправленной, сознательной деятельности людей, а элементарно, бессознательно, независимо от воли людей. Они возникают элементарно и независимо от воли людей... потому что люди не свободны в выборе того или иного способа производства потому что, совершенствуя то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают этого, не понимают этого и не задумываются над тем, к каким общественным результатам должны привести эти усовершенствования.» Вопрос о причинах изменений вообще не ставится, а лишь утверждается, что человек по существу является лишь объектом этого развития. Вопрос не ставится потому, что философия диалектического материализма настолько примитивна, что не должна ставиться, потому что когда причины технических изменений в производстве, гений человека, изобретательский дух человека, признаются во всем их действии, когда человек таким образом вступает в свои права, тогда материальные условия уже не могут быть решающей причиной исторического развития, и поэтому гений вообще не должен ставиться. Дело не в том, что человек изобретает и тем самым изменяет свои условия,

а в том, что по необъяснимым причинам изменяется производство и вместе с ним изменяется человек. Это не человек. Не человек создает машину, а машина создает человека; не человек создает орудие труда, а орудие труда изменяет человека. Только на этой основе диалектический материализм может быть самостоятельной философией истории. Сталин открыто подтверждает это, цитируя Карла Маркса: «Ручная мельница приводит к обществу с феодалами, паровая мельница - к обществу с промышленными капиталистами».

Здесь тот факт, что человек должен приспосабливаться к существующим условиям производства, созданным человеком, просто путается с вопросом о том, как эти условия производства возникли и как их можно изменить. Но и эта путаница не просто глупость, а необходимость: «До определенного периода развитие производительных сил и изменения в сфере производственных отношений происходят как элементарный процесс, не зависящий от воли людей».

Только тогда, когда этого уже нельзя избежать, даже побольшевистски, учитывается влияние идей, но только для устранения существующих отношений производства: «После того как новые производительные силы достигли зрелости, существующие. После созревания новых производительных сил существующие производственные отношения превращаются в их носителей, господствующие классы, в «непреодолимое» препятствие, которое может быть устранено только сознательной деятельностью новых классов, насильственными действиями со стороны этих классов, революцией. Здесь становится особенно очевидной огромная роль новых социальных идей, новых политических институтов, новой политической власти, призванных силой ликвидировать старые производственные отношения». Вряд ли можно считать, что Сталин настолько узок, что не замечает этого логического скачка. Те же самые люди, которые якобы являются автоматами производственных отношений, их результатом и следствием, теперь вдруг оказываются способными устранить

прежние условия производства с помощью идей и теорий. Человек - лишь продукт материального производства, но неожиданно продукт может устранить производителя, т.е. материалистический монизм толкают до тех пор, пока он нужен, и тут же отменяют, когда собственное политическое существование заставляет признать роль идей, духа, а значит, и человека в собственном смысле слова.

Кульминацией всей философии становится развернутая цитата пророка Маркса: «Вот гениальная формулировка сущности исторического материализма... *Способ производства материальной жизни определяет социальный, политический и духовный жизненный процесс в целом...*

Доисторические рассуждения уже были приведены.

Технические изменения вытесняют первобытного человека из коллективного первобытного состояния, приводят к различным формам рабства, и в конце концов приходит Сталин и возвращает человеку модернизированное первобытное состояние в большевистском коллективе. Все эти изменения материально обусловлены; не человек производит производство и его формы, а производство производит человека, его идею, его политику и т.д. Не возникает и вопроса, почему вдруг те или иные изменения в орудиях труда не являются одинаково благоприятными или одинаково неблагоприятными для всех людей, почему одни вдруг становятся хозяевами, а другие - рабами. Поскольку изменения в производстве одинаковы для всех, то, конечно, люди должны быть неравны, если они делают из них такие разные выводы - одни как хозяева, другие как рабы. Но этот вопрос даже не ставится, не говоря уже об ответе. Всю эту примитивность следует теперь сравнить с тем утверждением, которое выводит из нее Сталин: «Итак, самая первая задача исторической науки - это исследование и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, экономических законов развития общества». Человек как машина, мір как машина и

всемірная история - движение, строительство и реконструкция машины. Подобная «философия истории» господствует на советском пространстве и однажды, по преступной воле Ленина и Сталина, должна стать господствующей в мышлении всего человечества.

С большевистской доктриной всегда лучше всего можно познакомиться, применив ее к собственному бытию и истории большевизма. Нужно еще раз спросить: условия НЭПа в производстве создал Ленин или Ленин ввел условия НЭПа? Индустриализация создала Сталина, или Сталин провел индустриализацию? Это настолько кулачный вопрос, что на него не хочется отвечать. Но только когда эта теория сводится к этой простой формуле, становится достаточно заметной вся ее узость. Надо сорвать эту мнимую научную маску, чтобы открылась гримаса примитива. Повторяю еще раз: Сталин всерьез утверждает: «Каков способ производства общества, таково и само общество по существу, таковы его идеи и теории, его политические взгляды и учреждения». «Поэтому историческая наука, если она хочет быть настоящей наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям царей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «государственных завоевателей», а должна «заниматься» прежде всего историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».

Разве экономическая ситуация в 1917 году не была одинаковой как для царя, так и для Ленина? Почему большевистская революция не разразилась в 1917 г. в Америке, где экономические условия в тысячу раз больше соответствуют марксистским прогнозам, чем в России? Так пространство и раса или экономика являются причиной исторического развития? Наконец, сам Сталин - он ли причина изменений в большевизме или условия жизни в советской России - причина Сталина? Почему там прославляют Сталина как величайшего духа в истории человечества, а не советскую российскую материю?

Следует еще раз подчеркнуть, что мы ни в коей мере не имеем в виду уменьшение или снижение влияния физического на совокупное существование человека или влияния материальных отношений производства, экономических в целом на совокупные политические отношения человека. И здесь мы имеем дело только с классификацией и иерархией, с тем, что идеи и их происхождение, личность и ее происхождение, раса и народ несравненно более могущественны в истории, чем материальные условия производства, что хотя материальные условия также влияют на человека, именно человек создает материальные условия и господствует над ними.

Самым страшным следствием этой шокирующей примитивной доктрины является то, что в пользу материи отрицается, как теоретически, так и практически, раса, а вместе с ней и человек. Что вместе с правом хозяина духа человек лишается и своей действительной человечности, поскольку он подчиняется доктрине, которая обрекает человека на то, чтобы перестать быть человеком, философии истории, которая отрицает человека в истории и тем самым цинично лишает его прав в настоящем и будущем.

Идеология и Политика

Когда мы рассматриваем здесь Сталина как теоретика, а также отмечаем его интеллектуальную зависимость от Маркса и Ленина, нам ни на минуту не приходит в голову судить такую жестокую натуру, как Сталин, только по его теоретической неадекватности. Помимо того, что эта теория, несомненно, была сфабрикована только по строгому заказу московских философов. Сталин - чудовище, и его философская маска имеет только деспотические цели. Ему нужна философия, и он использует ее с холодной целесообразностью, как строят трактора или создают танки. Признание необходимости философии - пусть даже внешнее - по меньшей мере примечательно как доказательство того, как хитроумно Сталин стремится обезпечить свое правление, даже если в интеллек-

туальном плане он так же же жесток, как и в политике. Его помощники хвалят именно этот философский камуфляж по вполне объяснимым причинам. С самого начала Сталин рассматривается как тип «образованного марксиста»: «Сталин много и упорно работает над своим образованием. Он изучает «Капитал» Маркса, «Манифест Коммунистической партии» и другие произведения Маркса и Энгельса, знакомится с работами Ленина, направленными против «народного направления», «легального марксизма» и «экономизма». Круг теоретических интересов Сталина необычайно широк: он изучает философию, политэкономию, историю, естественные науки, читает произведения классиков изящной словесности. Сталин становится образованным марксистом».

Конечно, в каждом слове чувствуется намерение создать легенду, но то, что легенды придумываются в такой форме, характерно. Другой панегирик, в котором он прославляется как профессиональный революционер, выглядит более искренним: «Профессиональный революционер ленинской школы с 1901 по 1917 год». Во всяком случае, поначалу это своеобразная смесь: доктринерства и анархизма: «В своих статьях Сталин отстаивает и развивает теоретические основы марксистской партии: диалектический и исторический материализм. Эти статьи Сталина были опубликованы в большевистских газетах Закавказья в 1906-1907 годах. В них в понятной и популярной форме объясняется, что такое материализм и диалектика, что такое исторический материализм. С необычайной глубиной ставятся и решаются в этой работе коренные вопросы марксистско-ленинской теории...» Теоретические работы Сталина должны оцениваться не по их интеллектуальной ценности, а по их практико-педагогическому эффекту, по их агитационной суггестивной силе. Его работа «Основы ленинизма», появившаяся в 1924 году и фактически содержащая лишь повторение ленинских фраз, превозносится так: «Эта работа... вооружала тогда и вооружает сегодня большевиков во всем міре. вооружила тогда и во-

оружает сегодня большевиков всего міра острым оружием марксистско-ленинской теории... в этом гениальном труде изложены основы ленинизма… Это означало гигантский шаг вперед в развитии науки марксизма- ленинизма.

Все вопросы ленинского учения подняты в этой работе на огромную принципиальную высоту. Сталин дает в своей работе классическое определение ленинизма.» Чем более влиятельным становится Сталин как политик, тем выше поднимается его заслуга как «философа». Вершиной его философствования становится вклад в «Краткий курс истории КПСС» по «диалектическому и историческому материализму», который он опубликовал в сентябре 1938 года. В московской рекламе он назван «гениальным изложением основ диалектического и исторического материализма В этой работе с особой силой показана внутренняя связь философии марксизма-ленинизма с практической революционной деятельностью большевистской партии»; она «написана непревзойденным мастером марксистско-диалектического метода, обобщает гигантский практический и теоретический опыт большевизма, поднимает диалектический материализм на новую, более высокую ступень и составляет подлинную вершину марксистско-ленинской философской мысли».

Доходит до абсурда, как эти марксистские диалектики, безсовестно низводящие человека до материи и безправного автомата экономических законов, развивают в целях собственной агитации культ деспота, сравнимый разве что с религиозным почитанием святых: «Сталин - гениальный вождь и учитель партии, великий стратег социалистической революции Ни одному руководителю в міре не поручалось руководить такими огромными многомиллионными массами рабочих и крестьян, как И.В. Сталину Вся деятельность Сталина является для нас образцовым примером соединения огромной теоретической силы с необычайным по своему размаху и масштабу практическим опытом революционной борьбы. Круг вопросов, которым посвящает свое внимание

товарищ Сталин, неизмеримо широк: труднейшие вопросы теории марксизма-ленинизма и учебники для школьников; проблемы развития советской литературы и советского искусства» и т.д. и т.п.

Таким образом, после физического уничтожения и ликвидации всех своих конкурентов и противников, чему он дает и теоретическое обоснование, Сталин все более круто поднимается вверх, пока не только не объединяет в себе папизм и деспотизм, но и выступает в роли заменителя старого Яхве и требует культовых услуг. Его советские, папские покровители почитают его как идола материализма: «Мы ходим со Сталиным как с Лениным, мы говорим со Сталиным как с Лениным, он знает все наши мысли, он заботится о нас всю свою жизнь».

В нашей дискуссии мы должны ограничиться теоретиком Сталиным: «Всем известна неотразимая, разрушительная сила сталинской логики...» Из всех легендарных фраз наиболее оправданной представляется фраза о разрушительной логике. Взгляд на политику Сталина позволяет увидеть эту разрушительную логику в контексте теории и практики.

Как философ, Сталин в конечном счете также является жертвой еврейской утопии и всех последствий этой выдумки, ибо такова особенность всех еврейских теорий, что они не могут быть реализованы, что они живут только до тех пор, пока не делается попытка опробовать их в реальности, и что первый шаг к реализации уже является и первым опровержением.

Марксизм смог лишь заменить философию примитива политикой примитива. Большевикам, несомненно, удалось духовно изнасиловать и психически уничтожить людей Восточного региона настолько, что они превратились в то, что соответствует концепции человека материализма: человек как продукт экономических условий, человек как машина. Эти безвольные коллективные массы людей, которые в так называемое мирное время без колебаний использовались и

потреблялись как «рабочая сила как товар» для индустриализации, механизации и, следовательно, для вооружения войны, вновь появляются в многомиллионных массах большевистских армий. Как в «мирное время» они были организованы как рабочие машины, так теперь они предстают как военные машины - человек как материал для труда и человек как материал для войны. Если вся внутренняя политика советского государства относилась к человеку как к экономическому продукту, то большевистская война относится к солдату как к боеприпасу, который должен быть использован без колебаний и израсходован в соответствии с самой холодной целесообразностью. Это и есть прикладной материализм.

Пожалуй, нигде это не проявляется так резко, как в большевистском отношении к смерти, которое кажется нам почти необъяснимым. Несомненно, что и здесь действуют различные причины. Церковный страх и женоподобное отношение к смерти уже неизвестны, особенно молодому поколению. Большевизм приучил людей к смерти, ежедневный террор приучил их к ежедневному разрушению. Но решающее значение для отношения большевиков к смерти имеет их отношение к жизни. Это не имеет ничего общего с мужеством и героизмом в германском понимании, эти люди умирают по-другому, потому что они по-другому живут. Потому что они не живут как личности, они не умирают как личности. Они живут и умирают как коллективная масса. Индивидуальная жизнь для них не является достоянием, а индивидуальная смерть, соответственно, не является потерей в нашем смысле. Не случайно в советском раю нет могил русских солдат, нет кладбищ героев. Человеческий труп хоронят, как дохлую лошадь или дохлую собаку, человек живет как материя и умирает как материя. Так за примитивностью в теории последовала жуткая практика. Материалистическая основа доктрины стала реальностью.

Но реализована лишь основа осквернения человека. Само же учение пришлось предавать тезис за тезисом. *Политика стала постоянным опровержением идеологии.*

Маркс и Ленин фанатично сопротивлялись мысли о том, что марксизм может быть реализован в национальном масштабе. Они были вынуждены это делать. Если классы буржуазии и пролетариата определяют міровую политику, то национальные различия не должны восприниматься всерьез. В любом случае они всегда должны отходить на второй план по сравнению с противостоянием классов и классовых интересов. Классовые интересы. Интернационал классов несравненно важнее и сильнее любых национальных антагонизмов и различий. Однако Ленин, уже будучи политиком-практиком, впоследствии должен первым скорректировать эту доктрину. Одного этого исправления должно быть достаточно, чтобы взорвать всю классовую догму. Ленин должен попытаться реализовать «социализм» в одной стране. Сталин идет дальше, он разбивает всю международную классовую основу: «Сталин развил ленинскую теорию социалистической революции: от учения о возможности установления социализма в одной стране к учению о возможности установления коммунизма в нашей стране даже при сохранении капиталистического окружения.

Этот вывод товарища Сталина является одним из самых выдающихся открытий марксистско-ленинской теории, равным по значению открытию Ленина о возможности победы социализма в одной стране.» «... Сталин пришел к выводу, что государство должно быть сохранено при коммунизме в том случае, если капиталистическое окружение сохранится.» Куда делся экономически обусловленный классовый закон? На месте выдуманных классовых антагонизмов - борьба от государства к государству, на месте условий производства - политика.

Но самое большое противоречие между теорией и практикой, самое яркое опровержение марксизм нашел в - советском патриотизме. Та же самая власть, которая совершает во всем міре международное предательство с целью уничтожения национальной независимости и национальной чести

народов, в своем собственном государстве устраивает китчевый патриотизм, усиливающийся из года в год, и с большевистскими целями эксплуатирует старые панславистские инстинкты для фанатизма масс.

Разрушительная сила сталинской «логики»?

А второй фундаментальный закон учения: равенство? Во-первых, экспроприация и равенство собственности, которых требует марксизм. Правда, по сути, уничтожив личную собственность, нельзя было установить равенство: ведь на основе равенства экономических интересов и экономических возможностей не может быть экономического развития. Поэтому, чтобы вообще иметь возможность экономически существовать, Сталин не мог вывести из экспроприации необходимое следствие: реализовать равенство доходов в дополнение к равенству собственности или несобственности. Он вынужден был поступить наоборот. Экономическое равенство было заменено все более резкой дифференциацией доходов: «зарплатой за производительность» и, кроме того, даже дифференциацией питания, распределения продуктов, эксплуатацией голода для экономической дифференциации и повышения производительности, что трудно себе представить в Европе. Ликвидация собственности привела лишь к ликвидации независимости и абсолютной экономической беззащитности. Вместо равенства - безжалостное неравенство рабской зарплаты и рабского голода.

А социальное равенство? Иерархия советского начальника усиливается Сталиным за счет нового разделения пролетарских масс. Казалось бы, коллективизировав все, он вынужден тут же развивать новые антагонизмы в массах, чтобы иметь возможность насиловать остальные массы через привилегированное меньшинство. Где же здесь равенство?

Большевики делятся на абсолютно беззащитную и бесправную массу и на избранных, так называемые «кадры». Вершина всего этого - стахановское движение. Сталин материалистических дилектиков, философ истории условий

производства восклицает: «Если бы мы имели достаточное количество кадров, способных овладеть этой техникой, наша страна достигла бы в три и в четыре раза больших успехов, чем сегодня. Мы должны, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, существующих в міре, самый ценный и решающий капитал - это люди, кадры. Мы должны понять, что в наших нынешних условиях - кадры решают все».

После того как все было нивелировано с немыслимой жестокостью, свернуты все противоположности и различия, даже естественные, ручной труд, равномерное рабочее время, равенство производительности и потребностей должны были стать основой пролетарского общества, Сталин вдруг говорит уже не только о пролетариате, но и об интеллигенции, восклицает. «Благодаря всей этой огромной культурной работе среди нас образовалась и развилась новая многочисленная интеллигенция, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, которая есть плоть от плоти и кровь от крови нашего народа Я думаю, что появление этой новой социалистической народной интеллигенции является одним из важнейших результатов культурной революции в нашей стране».

Хладнокровно против всего, что было до него, против учения Маркса и Ленина, а также против своей собственной теории, Сталин потакает каждому предательству идеологии и заявляет: «Пора понять, что марксизм - враг эгалитаризма».

Ленинским «государственным кумиром» была «фабрика с равной зарплатой» и «равными потребностями». Но Сталин заявляет, как по практической вынужденности, так и по незнанию: «В нашей стране уже нет ни одной коммуны, в которой в области потребностей и личного образа жизни господствовало бы равенство, эгалитаризм. Практика показала, что коммуны непременно погибли бы, если бы не отказались от эгалитаризма. «Марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не являются и не могут быть одинаковыми

ни по качеству, ни по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма. Был ли когда-либо основной закон идеологии более нагло разоблачен ее же доктринером? Это и есть настоящая «диалектика» ближневосточников. При этом он еще имеет наглость не только предать марксистскую догму равенства, но и вдруг сделать вид, что именно неравенство в принципе и есть «марксизм». В своем докладе XVII съезду партии он требует в пункте 7: «отмены личной безответственности в труде и ликвидации эгалитаризма в системе заработной платы; 8. отмены «функциональной системы», усиления личной ответственности и установки на ликвидацию коллегиального руководства».

Не случайно эта идеологическая смена, бьющая по всем марксистским основам, происходит через год после прихода к власти Национал-Социализма. Потерпев неудачу во всех «попытках реализовать собственную идеологию, человек теперь копирует принципы противника, но способен применить их лишь в самом примитивном искажении. Принцип достижения становится стахановским приводом, национализм - советским патриотизмом, воинственность - красным милитаризмом, принцип вождя - советской тиранией и так далее. В свое время миллионы и миллионы людей были замучены и убиты для того, чтобы навязать еврейскую идеологию. А после захвата власти, для того чтобы власть стала самоцелью, необходимо предать часть этой идеологии.

То же самое относится и ко всему внутреннему устройству Советского Союза. Везде один и тот же обман: вместо обещанного десятилетиями равенства пролетариев - самое резкое неравенство между классом коммунистических функционеров и эксплуатируемыми ими многомиллионными массами. Разумеется, то же самое можно сказать и о Красной Армии. Тот самый коммунизм, который хотел разложить германскую армию парламентским путем через солдатские советы, безжалостно внедрил в свою армию старые звания, различие в командовании, форме, знаках различия, оплате,

жилье и т.д. Особенно в последние годы все шире распространяется китчевый культ отдельных политических и военных советских великих, превосходящий все, чего когда-либо достигал буржуазный шовинизм и монархический патриотизм. Нам уже не кажется правдоподобным, что марксизм по своим истокам является глубоко пацифистским. Эти пацифистские верховные и национальные предатели построили в своем государстве такой милитаризм, которому нет аналогов. И здесь тот же обман.

Еще хуже то, что Сталин накидывает демократический плащ на так называемую «диктатуру пролетариата», которую так грозно провозглашали Маркс и Ленин и которую Сталин неоднократно требовал теоретически и готовил практически, чтобы и здесь реализовать противоположную идеологию, не считаясь со всеми прежними интеллектуальными основами. Он хочет стать социально приемлемым среди плутократов и поэтому вдруг действует так парламентски и демократично, что даже его смертельные враги, старые «ревизионисты», должны быть в восторге. Советская реклама воспевает эту мистификацию с восточной демагогией: «Доклад товарища Сталина о проекте новой конституции - это выдающийся, ценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, он стоит в одном ряду с такими гениальными произведениями марксизма, как «Манифест Коммунистической партии». «То, о чем веками мечтали лучшие передовые умы человечества, стало нерушимым законом в Конституции Советского Союза, Конституции победившего социализма и всесторонне развитой социалистической демократии В ней закреплен всемірно-исторический факт, что Советский Союз вступил в новую фазу развития...» Вместо «диктатуры пролетариата» - «мнимая демократия советских функционеров», вместо «бесклассового общества» - «новые советские классы», вместо «пацифизма» - «милитаризм», вместо «братства народов» - «советский патриотизм», вместо «равенства собственности» - «дифференцированная рабская зарплата и голод: шкала»,

вместо «равенства достижений» - «стахановщина», вместо «равенства людей» - «бонзы, кадры и советские идолы» это и есть «разрушительная сила сталинской логики».

Маркс как реальность

Таким образом, мы можем во всех деталях проследить, как теоретик Сталин - через политика Сталина - постоянно опровергает самого себя. Самое сильное опровержение, однако, можно найти не там, где позитивные требования доктрины получают отрицание через политику. Решающим является следующий факт: Карл Маркс стал в Советском Союзе тотальной реальностью не в своих позитивных требованиях, а в своих отрицаниях. Его карикатура на капиталистический мір стала в СССР страшной реальностью. Его теория стоимости, его закон концентрации, его теория обнищания, чем бы этот демон ненависти ни отягощал буржуазный мір, - все это стало страшным фактом в «стране социализма». Буржуазный капитализм был частной полумерой по сравнению со сталинским советским капитализмом. Доктрина прибавочной стоимости - большая мистификация по сравнению с фактами буржуазной экономической жизни. Но эксплуатация двухсот миллионов советских людей классом функционеров - вот самое страшное воплощение теории прибавочной стоимости. Собственность не была уничтожена автоматическими законами о концентрации, но она была уничтожена советским террором. Концентрация не победила капитализм, но советские функционеры сконцентрировали для себя экономическую мощь гигантской империи. - Условия производства капитализма не только создали несчастные пролетарские массы, но экспроприация, навязанная политическим деспотизмом, искусственно пролетаризировала миллионы крестьян, рабочих и середняков, лишила их экономических прав, сделав беззащитными и отданными на милость и милосердие приспешников ГПУ, как в лучшую, так и в худшую сторону.

Еврей мог обойтись здесь без частной собственности, потому что он нашел новую форму паразитического правления. Пока существовала собственность, он собирал ее, чтобы властвовать через деньги. В советском раю он уничтожил собственность, чтобы в качестве комиссара осуществлять гораздо худшую власть над экономически беззащитными людьми, чем это удалось бы ему при частнокапиталистическом строе.

Ложь, что закон концентрации реализовался в смысле Маркса. Все факты экономической истории последних десятилетий говорят против этого. Концентрация возникла не сама по себе, она была искусственно навязана Советскому Союзу. Экономика не концентрировалась по собственным законам производства. Евреи-большевики, против воли и уничтожив экономическую власть всех собственников, сосредоточили все ресурсы в себе как инструмент деспотии. *Сталин занял место капиталистов.*

Уже в 1925 г. Сталин заявил: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную собственными силами производить необходимое производственное оборудование, - вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». Большевизм захватил крестьянскую страну и с невиданной жестокостью превратил ее в индустриальную массу, причем не только путем насильственной пролетаризации крестьянства, но и путем тотальной индустриализации сельского хозяйства и превращения его в гигантскую аграрную индустрию.

Точно так же пауперизация как экономический закон достигла своего апогея не в 1917 г., а лишь через четверть века большевистской политики. Армия промышленного резерва» не возникла автоматически, умножение людей само по себе не увеличивает их страдания, но для красной деспотии каждое умножение людей - это увеличение власти этой тирании, а значит, и увеличение безсилия коллективных масс.

Здесь действует не автоматический семеричный принцип, а жажда власти деспота.

Таким образом, экономический апокалипсис Маркса-Мордехая стал политической реальностью. *Эксплуатация, концентрация, пауперизация, капитализм - все это стало реальностью: Советской реальностью.* Еврей восторжествовал, как никогда ранее в міровой истории. Сталин, который был евреем по крови и по браку, стал его предопределенным орудием.

Ленинизм стал безсмысленным марксизмом. Сталинизм - это ленинизм, который стал безсмысленным. Доктрина была полностью выхолощена сталинским деспотизмом «и поэтому стала безсмысленной». Можно еще возразить, что все эти компромиссы были лишь средством достижения цели. Но характер компромиссов настолько чужд цели, что сама цель становится безсмысленной. Конечно, несмотря на все изнасилования, жизнь оказалась сильнее идеологии, но исправление жизни никоим образом не привело к исправлению доктрины. А она должна быть сохранена в своих основах, поскольку является духовной основой этого самого деспотизма. Таким образом, исправление реальности приводит не к оздоровлению, а к безконечной борьбе, извращениям и конвульсиям всей системы.

Прошлое опровергло ленинизм, настоящее опровергло сталинизм, и теперь еврейский мессианизм должен помочь, теперь мена переносит все в недостижимое, безконечное будущее и откладывает обманутые и эксплуатируемые миллионы в рай, который должен наступить однажды. Но это последняя, самая опасная, неконтролируемая форма обмана. Этот увод в недостижимое будущее разоблачается как обман уже тем, что из случая в случай видно, что ни одного шага к реализации доктрины не делается, а каждый шаг развития возвращается назад, к централизованному капитализму, к советскому капитализму, который в чудовищном преувеличении делает реальным все, что когда-либо говорил и писал Маркс против капитализма.

Второй выход из этого идеологического разложения - отвлечение на Интернационал. После того как реализация «социализма» в собственной стране потерпела столь ужасающий крах, массы возбуждаются на белый огонь против всех национальных государств. Международный саботаж осуществляется для того, чтобы скрыть собственное банкротство. Идеология, ставшая безсмысленной в собственной стране, вновь используется на международном уровне. Делается попытка отвлечь внимание от неудавшейся революции на Востоке с помощью международной атаки на весь небольшевистский мір.

На Востоке идеология, утратившая смысл, используется деспотом для маскировки деспотизма, ставшего самоцелью. Духовно окостеневшая доктрина служит лишь для духовного порабощения. То, что человек когда-то приобрел и изобрел в философии и науке, в духовных возможностях своего облагораживания и совершенствования, цинично используется там для безправия и деградации человека. То, что человек когда-то приобрел и изобрел в философии и науке, в духовных возможностях своего облагораживания и совершенствования, цинично используется там для безправия и деградации человека.

Наука и философия превращаются в монотонно вращающуюся концептуальную машину для фабрикации советского интеллекта.

Сталин не полагается на мнимую закономерность экономического развития, он форсировал концентрацию, он форсировал советский капитализм, он форсирует фабрикацию советской разведки. Поскольку большевистское производство не производит большевика, идеологически облаченное обучение человека должно производить советского человека. Материалистическая идеология должна породить подходящего ей человека, который, в свою очередь, является необходимым условием для поддержания этой самой идеологии. Советские люди приспосабливаются к диалектическому ма-

териализму как путем выбраковки, так и путем дрессировки, пока доктрина не станет соответствовать людям. Таким образом, советская деспотия всегда создает «предпосылки» для своего существования. Сталинизм завершается в этом сверхъестественном взаимодействии.

Это условие заставляет Сталина нападать и на небольшевистский мір. Пока существуют люди, не соответствующие идеологии диалектического материализма как типу, большевистский деспотизм не обезпечен. Поэтому уничтожение «лучших слоев человечества является абсолютной предпосылкой дальнейшего существования большевизма.

Но прежде всего этот страшный эксперимент будет доведен до конца в недрах советского пространства, и интеллигенция там будет либо уничтожена, либо: искалечена в советскую интеллигенцию.

IV. Советская Интеллигенция

Историческую политическую силу невозможно свести к единому знаменателю или объяснить с помощью одной фразы. Советское государство - сложное явление, имеющее различные причины и зачастую трудно расчленяемые связи между отдельными причинами.

Прежде всего, необходимо всегда четко понимать, что большевизм не мог самостоятельно свергнуть царскую систему и захватить царскую Россию. Не Троцкий, Ленин и их товарищи своими усилиями сделали коммунистическую революцию возможной, а победа немецкого меча, военное уничтожение царской власти немецкой армией. Только царская власть, смертельно ослабленная немецкой армией, могла быть захвачена и побеждена большевизмом. Беззащитность царской империи, а не сила большевизма, была предпосылкой коммунистической вылазки.

Однако жертвой большевизма стало пространство, которое во всех отношениях предлагало самые благоприятные

условия для развития такой силы. Прежде всего, природные условия: ни одно пространство, населенное белыми людьми, не имеет таких больших и богатых природных возможностей как для создания продовольственной базы с неисчерпаемыми аграрными возможностями, так и сырья для развития гигантской промышленности, а значит, и гигантского вооружения. Эти природные богатства отнюдь не были созданы большевизмом», но он эксплуатировал их с еврейскими кочевыми инстинктами.

Не менее благоприятными были и человеческие условия. Многомиллионные расовые массы восточных регионов по своей природе были предрасположены к коллективизму в той же мере, что и к террору и рабству. Русский «мір», деревенский коллектив, крепостное право, царская тирания и цивилизационная отсталость открывали самые благоприятные возможности для большевистской тирании. Ни одна часть белого человечества не была к ней так подготовлена. Это справедливо и в идеологическом плане. Панславизм, в частности, был естественным предшественником шовинистического советского мессианизма. Но решающим фактором стал еврейский элемент, который веками наиболее прочно сидел в восточных регионах и теперь был усилен еврейскими товарищами со всего міра, приехавшими туда в качестве новых хозяев в 1917 и 1918 годах. Именно эта специфическая смесь славяно-монгольской жестокости и живучести с еврейским интеллектом и дала тот сплав, который сегодня противостоит нам в виде Красной Армии. Из истории коммунистической партии в Европе до 1933 года мы знаем, какую опасность представляет собой союз еврейского интеллекта с фанатичной силой примитивных масс. То же самое можно сказать и о централизме. Большевизм не только перенес петербургский централизм в Москву, но и усилил его до безпрецедентной степени. Тем самым он создал для себя единый командный центр как для политического господства, так и для индустриализации и механизации гигантских пространств. Имен-

но благодаря централизации современная техника сделала возможной такую индустриальную гигантоманию, какой в Европе нет и не может быть, потому что по европейским культурным стандартам невозможно уничтожать миллионы и миллионы людей на службе у техники или потреблять их в качестве машинных рабов.

Другой решающей причиной большевистской власти, несомненно, является терроризм.

Большевистские функционеры использовали свой десятилетний опыт шпионов и предателей Родины, как убийц и диверсантов в сложную систему и применили ее к беззащитным на беззащитные многомиллионные массы. На службе терроризма стоит такая система шпионажа и шпионства, какую могли придумать только еврейские мозги и реализовать ублюдочные славяне: каждый - шпион другого и все - жертвы взаимного шпионажа.

Исключив всякое церковное влияние, что удалось, по крайней мере, для наиболее влиятельной прослойки, вся сила и энергия этих людей была сосредоточена исключительно на одной земной цели - выполнении большевистского требования. *Не отвлекаясь ни на «потом», ни на интерес к «потом», советский человек был прикован исключительно к сталинским целям.*

Однако все отдельные причины этой силы получают свой центр и свою реальную опасность только через единство и сплоченность всей системы, через коммунистическую тотальность, реализованную в Советском государстве. Не было и нет ни одной области жизни, в которой бы внутренне и внешне не господствовал коммунизм как идеология и организация. Единство партии и государства, партии и армии абсолютно реализовано. На всю жизнь 200 млн. человек приходится всего два миллиона коммунистических функционеров. Тот, кто не воспринимает этот факт всерьез, никогда не сможет понять разницу между царской и Красной армиями. «Красная армия» отличается от буржуазной

армии не меньше, чем буржуазная партия от коммунистической.

Но организационная тотальность была бы невозможна в такой степени, если бы коммунизм, как никакая другая сила на земле, не понял, как поставить образование в центр человеческого мастерства. Внешняя, организационная тотальность коренится во внутренней, душевно-духовной тотальности. Это результат систематической обработки человека. Партийная подготовка, начальная школа, колледжи и вузы превращены в инструменты гипноза и внушения, психического и духовного террора, внутреннего и внешнего изнасилования человека.

Советский гражданин - это результат шквала массовой агитации, которая реально воздействует на него с колыбели до могилы. Но еще более мощным, чем пропаганда, хотя и менее заметным, оказалось воздействие обучения и воспитания. Самое поразительное ее достижение - воспитание советской интеллигенции. В подготовке собственной большевистской интеллигенции большевистская власть создала свое самое опасное оружие. В долгосрочной перспективе массы невозможно подчинить только внешнему террору. Тем более не могут властвовать над массами их правители, функционеры.

Существование класса молодых советских функционеров предполагает некий процесс «духовного» воспитания. Природа большевистской тотальности такова, что она охватывает не только массы, но и некоторые интеллектуальные профессии. Советский гражданин как судья, как врач, как инженер, как офицер, как чиновник - тоже большевик.

Создание интеллектуальной прослойки, которая одновременно является наиболее радикальными функционерами большевизма, предполагает полное господство над всей системой образования и воспитания, включая университеты и академии, а значит, и над наукой: *советская интеллигенция - продукт советской науки.*

Как удалось отвоевать науку у внутренне столь порочной духовности, у логически столь хрупкой основы диалектического материализма? Как совместимы терроризм и наука?

Тот, кто непредвзято изучает историю науки, вряд ли станет отрицать, что никогда не было науки, полностью независимой от государственных и политических влияний. Ни одна государственная система и ни одна власть не допускает развития науки, которое могло бы поставить под угрозу ее собственные устои. Либерально-демократическое государство не терпит науки, основанной на расовых или даже антиеврейских основаниях.

Церковная власть не приемлет никакой науки, способной разрушить абсолютные «истины» Библии и Откровения. Православный царизм также не поощрял никакую науку, которая могла бы угрожать его собственным предпосылкам. Так, украинская национальная историография подавлялась и преследовалась в угоду московскому централизму.

Решающим фактором является не то, что государство хочет влиять на развитие науки, а то, как оно это влияние осуществляет. При этом характер влияния государства во многом определяется тем, насколько устои соответствующего государства родственны или чужды сущности подлинной науки. Степень внутренней близости или внутренней противоположности государства сущности науки в решающей степени определяет степень свободы или несвободы науки. Государственно-политическая власть, которая коренится в тех же житейских и природных основаниях, что и сама наука, поэтому и имеет наиболее свободное отношение к науке. С другой стороны, чем больше государственная власть строится на «неестественных и утопических основаниях, тем больше она вынуждена ограничивать свободу исследований и науки.

Поскольку большевизм с самого начала провозгласил себя представителем научного прогресса, то, казалось бы, от большевистского государства можно было ожидать мак-

симально возможной степени свободы науки. Ведь большевизм ликвидировал государственную систему, построенную на феодально-православных основах. На смену царскому дворянству и духовенству пришли функционеры партии «научного прогресса». Несмотря на столь яркий акцент на научном, большевизм начался с духовного террора, не имеющего аналогов в современной истории. Такой масштаб репрессий не может быть объяснен только общими методами марксизма, он имеет более глубокие идеологические причины, лежащие в интеллектуальной системе самого марксизма. Мы неоднократно убеждались, что при ближайшем рассмотрении кажущаяся близость марксизма к реальности оказывается фикцией, грубейшим искажением и фальсификацией естественно- исторических фактов. Марксистская теория в самой своей системе экономического міра находится в абсолютном противоречии с эмпирическими фактами экономической жизни. Ни один из так называемых фундаментальных законов марксизма не подтвердился в реальности. Теория стоимости, теория прибавочной стоимости, теория эксплуатации, закон концентрации, теория пауперизации и т.д., словом, каждый из «экономических законов», объявленных незыблемыми, был доказан фактическим развитием экономической истории как ошибочный пункт за пунктом.

Но ограничение реальности экономико-материальными рамками было доведено до абсурда еще больше. Более того, современная расовая и наследственная наука не только поколебала старый спиритуализм, но и доказала, что диалектический материализм является утопической фальсификацией действительности. Поэтому даже самая скромная попытка проверить теорию марксизма современными научными методами и опытом должна стать опасной атакой на марксистскую концепцию міра; поэтому власть, построенная на - таком искажении и фальсификации действительности, должна бояться опасности в свободном исследовании действительности и, следовательно, в подлинной науке.

Таким образом, в отношениях между большевизмом и наукой было только два варианта:

1. адаптация марксистской философии к противопоставлению теории и реальности путем диалектического компромисса и 2. безпощадное порабощение науки. Первый вариант мог помочь лишь отчасти. Можно было в значительной степени приспособить теорию к реальности путем безжалостного применения диалектического метода, но поколебать базовую догму было невозможно. Как в томистской системе отказ от какой-либо части привел бы к расшатыванию всей концептуальной конструкции, а эта средневековая философия может существовать только при объявлении ее неизменной в целом, так и большевистский материализм не может отказаться от какой-либо существенной части, не поставив под угрозу всю систему. Поэтому возможности адаптации были ограничены. Террор должен был применяться еще более решительно.

Одним из самых интересных процессов в европейской интеллектуальной истории является то, как восточно-магический образ міра и человека обновляется на уровне большевизма и что вместе с соответствующим образом міра повторяются и аналогичные «методы по отношению к науке». Несмотря на кажущееся непримиримое противостояние яхвизма и марксизма, в диалектическом материализме можно обнаружить секуляризованное возрождение древних восточно-иудейских идей. Древний Яхве, казалось бы, столь безоговорочно противопоставленный марксистскому атеизму, неожиданно вновь появляется в концепции бытия диалектического материализма.

Иудейское порабощение и безправие человека перед Яхве повторяется в подчинении человека непреложным законам экономического развития. Старый еврейский мессианизм в сочетании с восточным мистицизмом переживает свое воскрешение в утопии будущего безклассового рая человечества. Старый яхвеизм возрождается в секуляризованной и

более примитивной форме экономической социологии. Объяснить это можно только в расовых терминах. То же человечество, которое создало талмудическую концепцию міра, те же евреи, являются решающими родоначальниками диалектического материализма.

Это решающее следствие большевистской философии, какой бы вклад в большевистское міровоззрение в более или менее искаженном виде ни внесла интеллектуальная собственность XIX века. Поэтому неудивительно, что эти две системы оказываются «родственными» и в методах работы с наукой. Только в большевизме методы и интеллектуальные основы гораздо более примитивны.

Отсюда понятно, что только в преследовании еретиков, в антинаучных энцикликах, в «Силлабусе» и в антимодернистской клятве мы находим определенную связь с теми методами, с помощью которых большевистское государство либо уничтожало науку и исследования, либо использовало их в своих целях.

Поначалу большевики были слишком озабочены собой и обезпечением своего внешнего господства, чтобы обращать внимание на науку. Но вскоре начался кровавый террор.

Было бы излишне вдаваться в подробности страшных испытаний, выпавших на долю старой русской науки, которые Сталин назвал «мучительным процессом дифференциации и распада старой интеллигенции». Сотни старых русских ученых погибли от нищеты, голода или стали жертвами этого «процесса распада старой интеллигенции» через убийства и пытки, депортацию, принудительные работы и казни. То, что было показано в Катыни, убийство польских офицеров и дворян, является лишь повторением еще более страшного процесса уничтожения старой царской интеллигенции. В качестве примера можно привести судьбу 120 наиболее известных ученых старой России, среди которых: 42 обездоленных и голодающих, 6 прибегли к самоубийству, 15 умерли в тюрьмах, 18 погибли в концлагерях и депортации, 39 были казнены или замучены до смерти.

На XVII съезде партии незадолго до войны Сталин открыто заявил о своей поддержке этих методов уничтожения и объявил их результат успешным: «Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции откололась от остальной интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции. Она понесла заслуженное наказание, была раздавлена и разогнана органами Советской власти».

Единственным способом спастись от этого кровавого террора было попасть в интеллектуальное крепостное право большевиков, подчиниться основным догмам диалектического материализма и тем самым отказаться от свободы и истины подлинного исследования и науки. Этой порабощенной интеллигенции отводилась та роль, которую в материалистическом міровоззрении должен был играть разум сам по себе. Как, согласно Марксу и Ленину, дух является лишь функцией материи, так и наука становится лишь функцией большевизма, а ученый - советским функционером.

По вполне объяснимым причинам к естественным наукам отношение было гораздо более благосклонным, чем к гуманитарным. Во-первых, потому, что идеологическое противостояние диалектического материализма и естественных наук не столь очевидно, поскольку естественные науки не имеют столь четкой идеологической детерминации. Но затем экономическая и военная ситуация просто вынуждала продвигать естественные науки. Хотя и предпринимались попытки создания диалектической физики, диалектической химии и т.п., они оставались скорее диковинкой. Практические требования Практические требования были настолько неумолимы, что приходилось максимально развивать естественные науки, а затем еще и доводить их до поразительных количественных и качественных показателей - научный аналог гигантомании в технической и промышленной областях. Это гигантское вооружение, о котором мы сегодня имеем лишь приблизительное представление, имело своей предпосылкой гигантскую оружейную промышленность, а та, в свою

очередь, количественно более широкое использование естественных наук.

Но еще более безжалостно гуманитарные науки были отданы на откуп догматизму диалектического материализма. Гуманитарные науки фальсифицировались и использовались в качестве инструмента интеллектуального террора.

Обучение людей

Это изощренная попытка духовного воспитания человека, аналог которой существует только один: иезуитская система селекции, зародившаяся на Востоке. Как и там, предпосылкой всякого господства над человеком является создание некритичной,

безусловной и абсолютной «веры». Поэтому основной догмой всей большевистской науки и образования является: истина и большевизм, большевизм и истина - наука и марксизм, марксизм и наука тождественны: истина есть большевизм и большевизм есть истина, наука есть большевизм и большевизм есть наука.

Для гуманитарных наук вечная истина уже была окончательно установлена большевистской идеологией. Окончательные выводы науки были навсегда зафиксированы Марксом. Комментировать, интерпретировать, читать лекции и цитировать можно было только эту незыблемую истину. Некогда всесильный историк Прокровский однозначно заявил: «Единственный объективный научный метод, который ведет к объяснению сущего, - это марксистский метод».

Когда противоречия стали настолько велики, на помощь пришла диалектика. Диалектический метод стал той волшебной формулой, с помощью которой все парадоксы можно было превратить в логику. Таким образом, интерпретация заняла место исследования, комментарий - место расследования, литературная интерпретация - место естественного исследования, а цитата - место доказательства. Марксизм создал свое Евангелие и своих евангелистов уже постфак-

тум. Главные труды его пророков объявляются священными книгами, откровения которых лежат в основе всего «образования».

Как так называемая средневековая наука не ищет доказательств в исследуемых фактах, а приводит цитаты из Библии, так и советская духовная наука опирается на цитаты из «марксистских пророков и книжников». Евангелистов Матфея, Марка, Луку и Иену заменили классики Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Обязательный методологический закон, согласно которому любое природное и историческое явление должно быть объяснено с помощью диалектического материализма, приводит к абсурдной концептуальной акробатике, которая либо расширяет понятие диалектического материализма так, что его можно применить ко всему и вся, либо фальсифицирует реальность до тех пор, пока она не подтвердит догму диалектического материализма в каждом конкретном случае.

Особенно ярко это проявляется при изучении истории. Постичь историческую реальность, укорененную в расе и пространстве, исключительно с помощью механики экономических законов - просто внутренняя невозможность. Заниматься предысторией и ранней историей по Карлу Марксу, объяснять всемірно-исторические эпохи по Энгельсу, а XIX век - по ленинизму - это ставит перед марксистской исторической наукой задачи, которые она может решить только с помощью рабулизма. Уже Сталин видит пагубную опасность в свободном изучении истории и заявляет: «Наука, которая, пожалуй, создает наиболее благоприятную почву для выплеска чуждых классу элементов, - это история, особенно история докапиталистической формации». Сталин сам обозначает в качестве реальной задачи исторической науки написание «истории производителей». Он буквально ставит перед историками следующую задачу: «Самая первая задача исторической науки - исследовать и раскрыть законы производства, законы развития производительных сил и производственных

отношений, экономические законы развития' общества». В ходе подготовки советского патриотизма, важного для войны, история производства затем дополнялась шовинистическим культом некоторых великих деятелей царской истории, разумеется, всегда таким образом, чтобы они представали либо как пионеры советского империализма, либо как более или менее предотвращенные большевики.

Со всей ясностью Сталин предостерегал в своем письме «Eihige Fragen der Geschichte des Bolschewismus» от того, чтобы из аксиом ленинизма делать научную проблему». Диалектика еврейских профессоров, воспитанных в раввинских школах, обезпечила тогда красного царя соответствующей наукой. В упомянутой выше антологии Рихтгофена пражский историк проф. Пфицнер характеризует советскую историческую науку как абстрактно-логическую и пишет: «Тот, кто захочет узнать разрушительное влияние еврейского духа на историческую науку Советского Союза, всегда должен будет остановиться на копании и игре в абстракциях мысли, на клубке темных, странных словоформ, которые с большой занятостью складываются в непроницаемый клубок непонятных формул, своего рода тайную доктрину...».

Похоже на конспект, когда еврейский историк Фридлянд пишет: «Марксизм есть не что иное, как единственное и последнее слово истинной науки. Если с марксизмом что-то не так, то с наукой и ее высшим знанием все в порядке».

В качестве дополнения - несколько примеров из большевистского литературоведения.

Еврейский нарком Луначарский, многолетний народный комиссар, приказывает изучать литературу как природное явление. Он сам обнаруживает в «Фаусте» «глубоко коллективистскую и социалистическую идею»... «Фауст» Гёте, находясь на краю могилы, наконец, находит решение загадки жизни в победоносной борьбе трудового коллектива».

Или еврей Каменев утверждает: «Фауст» - это подтверждение слов Маркса и Энгельса о том, что пролетариат - на-

следник великих мыслителей и поэтов, в том числе и Гете». Там, где Гете нельзя фальсифицировать большевистски, еврей Луначарский оскверняет его следующим толкованием «Германа и Доротеи»: «...все они отвратительны в своем бараньем здоровье... эта Доротея, от которой пахнет навозом... если посмотреть на этого откормленного Германа, то все они - кулаки». Как и в литературоведении, в философии предпринимаются попытки силового конструирования традиции. Таким образом, во всех областях знаний интеллектуальная традиция фальсифицируется для того, чтобы всегда и при любой возможности подтвердить большевизм. Дух и большевизм искусственно возводятся в ранг тождеств. Каждый великий деятель міровой истории либо опорочен, либо фальсифицирован как предтеча большевизма. Каждый гений либо отрицается, либо становится провозвестником большевизма. Так, Гераклит становится древним большевиком, Лессинг - коммунистическим поэтом. Лессинг - поэтом- коммунистом, Вальтер фон дер Фогельвейде - классовым борцом, Шиллер - интернационалистом, а IX симфония Бетховена - знанием Третьего Интернационала. Все гуманитарные предметы были отданы на откуп большевистскому догматизму. Почти гротескным свидетельством этого является следующий отрывок из «Инструкции для учителя»:

Учебная программа дисциплины «Историческая грамматика украинского языка» предусматривает: Украинский язык изучать с точки зрения изучения языка, предложенной Энгельсом в его «Анти-Дюринге». Учебная программа по предмету «Древнерусская литература XI-XVII вв.» предполагает изложение литературы того времени в понимании Энгельса, согласно которому средневековье знало только одну форму идеологии - религию и теологию.

Учебная программа «Новый русский литературный язык» должна осуществляться таким образом, чтобы высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о языке служили методологическими основами в языкознании.

Учебная программа по «Русской литературе XX века» имеет в качестве первого раздела: «Общие очертания эпохи империализма и революции пролетариата в России и литература этого времени». Этот раздел содержит следующие подразделы: «Борьба пролетариата за социализм как предпосылка нового художественного метода», «Ленин о партийной литературе», «Формирование социалистического реализма, открытие новой эпохи в развитии мiрового искусства».

В учебном плане по предмету «Дарвинизм» предусмотрена тема: «Дарвинизм в свете марксизма-ленинизма», в которой должны быть показаны «плохие» стороны дарвинизма, его буржуазная узость, а также дана оценка каждой отдельной дисциплины с точки зрения марксизма-ленинизма.

В программе по предмету «психология» предполагается ссылка на «учение диалектического материализма о душе».

В программе предмета «Ботаника» каждый студент, изучающий морфологию, анатомию, систематику и географию растений, должен изучать их на основе материалистической диалектики.

В программе «Физиологии животных» критика различных взглядов в физиологии должна отрабатываться на основе философии диалектического материализма.

Учебные программы спецкурсов, не только таких, как «Организация социалистического хозяйства с основами экономической науки». Программы спецкурсов, не только таких, как «Организация социалистического хозяйства с основами экономики», «Экономическое изучение и организация социалистического сельскохозяйственного производства», но и лесного хозяйства, почвоведения, арифметики и статистики, должны строиться на фундаменте марксизма. В этих курсах, например, обсуждаются следующие вопросы: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о роли леса в народном хозяйстве, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о расчете и проверке, ленинский и сталинский этап в статистике и т.д.».

Во всех учебниках также все содержание должно было быть приведено в соответствие с партийной идеологией. В каждом учебнике изложен приказ Сталина: «Необходимо внимательно относиться к каждому слову, к каждому определению в учебнике, ибо из этих учебников наша молодежь должна черпать марксистские научно обоснованные суждения».

Этот «диалектический материализм» стоит так доминирующе и всепроникающе над всеми отдельными науками. Достоверное подтверждение этому дал и Сталин, заявив на XVII съезде партии в 1939 году: «Но есть одна отрасль науки, овладение которой должно быть обязательным для большевиков из всех отраслей науки. Это - марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма.» Большевизм обязателен для каждого ученого, а значит, и для каждого научного учреждения. Если большевизм присваивает себе проверенные временем названия «академия» и «университет», то не следует обманываться, думая, что это прежде всего одно и то же, особенно в области гуманитарных наук: ретритные дома диалектического материализма.

Необходимым условием такого использования науки является наличие соответствующим образом подготовленного преподавательского состава. Об этом свидетельствует следующая выдержка из устава Херсонского педагогического института им. Н.К. Крупской:

«Цели и задачи:

В соответствии с главой 121 Конституции ЛИАССР вузы реализуют право каждого советского гражданина на образование. Их задача - подготовка новых кадров, способных овладеть прогрессивной наукой и техникой, вооруженных знаниями научного социализма, готовых защищать свою Советскую Родину, безпощадно преданных делу построения коммунистического общества».

Задачи:

«а) Организовать учебно-методический процесс таким образом, чтобы обезпечить подготовку высококвалифицированных специалистов своего дела - инженеров, технологов, механиков, инженеров-строителей, дорожников, судостроителей, агрономов, педагогов, врачей и т.д., . которые в свою очередь должны владеть новейшими достижениями науки, уметь поставить технику полностью на службу себе и, в духе большевизма, соединить теорию с практикой, соединить свой производственный опыт с наукой.

б) Политико-идеологическое воспитание студентов и преподавателей на основе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина и подготовка специалистов культуры, «овладевающих через знание всеми богатствами, которые создало человечество». (Ленин.)

в) Выпуск учебников и учебных пособий самого высокого качества, отвечающих современному уровню науки и решающих задачи политико-идеологического воспитания молодежи.

г) Проведение научно-исследовательской работы, способствующей решению важнейших вопросов социалистического строительства.

д) Повышение квалификации профессорско-преподавательского состава (профессоров и воспитателей) и подготовка научных работников, «смело отказывающихся от отжившей науки и прокладывающих путь новой науке». (Сталин.)

е) Популяризация научно-технических знаний и новейших достижений науки и техники, опираясь на практику стахановского движения.

Имеются программы по общеобразовательным предметам:

история партии,

политическая экономия,

диалектико-исторический материализм,

основы марксизма-ленинизма,
иностранные языки,
военная подготовка,
физическая культура,
психология,
педагогика,
история образования,
школьная гигиена.

Только на основе этого террористического порабощения гуманитарных наук становится понятным их количественное использование. Научно-педагогические учреждения, институты, исследовательские центры, университеты и академии были расширены или построены заново в невиданном на Востоке количестве. Во многих областях использование большевиками научных средств и сил кратно превышало расходы царского периода.

Сам Сталин в своем докладе XVII съезду партии утверждает: «увеличение числа высших учебных заведений с 91 единицы в 1914 году до 600 единиц в 1933 году». На съезде партии 1939 года он заявляет о росте числа студентов с 458 тыс. в 1933 году до 601 тыс. в 1939 году.

Таким образом, большевизм начал эксплуатировать талантливые резервы народных масс Востока так же, как он начал эксплуатировать космос. Интеллигенция, которую царские привилегии не позволяли использовать на протяжении многих поколений, теперь систематически отбиралась, стандартизировалась и использовалась. Безусловно, этот отбор широких масс' интеллигенции' накопленной веками' является решающим усилением мощи большевистской системы. Разумеется, это не имеет никакого отношения ни к образованию, ни к культуре. Как богатства страны использовались не для внутреннего культурного формирования советского государства, а для вооружения міровой революции, так и интеллигенция была отобрана, но, с одной стороны, искалечена догматизмом, а с другой - специализирована, как

винт, который подходит только на определенный поворот. Общее образование в европейском понимании было заменено идеологией, специализацией и стандартизацией. И когда мы говорим о преподавателях или студентах применительно к Советскому Союзу, это не должно приводить к уравниванию с европейскими преподавателями или студентами: Например, статистика 1936 г. показывает, что из 11 469 преподавателей по специальности только 3 841 имели нормальную академическую квалификацию (докторскую и хабилитационную). Советский преподаватель может существовать только в сумерках между ложью и правдой. Есть шокирующие свидетельства вынужденного внутреннего разложения и деградации характера. Из всех студентов только 10-15% смогли успешно сдать кандидатскую диссертацию. Но и здесь действует то же самое, что и во всех других областях: Советский Союз может управлять из масс, может и поглощать массы людей; то, что остается, еще достаточно сильно и опасно в количественном отношении. Предпосылкой такого количественно совершенно поразительного использования науки стало повышение общего уровня знаний масс. Большевизму удалось - хотя и непонятными и непереносимыми для европейцев средствами и методами - увеличить число учащихся начальных школ с 8 до 30 млн. человек и снизить уровень неграмотности, составлявший в 1926 г. около 49%, к 1939 г. до 20%. Тем не менее было бы неправильно рассматривать это как культурное достижение. Ликвидация неграмотности создала решающее средство воспитания человека. *С каждым словом, которое молодежь Востока училась читать, она училась большевизму; с каждым словом, которое она училась писать, она училась большевизму.*

Это относится не только к непосредственным учреждениям науки, но и ко всем видам образования, и, конечно, ко всей подготовке Красной Армии, прежде всего большевистского офицерского корпуса. По одной и той же методике, по одной и той же системе готовился как научный специалист,

так и советский офицер. Ворошилов на XVII съезде партии в 1939 г. утверждал, что Красная Армия и ее офицерский корпус так положительно отличаются от других армий именно потому, «что она проникнута духом великого учения Маркса, Энгельса, Сталина и руководится Коммунистической партией». Поэтому она «в моральном отношении стоит несравненно выше любой капиталистической армии, не говоря уже о полуфеодальных и буржуазных армиях». «... Наша армия сильна своей политической сознательностью». Далее он ссылается на Ленина и восклицает: «Без комиссаров у нас не было бы Красной Армии». «...Красная Армия - единственная армия в міре, которая с момента своего создания и до настоящего времени в деле укрепления боеспособности делает главный упор на политическую подготовку личного состава. Для этого в ней создан хорошо отлаженный политический аппарат... партийную организацию в армии...». А глава политического управления большевистской армии, «армейский комиссар первого ранга», еврей Мехлис, утверждает: «Мы будем неустанно работать над полным усвоением марксистско-ленинских теорий». Средства воспитания и обучения - от детского сада до начальной и средней школы, до университета и академии, от казармы до военного училища - были полностью пронизаны большевизмом, от басен, легенд и сказок до учебных пособий в школах и научных учебников в университетах.

Внешне управление университетом юридически находилось в руках ректората и ученого совета. Однако в действительности в университете господствовали секретари комитетов партии и комсомола. За пределами университета преподавательский и студенческий состав был полностью захвачен большевистскими клубами и большевистскими профессиональными организациями. Одним из самых печально известных институтов академической жизни были «собрания» преподавателей и студентов. На них по специальному плану проводились так называемые «акции», состоявшие из

официальной критики и самокритики преподавателей. По указанию парткома тот или иной преподаватель должен был публично признаться в своих грехах и преступлениях против марксистско-ленинской ортодоксии. Если присутствующие коллеги и студенты не считали это самообвинение достаточным и искренним, они критиковали по собственной инициативе. Соответствующие последствия не заставили себя ждать: от исключения из университета до тюрьмы, концлагеря и «ликвидации».

Подбор и расстановка преподавателей и студентов определялись исключительно Коммунистической партией. Поскольку студенты учились почти исключительно на стипендии, в своем развитии они полностью зависели от большевизма.

Отдельные преподаватели и студенты, уже погрязшие в большевистском догматизме по своей специальности, также должны были посещать курс «**Основы марксизма и ленинизма**». Участие в нем было обязательным для студентов всех семестров и всех факультетов. Результат проверялся на многочисленных и сложных экзаменах. Только первый и второй курс «Основ марксизма и ленинизма» занимал 140 часов лекций и 80 часов семинаров. Насколько далеко простирался большевистский догматизм, наглядно показывает следующая выдержка из «**Программы курса диалектического и исторического материализма**» для высшего преподавательского состава. В первом разделе ставится задача предложить интеллектуальную историю материализма:

«I. Раздел: Введение.

Диалектический материализм - міровоззрение марксистско-ленинской партии. Борьба материализма и идеализма в философии античности.

Философия феодального общества.

Борьба материализма и идеализма в XIV-XVI веках. Материализм XVII века.

Борьба материализма и идеализма в XVIII веке. Французский материализм XVIII века.

Немецкая классическая философия (Кант. Гегель, Фейербах). Возникновение и развитие марксизма.

Сочинение Энгельса «Людвиг Фейербах».

Развитие материалистической философии в России в XVIII-XIX вв.

Раздел 2. Марксистско-диалектический метод.

Общая взаимосвязь и взаимозависимость явлений в природе и обществе.... Постоянное движение, изменение и развитие в природе и обществе....

Развитие как переход количественных изменений в фундаментальные качественные изменения....

Закон единства и борьбы противоположностей.... Сущность и внешность, форма и содержание.... Причинность в природе и обществе....

Возможность и случайность...

Возможность и действительность, свобода и необходимость.... Книга Энгельса «Анти-Дюринг».

Раздел 3. Марксистско-философский материализм.

Материальное содержание міра и закономерность его развития....

Первозданность материи и сознания....

Познаваемость міра и его закономерность.....

Объективная, пропорциональная и абсолютная истина ...

Роль практики в теории познания.

Марксизм-ленинизм о научном предвидении.

Диалектическая логика и формальная логика ...

Работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». 9.»Философские тетради» В.Л. Ленина».

После этих общих оснований Маркс, наконец, предстает вершиной интеллектуального развития человечества!

«Раздел 4: Исторический материализм.

Буржуазные доктрины общества до Маркса и Энгельса.... Общество, жизнь и сознание...

Значение мышления в развитии общества ...

Условия материальной жизни общества. а) Первая особенность производства.

б) Вторая особенность производства, полная согласованность творческих сил и творческих отношений при коммунизме и социализме.

в) третья специализация производства.

классы, классовая борьба и государство...

марксистско-ленинское учение о революции ...

диктатура пролетариата, развитие орловского государства в СССР.

работа В.И. Ленина «Государство и революция» ...

роль личности в истории ...

формы общественного сознания ...

коммунистическая мораль ...

Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления ...

социализм и коммунизм.

К кульминации и развязке приводит современная большевистская философия:

«Раздел 5. Развитие марксистской философии Лениным и Сталиным.

Борьба Ленина и Сталина с субъективно-идеалистической социологией друзей народа и с неокантианством легальных марксистов.

Борьба Ленина и Сталина с «идеализмом и вульгарным материализмом «экономистов» и меньшевиков».

Развитие Лениным марксистской философии.

Развитие марксистско-ленинской философии товарищем Сталиным.

О работе И.В. Сталина: «Анархизм и социализм».

Работа Сталина: «О диалектическом и историческом материализме».

Вряд ли советская молодежь способна хотя бы частично осмыслить этот абстрактный бред. Но для примитивной интеллигенции непонятное обладает большей силой внушения, чем точная истина.

Вся враждебность большевизма культуре подтверждается тем, что *эта смесь диалектических философов-*

последователей была исключительной заменой величайших интеллектуальных состояний человечества, заменой Гераклита и Платона, Канта и Декарта, Гёте и Ницше.

На последнем съезде партии в 1939 г. Сталин объявил о создании собственной «школы марксизма-ленинизма» с трехлетним сроком обучения в дополнение к общей догматизации. За это связанный с евреями Вордерасиат был прославлен раввинами диалектического материализма не только как красный царь, но и как папа науки. Они не только окружили его нимбом уникального государственного деятеля, но и прославили его как величайшего духа высшей эпохи человеческой истории. Как раввин старому Яхве, так и еврейские профессора воздавали почести красному вождю и доказывали каждое его изречение как откровение и догму большевистской философии міра; вот, например, следующие излияния из годового отчета «Академии наук» в Москве, опубликованные в «Известиях Академии наук СССР»: «21 декабря 1939 года Академия имела особую честь и счастье избрать величайшего мыслителя нашей эпохи, великого Сталина, почетным членом Академии. Это обязывает нас еще выше поднять знамя советской науки и сделать ее первой наукой...»

Таким образом, образ большевистской науки - это искаженный образ настоящей науки по европейским понятиям. Но нет ничего более ошибочного, чем недооценивать значение советско-российской науки. О том, что советско-российское естествознание опасно, свидетельствуют гигантские масштабы большевистского вооружения. Но мы не должны судить о достижениях большевистской духовной науки по истинностной ценности и культурному стандарту Центральной или Западной Европы. Знание или истина, а значит, и культура, вовсе не являются целью советской науки.

Поэтому понять ее методы можно только исходя из большевистской цели, из советской российской задачи. Большевистские гуманитарные науки не нуждаются в свободе ис-

следования, потому что исследование вовсе не является их настоящей целью и важнейшей задачей. Целью исследований является лишь охрана и защита большевистской догматики. То же самое относится и к научному преподаванию. Оно служит прежде всего большевистскому гипнозу, внушению и механизации российского мозга. Естественные и гуманитарные науки в конечном счете служили лишь подготовке міровой революции, а значит, и военным действиям Красной Армии. Поэтому методы научной политики Советской России, исходя из большевистской цели, имеют самую рациональную целесообразность. Отсюда диалектический рабулизм, безжалостное использование интеллектуального количества, оценка примитивности и радикальное проведение в жизнь большевистской теории. С точки зрения большевиков, советско-российское естествознание и гуманитарные науки были вполне успешны: большевистская типизация, механизация и стандартизация российской интеллигенции удалась. Если серьезно относиться к большевистскому естествознанию, то еще опаснее душевная и интеллектуальная подготовка большевистских гуманитариев. Советская наука помогла создать то, что на Востоке выступило как величайшая угроза культуре Европы, воплощение диалектического материализма, большевизм как тип. Иудаизм и монголизированная русскость стали здесь культурно угрожающим единством, усиливающим разрушительное действие друг друга. Как культурно-этическая ущербность иудаизма - не его слабость, а реальная экзистенциальная сила, так и культурная враждебность и примитивность советской науки - не ее слабость, а реальная сила.

Герметичная изоляция от внешнего міра сделала этот процесс возможным. И если бы он продолжался всего несколько десятилетий, последствия были бы непредсказуемы.

Никакое цивилизационное возмущение, никакой культурный протест демократического Запада не смогли бы остановить это развитие. Ни политическая мощь, ни куль-

тура Запада не смогли бы противостоять этому натиску. «Вопрос не в уровне культуры, который развил большевизм, а в том, насколько ему удалось изнасиловать чувства, волю и мозги людей на подконтрольной ему территории. То, что он использовал и средства науки и культуры, не является доказательством его культурной воли, но является доказательством того, что большевистские правители осознавали политические и военные последствия использования культурно-научных средств и умели их безпринципно применять. Они использовали культуру для обезпечения своей примитивности. *Они заставили средства культуры служить варварству.*

Количество вновь создаваемых учреждений и средств науки и образования, а также методы их реализации приобретают реальное значение и опасность только благодаря тому, что за этой системой подготовки скрывается господство еврейства. Здесь, на заднем плане и в тени, иудаизм контролирует все важнейшие позиции и скрыто и косвенно руководит функционерами. Если иудаизм избегает публичности и не любит брать на себя прямые личные обязательства в качестве чиновника или государственного функционера, то в образовании он представлен наиболее ярко, как в содержательном, так и в кадровом плане.

Большевистская идеология явно исходит от еврея Маркса-Мардохая, а ее реализация в большевистской системе образования представляет собой величайший процесс духовного иудаизирования в современности. Точно так же, однако, фактическим персональным носителем советской науки и образования является прежде всего еврейство. Содержание и метод советской науки берут свое начало в иудаизме и поэтому могут быть наиболее эффективно представлены только евреями. Если в офицерском корпусе оно остается на втором плане, то в офицерском образовании оно задействовано наиболее сильно, во главе с еврейским «армейским комиссаром»

Мехлисом. Профессорско-преподавательский состав советских вузов на 60, 70, 80% укомплектован преподавателями-евреями. Нередко, чтобы не привлекать внимания на факультетах, преподаватели-неевреи берут себе еврейские фамилии. Яркий пример - кафедра марксизма-ленинизма в Киевском университете. В летнем семестре 1939 г. эту кафедру занимали 11 преподавателей, из которых 10 были евреями. В 1940 году в качестве лекторов было утверждено 699 евреев. Среди раввинов большевистской науки мы находим знакомые фамилии: Бернштейн, Бронштейн, Розенбаум, Рубинштейн, Вейсброд, Кон, Эпштейн, Эйзенштейн, Волькенштейн, Вейцман и др. Как и в офицерском образовании, на первый план явно выходит иудаизм. В содержательном плане решающим авторитетом советской идеологии является еврей Митин, как придворный философ Сталина, а в кадровом и государственном - еврей Кафтанов, как «председатель Комитета по делам университетов», имеющий наибольшее влияние. Старый Яхве заменяется теорией Карла Маркса, Талмуд - диалектическим материализмом, а логистика, воспитанная в раввинских школах, - марксистской диалектикой, материалистическим рабулизмом.

Это сочетание еврейской интеллигенции и жестоких пролетарских масс, с которым мы вновь и вновь сталкивались во внутриполитической борьбе с КПСС, в несравненно больших пропорциях присутствует в Советском Союзе. Примитивные массы и еврейский интеллект, жесткость и примитивность монголоидной русскости и еврейская агитация, этот страшный сплав монголо-славянского и еврейского элементов стоит перед нами сегодня как величайшая культурная угроза всех времен. За сталинской военной машиной надвигается еще более серьезная опасность - угроза безпрецедентного духовного иудаизирования. Угроза безпрецедентного духовного иудаизирования и порабощения всех культурных сил Европы.

Советский Патриотизм

О полной отчужденности от природы этой «научной» идеологии свидетельствует вера в безграничную обучаемость человека и использование всех мыслимых средств для создания искусственного продукта советского человека из расово-этнической смеси Востока. Однако такая система обучения может лишь исказить и искалечить душу и дух человека, но не может изменить ничего существенного в его природной субстанции. Это подтверждает следующее наблюдение: те же самые сталинские солдаты, которые упорно бежали против наших войск, через несколько минут после захвата готовы вывернуть пулемет и отстреливаться. Как только снимается искусственное давление, вдруг прорывается обратная реакция». Аналогичную реакцию демонстрируют тысячи гражданских рабочих из восточных районов. Через несколько недель они сбрасывают с себя антиприродную «идеологию», как жалкие тряпки и грязь из советского гардероба. Словно пробуждаясь от гипноза, в них просыпается природное ядро. Это позволяет надеяться, что будущее поколение, способное раскрыть свою изначальную природу без влияния этих искусственных методов формирования, также сможет следовать своей собственной природе без остатка. Именно тогда, когда такое принуждение необходимо для создания советского человека, усиливается надежда на то, что потом, когда давление будет окончательно снято, изначальная природа вновь прорвется наружу; в той мере, в какой определенные процессы отбора, выбраковки и обширной бастардизации не привели к прямому изменению наследственной субстанции.

Тем не менее, это все же индивидуальные явления, которые нельзя обобщать. Кроме того, несомненно, существует то единственное, решающее меньшинство фанатиков, которые остаются большевиками даже при решительном изменении условий среды и окружающего міра и зачастую про-

должают реагировать по-большевистски даже тогда, когда субъективно считают, что стали противниками большевизма. Здесь советское учение достигло своей цели. Разумеется, в связи с весьма специфическим процессом отбора и истребления, который неизбежно уничтожал все, что имело характер и талант к внутреннему и внешнему сопротивлению советской идеологии, и воспитывал те типы, которые были наиболее предрасположены к воздействию обучения. Отбор и истребление, внутренний и внешний террор дополняли друг друга.

Поэтому, несмотря на отдельные ограничения, влияние выездки трудно переоценить. Это объясняется тем, что она не только работала с искусственными идеологиями и методами, чуждыми природе восточного человека, но в то же время из года в год становилась все более приспособленной к психике и особенностям восточного человека. Старая паразитическая способность еврея проникать в чужие существа нигде не проявилась так сильно, как в этом процессе внутреннего соединения иудаизма и славянства. Марксизм сам по себе не набрал бы духовных сил для такого масштабного господства над человеком, если бы не вступил на Востоке в этот своеобразный компромисс, в союз с изначально чуждыми ему силами: слияние абстрактной идеологии с аффектами и влечениями потомков тех типов Востока, которые были носителями славянофильского шовинизма в царское время. В ходе подготовки к войне, особенно в годы принятия высших властных решений, Сталин вынужден апеллировать к патриотическим силам, и не марксистский Интернационал в одиночку, а обращение к русским инстинктам породило советский фанатизм. Еврейская идеология, предоставленная сама себе, в долгосрочной перспективе не была бы жизнеспособной, несмотря на всю свою выучку. Только благодаря паразитическому приживлению абстрактной еврейской конструкции к естественным влечениям и аффектам восточного человека и могла возникнуть эта сила души и воли большевизма в войне.

Этот процесс является решающим; *без соединения еврейской идеологии и восточнославянской природы Красная Армия уже была бы уничтожена.*

Это ни в коем случае нельзя путать с реальным этнорасовым национализмом. Даже панславизм не является национализмом в нашем понимании, но он все же несет в себе стихийные силы, пусть и не народническо-расовые, а в конечном счете хаотическую бастардизацию. Национализм XX века не тождественен патриотическим или даже абсолютистским идеям XIX века. Наличие национального фанатизма не является доказательством реальной национальной силы и естественного характера. Как в индивидуальной жизни высокомерие не всегда может быть выражением высокого статуса, а, напротив, степень высокомерия обычно обратно пропорциональна личной значимости человека, так и «сакральный эгоизм», исторически всегда проявлявшийся в разных областях, не является уже окончательным доказательством великой национальной и культурно-творческой силы, а достаточно часто лишь коллективной гиперкомпенсацией комплексов неполноценности. Как в индивидуальной жизни не следует путать уверенность в себе с высокомерием, так и в политических силах не следует путать шовинизм с национализмом. Панславизм был, по сути, таким гипертрофированным самомнением, несоизмеримым с реальной расовой субстанцией, культурными и государствообразующими возможностями монголизированных восточных славян.

Безграничные міраполитические устремления не сопровождались соответствующими политическими, культурными и государственными достижениями. Сегодня мы можем меньше связывать панславизм с подлинными расовыми или этническими силами, но он все чаще предстает перед нами как скомпенсированная бастардизация славянских, монгольских или ближневосточных субстанций. Конечно, панславизм, в отличие от марксизма, является выражением природно-движущих сил, но природно-движущих в состоянии нераз-

рывного скрещивания и смешения чуждых расовых компонентов. Таким образом, хотя безграничный панславизм и предстает перед нами как естественный факт, он предстает не как органически формирующая сила, а как неограниченный, хаотический драйв насилия. Даже в великие времена царской эпохи панславизм, явившийся с претензией на міровое искупление, не смог решить самых примитивных государственно- политических и социально-политических вопросов своего пространства. Только через самую реакционную отсталость, через подавление всех подлинных национальных и этнических сил внутри страны, прежде всего украинства, это вынужденное единство панславистского царизма смогло утвердить себя политически.

Если перемены в большевизме, произошедшие за последние годы, действительно означают утверждение старых панславистских инстинктов, то это все равно не будет подлинно национальным развитием Советского Союза, а лишь возвратом к закоснелому шовинизму царского периода.

Советский патриотизм взывал к этим славянофильским инстинктам и раскалял их до бела. Хотя несомненно, что между еврейской идеологией марксизма и славянофильским движением стоит вся чужеродность еврейства, в панславизме уже присутствовали две тенденции, которые, казалось бы, должны были быть отчуждены и переформированы большевистской агитацией: мессианизм и империализм. В панславизме уже было мистическое стремление к искуплению міра, которое большевизм смог трансформировать в будущую утопию искупления міра через большевистский всемірный рай. А царская мания искупления міра имела в то же время государственно-империалистическую тенденцию, которую большевизм также смог преобразовать в міровой революционный советский империализм. Большевизм дал этим жизненным силам панславизма, этому псевдомистицизму конкретную политическую цель; он объявил Восточный край - «Россию-матушку», некогда **предопределенную для**

мірового искупления, - носителем міровой революции и «отечеством социализма». Таким образом, безграничный панславизм получил конкретную цель, а еврейская идеология соединилась с динамической силой шовинистических инстинктов и аффектов. *Так возник интернационализм, основанный на шовинизме, и шовинизм с международной целью.* Это не имеет ничего общего с национально-расовым национализмом, а является еврейским насилием над славянофильским фанатизмом.

В этом смысле большевистская система воспитания, с одной стороны, исказила и искалечила дух и душу восточных славян, но в то же время вызвала к жизни вполне конкретные, хотя и в конечном счете хаотичные, природные силы, и только так она достигла такого эффекта. На многих советских солдат и офицеров советский патриотизм в националистическом обличье действует, несомненно, сильнее, чем любая другая марксистская фраза. Можно предположить, что в перспективе там, на Востоке, естественно-исторические силы окажутся сильнее еврейской идеологии. Но правящий класс коммунистических функционеров знает, как предотвратить такое развитие событий любой ценой. Правящий класс был создан марксизмом. *Его существование, хорошо это или плохо, связано с поддержанием марксистской идеологии.* Функционеры используют марксизм для защиты своего положения и существования. Очередная волна террора уничтожит национальные силы так же, как в свое время уничтожила «троцкистов».

Внешний террор гарантирует это в той же мере, что и внутренний. Через самую нетерпимую систему селекции большевистская цель вновь и вновь навязывается природным силам славянства, *так что все жизненные инстинкты могут быть выпущены только в большевистском направлении*.

Только благодаря этому сплаву международной идеологии и шовинизма міровое еврейство обезпечило себе господство над восточным регионом, в том числе и интеллек-

туальное. Еврейская идеология накладывается на стихийные силы, перекраивает их и только так приобретает свою долговременную эффективность и опасность. Так тайное личное еврейское господство над монголизированными славянами дополняется и усиливается господством идеологическим. В этом противоестественном единстве принуждения отсутствует, таким образом, первое условие подлинной культуры - здоровая расово-этническая субстанция.

Тотальность

Будет ли Восточный регион европейским или антиевропейским? От этого зависит положение Европы в міровой политике будущего. Никто не может снять эту ответственность с Райха, такова его историческая миссия. В этом смысле судьба Райха - это судьба Европы. Дух и наука «советского» Союза, в частности, со страшной силой доказывают, что большевизм - это антиевропейская сила, готовая и оснащенная для уничтожения этого континента. Это внутренняя необходимость истории, что сегодня Райх стоит и борется как единственная сила сопротивления. Райх, таким образом, взял на себя в міровой политике ту борьбу, которую Национал-Социалистическая революция победоносно вела во внутренней политике. Европа никогда не должна забывать о том, что без Райха она не сможет бороться. Без борьбы N.S.D.A.P. большевизм не позднее 1932 года захватил бы власть в центре континента, а значит, в короткое время и во всей Европе. Никакая сила многотысячелетней культуры, никакой подвиг ума, никакая красота искусства не остановили бы орды Востока.

Вопрос о причинах внутриполитической победы Национал-Социализма над большевизмом - это и вопрос о - возможностях преодоления большевистской угрозы в міровой политике. Национал-Социализм:

впервые решил социальную проблему идеологически, противопоставив марксистской эгалитарной несправедливости справедливый «принцип неравенства достижений»,

преодолел большевистскую идеологию с помощью политической программы собственного міровоззрения,

использовал вооруженную силу собственного движения против коммунистического террора.

То, что партия подготовила «идеологически» в социальной сфере, социалистическая империя затем начала осознавать. Без залечивания социальных ран народного организма социальная эпидемия марксизма является смертельной инфекцией. Решение социального вопроса ведет к социальному оздоровлению, а это - необходимое условие окончательного преодоления большевизма.

Однако в наше время социальная болезнь является лишь непосредственно видимым следствием внутреннего духовного кризиса, так же как классовая идеология – лишь внешним проявлением идеологической общей концепции міра и жизни. Поэтому решение социального вопроса и уничтожение марксизма предполагает преодоление тех духовных причин, которые когда-то сделали марксистскую идеологию возможной.

Политические партии старой империи в свое время были побеждены большевизмом, поскольку их идеологические основы давно уже духовно капитулировали перед марксизмом. Буржуазные партии были лишь последней политической формой того духовного міра, который много веков назад был заменен современным материализмом. Ни одна сила не в состоянии преодолеть большевизм, духовные основы которого в свое время сформировали причины, приведшие к возникновению марксизма. Те силы, у которых не хватило духовных сил предотвратить возникновение марксизма, не могут сегодня собрать энергию для преодоления марксизма, превратившегося в гигантскую империю и одну из самых опасных политических сил современности.

Старый спиритуализм был разрушен Просвещением; любая попытка обойти этот исторический факт и вернуться за Просвещением к старому спиритуализму в конечном счете должна потерпеть духовный, а значит, и политический крах.

Но даже первое, индивидуалистическое следствие европейского Просвещения уже опровергнуто духовно и политически. Коллективистское следствие Просвещения, выродившееся в марксизм, сменило и преодолело индивидуалистическое. Путь от Средневековья к Просвещению и от индивидуалистического следствия Просвещения к коллективистскому, путь от Рикардо к Марксу, не может быть пройден ни интеллектуально, ни политически. Нельзя повернуть вспять колесо мiровой истории, даже с точки зрения интеллектуальной истории. Это решение окончательное, коллективистский материализм оказался сильнее индивидуалистического, индивидуалистический капитализм сменился коллективистским советским капитализмом. Военно-политическое превосходство Красной Армии над наемниками плутократии - лишь видимое выражение внутреннего духовного развития от либерального направления Просвещения к марксистскому, решение о котором уже давно принято.

Поэтому не существует интеллектуальной борьбы против большевизма со стороны сил, которые не могли предотвратить его появление, поскольку принадлежат к его причинам. Как мы преодолели буржуазный «национализм» и марксистский «социализм» через синтез Национал-Социализма, так и сейчас идет борьба между Национал-Социалистическим мiровоззрением и монашеским спиритуализмом, индивидуалистическим и коллективистским материализмом, через героический реализм, поддерживаемый всеми естественными и историческими силами нашей расы. Это и есть высшее следствие мiровой революции расовой мысли. Но и это лишь намек в данном контексте. Только народнический-социализм смог преодолеть марксистский коллективизм, и только народническо-расовый реализм способен преодолеть извращенность диалектического материализма. Как политической утопии «Коммунистического манифеста» противостояла Национал-Социалистическая программа, так и сегодня диа-

лектическому материализму уже противостоит нарождающаяся философия Национал-Социализма.

Лучшая и более правильная политическая программа сама по себе не смогла бы победить жестокость коммунизма. Именно поэтому фанатичное насилие молодого движения было брошено против красного терроризма: Программа против утопии, идея против идеологии, насилие против террора. Воля к вооруженному осуществлению идеи тем временем превратилась в Вермахт Национал-Социалистического Райха. Внешняя власть Райха становится все более полной в реализации Национал-Социалистической идеи во всех

сферах жизни. Внешнее следствие в реализации идеи находит свое дополнение во внутреннем следствии в сфере искусства и науки. Искусственно навязанная тотальность советского большевизма, как насилие против террора, все больше и больше сталкивается со своей собственной естественной тотальностью, внешним и внутренним единством немецкой жизни. Мы противопоставили замкнутую, сформировавшуюся большевистскую тотальность формирующейся, еще не завершенной тотальности Национал-Социализма.

Если мы еще не достигли той же степени тотальности, что и большевизм, то это не признак внутренней слабости, не отсутствие предпосылок, а разница между молодостью и старостью, между завершенной, законченной революцией, которая давно застыла внутри, и революцией, которая еще на марше, которая вырвалась вперед, у которой есть молодость и будущее.

Марксизм начался с готовой абстракции Маркса-Мордехая. 100 лет этот догматизм, давно уже окаменевший в самом себе, отягощал мозги верующих. В сравнении с этим «Национал-Социализм возмутительно молод. Он принципиально отличается от марксизма еще и тем, что не начинается с «готовой» доктрины, а органически вырастает из интуитивного озарения и биологического опыта, и только в непрерывной борьбе с враждебной духовной средой борется за все

более высокую степень сознания. Марксистом можно стать, родившись Национал-Социалистом.

Чем сознательнее развивается Национал-Социализм, тем больше возможностей для воспитания духа и сознания. Это Национал-Социалистическое воспитание не нуждается в фальсификации природы, чтобы найти путь от мифа к типу; оно должно лишь высвободить и усилить естественные расовые силы.

То, что Национал-Социалистическая идея обладает этими способностями внутреннего развития в высшей степени, она доказывает не доктриной, а делами движения. Самыми убедительными доказательствами того, что Национал-Социализм обладает внутренними возможностями завершить себя в идейно-политической полноте, служат его достижения в период борьбы, в годы восстановления и, тем более, в годы войны. Хотя Национал- Социализм сегодня сознательно воспринимается и утверждается до последнего следствия лишь меньшинством, он уже настолько прочно живет в чувствах и эмоциях широких масс, что уже благодаря политической революции партии был достигнут тот рост силы Германии, который мы пережили за последние десять лет. Политическая революция уже достигла этого, хотя мы знаем, что идейно-духовная революция только начинается. В этом и состоит решающее отличие большевизма от Национал-Социализма, что он уже достаточно силен в эмоциональных силах, чтобы формировать историю, поскольку он лишь поднимает до сознания то, что заложено в инстинктах, влечениях и характере нашей расы.

Советизм - это насильственное слияние еврейской идеологии с естественными силами славянства; Национал-Социализм - это реализация изначальных, мифических сил нашей расы. Если Национал-Социализм уже в юношеский период своей истории достиг революционных политических и социальных успехов, то он будет нести в себе и силу завершить путь тотальной идеологической революции и обновле-

ния нашей жизни, путь от политической программы к самодостаточному міровоззрению, от осознанного міровоззрения к философии, к единству мифа и логоса.

Мы не хотим и не можем пройти этот путь средствами внешнего и тем более внутреннего террора. Даже если это развитие с 1933 года не всегда происходит с той скоростью, на которую некоторые надеялись, цель обновления германской культуры может быть достигнута только культурными средствами и методами. Кажущееся слишком медленным внутреннее проникновение Национал-Социализма и науки имеет причины, лежащие в самой природе Национал-Социализма; культурное движение не может физически уничтожить носителей старого научного содержания, но вынуждено, хотя бы для сохранения уровня культуры, предоставить пути внутреннего интеллектуального противостояния тот срок, которого требует европейская интеллектуальная история.

Политическая революция может произойти за несколько лет, духовно-идеологическая - за несколько поколений.

Решение еврейского вопроса только в области науки и высшего образования должно было оказать тормозящее влияние на это развитие, так как немецкие факультеты также на 40, 50, 60% состояли из евреев, причем не только по составу, но и по содержанию.

Освобождение немецкой науки от еврейского отчуждения было самым сильным вмешательством политической власти в научную жизнь, известным немецкой истории. Это политически и идеологически неизбежное и исторически необходимое вмешательство не смогло преодолеть уже наступивший кризис, а первоначально лишь усилило его. Тем не менее, уже один этот акт стал решающим для судьбы европейской науки в долгосрочной перспективе. Как и искусство, «наука тоже никогда не смогла бы освободиться от иудаизации и отчуждения в плане содержания и кадров».

Точно так же концентрация всех национальных сил на решении научно-технических, политических и военных задач,

которая опять-таки была исторически необходима, на первых порах оказывала тормозящее влияние на развитие Национал-Социалистической науки. Необходимая концентрация сил на непосредственной борьбе за существование как магнитом притягивала наиболее активные силы молодой интеллигенции к промышленности, партии и Вермахту.

Однако сколько бы причин времени ни тормозило это развитие, решающим фактором являются не временные ограничения, а возможности развития связи между Национал- Социалистической идеей и немецкой наукой.

И здесь предпосылки принципиально иные, чем у большевизма. Большевизм вынужден догматически подчинить себе науку, поскольку утопические и фиктивные основы его міровоззрения несовместимы со свободным научным исследованием и познанием действительности.

Марксизм начинается с нереального догматизма еврея Маркса, с еврейской утопии о господстве над міром принудительных экономических законов диалектического материализма. Национал-Социализм начинается одновременно с интуитивного видения и с научного обезпечения закона реальности: открытия законов расы и наследственности.

Не еврейская конструкция, а революционный научный и интуитивный опыт стоит в начале Национал-Социализма. Таким образом, уже в своих истоках он является одновременно носителем политической и духовно-научной революции. Марксизм должен запретить свободную науку и исследования, поскольку свободное исследование его основ должно привести к разрушению этих утопий. Интеллектуальный террор является предпосылкой его идеологического господства. Национал-Социализм начинает с одинаково исследованного и интуитивного знания и поэтому может отпустить науку на волю ее самых смелых последствий. Мы убеждены, что именно самые точные и трезвые исследования дадут самые убедительные доказательства правильности нашего естественно-исторического, а значит, и расово-этнического

міровоззрения. С наукой нас объединяет не внешняя связь целей, а внутреннее родство, общее отношение к природе и жизни, общая приверженность космическому порядку, утверждение реальности и ее законов. Мы вместе исповедуем законность природы и против магии и колдовства, за реальность и против утопии, за исследование и против догматизма. Приверженность науке - это не просто внешнее намерение, а выражение Национал-Социалистических взглядов. Служение Национал-Социализму - такая же задача науки, как признание и утверждение науки - требование Национал-Социалистической этики.

Поэтому эта формирующаяся тотальность Национал-Социализма никогда не сможет и даже не должна будет обойтись без образования и науки. Несмотря на все запреты времени, даны внутренние возможности для все более прочного единения Национал- Социализма и науки, а значит, и для одной из предпосылок завершения революции XX века. Не надо к нам подходить с фразой, что мы, мол, хотим того же, что и большевизм, потому что нас тоже несет воля к тотальности. Здесь применима только старая поговорка: когда двое делают одно и то же, это далеко не одно и то же. Национал-Социалистическая и большевистская тотальность различаются так же, как различаются насилие и террор, идеал и идеология, еврейский материализм и героический реализм - по форме и по содержанию, - так же, как германизм и еврейство в конечном счете различаются по сути и по форме.

Поэтому этот процесс внутреннего проникновения Национал-Социализма и науки нельзя ни форсировать, ни остановить силой. Несмотря на все ограничения настоящего времени, в научных исследованиях и науке незаметно происходит революция, которая в перспективе окажется не менее важной и влиятельной, чем видимая всем политико- организационная перестройка и реорганизация. Различные научные дисциплины, например, изучение расы и наследственности, предыстория и ранняя история, фольклор и т.д., были соз-

даны Национал-Социализмом только заново или им было предложено реальное воплощение. Кроме того, революция все больше охватывает все дисциплины, особенно гуманитарные, и когда-нибудь найдет свое высшее совершенство в концептуальном образе нашего міровоззрения, в Национал-Социалистической философии.

В научном плане Национал-Социализм не уничтожил существующее и не устранил его путем искусственного замещения, а приобрел интеллектуальное наследие европейской истории, чтобы овладеть им, революционно обновить его и придать ему дальнейшую форму.

Развитие от монистического спиритуализма и монистического материализма к германскому реализму нашего времени - это одновременно и путь к обновлению культуры, к преодолению искусственной тотальности через присущее нам единство и тотальность нашего бытия.

Не может быть смыслом міровой истории то, что зверская сталинская солдатня и безкультурные рузвельтовские бандиты получают в качестве добычи Европу, а иудаизм окончательно захватывает міровое господство. Напротив, мы верим, что из страшных тягот нынешней борьбы строится новый мір, что страдания и несчастья нашего времени - это лишь зародыши всеохватывающей революции и реорганизации европейской культуры.

Культура и Техника

На пике принятия глобального политического решения Москва и Вашингтон все теснее сближаются. То, что давно готовилось идеологически, повторяется в конкретной политике. Несмотря на все индивидуальные природные контрасты, советизм и американизм объединяет общая материалистическая установка. Рикардо нашел свое воплощение в США, а Маркс - в Советском Союзе. Как Маркс и Рикардо сходятся на экономической основе, так и материалистическая плутократия и материалистический коллективизм раз-

личаются не фундаментально, а лишь организационно и по методам руководства.

Но обе эти силы были бы нежизнеспособны на основе одного лишь материализма. Это доказывает всю однобокость и половинчатость материалистического монизма, что он никогда сам по себе не может стать основой существования даже тех держав, которые возвели его в принцип всего сущего и действующего. Материалистический американизм не может существовать «сам по себе», он должен преобразить свой долларовый фанатизм христианским патриотическим ореолом. Денежный драйв дополняется псевдорелигиозными гарантиями. Лживое сектантство освящает бизнес и парализует совесть. В условиях материализма невозможно полностью отрешиться от міра «идеального», но на место подлинных идеалов приходит суррогат идей. Сила и импульс идеалистической этики заменяется магическими идолами. Рузвельтовское христианство и вашингтонский шовинизм занимают место подлинного политического героизма.

На фоне этих фактов становится заметным взаимодополнение современного иудаизма и древнееврейского закона существования.

Капитализм Рикардо и древнеиудейская «религия» оказывают друг другу экзистенциальную помощь. Библия и биржа, религиозный и экономический раввинизм создают своеобразную, в конечном счете биологически - обусловленную компенсацию друг друга. Панамериканский империализм основан как на сектантстве, так и на долларовом материализме.

Даже Советский Союз не может существовать только на основе интеллектуальной мощи диалектического материализма. Пространство идеала должно быть заполнено.

Христианско-религиозное. Компенсации там не может и не должно быть. Держава, ставшая великой в агитации против всего религиозного, не может дать религиозному более широкое пространство, не подвергая себя опасности в долго-

срочной перспективе. Поэтому советское государство ищет свою незаменимую идейную замену в навязанном большевиками панславизме.

Этому не противоречит и тот факт, что православный церковный цирк также временно предоставляется по агитационному принуждению. Это предприятие будет закрыто, как только причины, заставившие его открыть, потеряют актуальность. **Советский же шовинизм, как никакой другой лозунг, находит готовность в инстинктах восточных людей.** Здесь интеллектуалистический художественный продукт диалектического материализма получил мощнейшую защиту и дополнение в природных инстинктах и либидинальных силах.

В результате такого сочетания материалистического отношения к бытию с псевдорелигиозными или шовинистическими идолами - и в США, и в СССР - возникает политическое насилие, безусловно, сильное в бытии, но не культуры, а ее противоположности - *модернизированного варварства*.

То, что эти державы обладают огромной техникой и количественно мощной наукой, не является доказательством против варварства. Прежде всего, советское государство доказывает, что варварство вполне способно сочетать себя с уже изобретенной техникой и с чужой наукой, что варварству удается здесь использовать творения культуры, техники и науки во враждебных культуре целях.

Это наглядно подтверждается тем, что на этом духовном примитивизме удалось вырастить свой собственный советский интеллект, злоупотребляя средствами европейской культуры. С этим тесно связан советский техницизм и механицизм. Техника, как никакое другое творение культуры, передаваема, имитируема и может быть затем увеличена в количестве почти без предела. Особенно когда технический и промышленный прогресс: становится почти исключительной целью жизни, когда техника отрывается от своей естественной связи со всей культурой и возводится в единственный принцип существования. Большевизм был идеологически

подготовлен к такому развитию событий, как никакая другая власть на земле. Но и здесь не индустриальные условия производства породили идеологию, а материалистическая, механистическая идеология создала наилучшие предпосылки для «индустриальной культуры».

Существует внутренняя взаимосвязь между механистической закономерностью экономического материализма и материальной закономерностью техники. Даже в своих утонченных методах техника остается выражением законов неорганического.

Даже самая тонко сконструированная машина не достигает законности самой примитивной стадии органической жизни. Поскольку диалектический материализм также не в состоянии духовно выйти за пределы количественно-механического, а духовно движется только в рамках материальной законности, он является **философской противоположностью техницизма**.

Подобно тому, как материальное имеет фундаментальное значение для существования целого, включенного в иерархию культуры, техника является решающей силой «германского» самоутверждения и жизнеустройства. В большевизме, напротив, материальное является актуальным принципом бытия, а техника, изолированная от культуры, - сущностным содержанием жизни. Материальное уже не лежит в основе бытия, бытие ограничено материальным. Технология больше не служит жизни, жизнь вынуждена служить технологии. Бытие сводится к материи, жизнь - к технике. Это самая опасная форма современного вырождения.

Материализм и техницизм - внутренне германские - усиливают друг друга. Таким образом, техника, оторванная от органического контекста жизни, становится смертельным врагом той культуры, которой она обязана своим происхождением. В военных операциях эта смесь «механистической идеологии и индустриализма стала міровой опасностью.

Варвар захватил оружие культуры, чтобы обратить его против культуры. Техника - жизнеутверждающая в своих

органических связях - становится жизнеразрушающей в материалистической изоляции: количественно-механическая сила, но со всей силой механически-количественной. Взрывная мина сильнее культурной конструкции. Взрыв неорганических сил количественно мощнее роста органической формы. *Бетонный бункер в военном отношении сильнее готического собора. На этом принципе основана власть большевиков.*

Эти факты заставляют солдат Европы вступать в жестокую схватку: качество против количества, цивилизация против примитивности, культура против механицизма.

Безрассудно, на протяжении тысячелетий, Европа осыпала всю землю изобретениями и творениями своей культуры. С гениальным безрассудством она открыла всем секреты своей технологии. В преступных руках своих смертельных врагов технология превращается в угрозу для жизни той культуры, которая когда-то ее породила. Пусть это будет грозным предупреждением. Будущее Европы будет окончательно обезпечено только тогда, когда она станет достаточно могущественной, чтобы не допускать использования своих культурных достижений в противоречии со своими властно-политическими интересами. В разгар войны становятся очевидными возможности пока еще немыслимой технической революции. От того, будет ли Европа доминировать в этом развитии или окажется поглощенной им, зависит экзистенциально. Возможно, однажды все будет зависеть от того, что никто не получит больше культурного наследия нашей расы, чем он готов отдать в качестве дани европейскому суверенитету. Только тогда можно будет гарантировать, что после тысячелетий расточительства культура, наконец, будет служить тому, кто ее создал. Это в интересах всего человечества, ибо с уничтожением своей культуросозидающей расы оно уничтожает само себя.

Война на Востоке преподала Европе как культурной державе урок самой страшной остроты: культура не должна

разоружаться, дух и власть не должны больше разделяться, культура и политика «всегда должны составлять единство, по историческому принуждению мы можем отказаться от культуры в пользу власти, *но никогда не должны развивать культуру за счет власти.* В политике власти, по крайней мере, сохраняются зародыши культуры, а безвластие уничтожает культуру в корне.

Власть сама по себе не порождает культуру, но в условиях плутократического и большевистского варварства перезрелая культура Европы может сохраниться только в безусловном содружестве культуры и власти. В міре самых современных технологий возможна власть без культуры, но не культура без власти. Еще не поздно. Верно, что власть без культуры сильнее, чем культура без власти. А вот единство культуры и власти всегда будет сильнее варварства, поэтому еще не поздно. Превосходство Европы заключается в благородстве ума, в творческом и конструктивном использовании технологий. Поэтому гений по-прежнему превосходит интеллект, раса - массу. Но только потому, что в последний момент культура и сила вновь объединились.

В это время германская культура наиболее решительно защищается не в храмах искусства и не в академиях ума, а на фронте, где гренадеры империи сражаются, проливают кровь и побеждают.

Значительной частью документов, особенно для 4-го раздела «Советская интеллигенция», я обязан айнзатцштабу, которому Райхсляйтер Розенберг в соответствии с указом Фюрера поручил провести на оккупированных территориях расследование деятельности наднациональных держав. Изображения Маркса, Ленина и Сталина также взяты из этого материала, т.е. из оригинальных советских русских работ.

Автор

Переведено Независимым Сообществом «Нац.-Соц. Рутения»

ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА АВДЕЕВА: ГЕНРИХ ХЕРТЛЕ

Среди авторов, работы коих так или иначе В.Б.Авдеев «планировал к публикации», был проф. Генрих Хертле (нем. Heinrich Härtle; 24 февраля 1909, Ашау-им-Кимгау, Бавария — 11 января 1986, Мюнхен, Бавария). В архиве Вл.А. сохранилась рукопись А.М.Иванова, по заказу Авдеева переведшего «биографическую справку» на Г.Х. из солидной справочной книги «Философы в Третьем Рейхе» (1990). Ниже – воспроизводится подготовленная А.М.И. «справка». К изложенному там стоит добавить, что Г.Х. в качестве идеолога в период Третьей Империи, основную известность получил как эксперт по марксистско-ленинской политической философии и идеологическим вопросам, связанным с противостоянием большевизму. В 1944 году Хертле возглавил «Сообщество по изучению мiровой большевистской опасности» и выпустил обобщающую работу на эту тему — «Идеологические основы большевизма» (1944). Книга была высоко «оценена кем-надо» и представлена самому Фюреру. Перевод именно этой книги и составляет основу настоящего издания серии «Библиотека Владимира Авдеева»… Следует отметить, что в русском переводе имеется ещё одна книга Г.Х.: Хертле Г. От Эроса к порнографии. Греция и Рим предупреждают / Пер. с нем. яз., предисл., коммент. А.Н. Савельева. Монтевидео: Anabasis, 2025). Книга включает в себя перевод двух работ ГХ: «Rom und Hellas warnen!: Erotik und Entartung in den antiken Kulturen» (Muenchen, 1972) и «Die sexuelle Revolution: Genosse Porno regiert» (Hannover, 1971). В первой книге Хертле описывает общее падение нравов, массовый разврат и разложение патриархальной семьи в Древнем Риме на рубеже тысячелетий. “Он, – пишет в предисловии А. Савельев, – попытался показать на примере античности, каким образом цивилизация клонится к закату и какую роль в этом играет

культурный эротизм и сексуальное поведение" (С. 8). Во второй книге Хертле делает "однозначный вывод о совпадении порнографического растления и задач захвата власти левыми партиями. На пути к власти они стремятся к всяческому разложению общества, а во власти разделяют мораль для общества и для себя" (С. 23). Другими словами, на примерах Древней Греции и Древнего Рима, средневековой Европы и, наконец, современного общества автор рассматривает сексуальность как таковую и её девиации, пределы этических норм, а также религиозные и антирелигиозные тенденции, неразрывно связанные с пониманием эротического и сексуального. Напомним также, что одно время А.Н.Савельев выступал как со-работник и со-издатель вместе с Вл.Авдеевым (так, ими совместно был подготовлен «прорывной» сборник «Расовый смысл Русской Идеи» (первое изд. датировано 1999 г.)). Кроме того, Андрей Савельев в составе сборника «о Ницше» обнародовал работу ГХ «Философия Ницше и Национал-Социализм», идею издания которой также в своё время вынашивал Авдеев (см.: Боймлер А., Хертле Г., Розенберг А. Ницше: Взгляд в бездну: Науч.-мемор. изд. / Пер. с нем., предисл. и коммент. А.Н. Савельева. Монтевидео: Anabasis, 2025).

***

Генрих Хертле. Биографические данные из книги Моники Леске «Философы в Третьем Рейхе», Диц Ферлаг, Берлин, 1990, стр. 256-257.

Родился в 1905 г. В 1927 г. вступил в НСДАП, был секретарём А.Розенберга. 1933-36гг. – студент Высшей политической школы НСДАП. До 1939 г. – начальник отдела в главном школьном ведомстве Трудового фронта, с апреля 1939 по 1945 гг. референт, а с апреля 1941 г. – временный руководитель отдела науки в ведомстве Розенберга, позже – начальник сектора. С 1944 г. возглавлял отдел «сверх-государственных сил», с подразделениями «еврейство» и «большевизм» в ведомстве Розенберга. В ФРГ в 50-х гг. нашёл новое поле дея-

тельности, много печатался в неонацистских органах в старом духе, пытался реабилитировать А.Розенберга. За свои заслуги получил премию Шиллера от Германского культурного общества и премию Гуттена от Общества свободной публицистики. Был почётным членом Академии культуры и образования. Жил до 1984 г. в Мюнхене. Основные работы: «Национал-социалистические основы трудовой политики» (1936). «Немецкий рабочий и папская социальная политика» (1937). «Профессионально-сословные объединения как орудие власти политичсеского католицизма» (1937). «Ницше и национал-социализм» (1937). «От сословного государства к господству духовенства. Сведение счётов с Отмаром Шпанном» (1938). «Отмар Шпанн, философ христианского сословного государства» - НСМХ, 1938, №101. «Міровоззрение и наука» - НСМХ, 1939, №114. «Большевизм как наука» - НСМХ, 1941, №137. «Национал-социалистическая философия?» - НСМХ, 1941, №138 [НСМХ – сокр. от «Национал-социалистише монатсхефте»]. «Идеологические основы большевизма» (1944). Эта работа вышла в 1955 г. в изд. Гольштейн, Гамбург, под псевдонимом «Герберт Штейнберг» и под другим названием: «Марксизм-Ленинизм-Сталинизм». «Великая Германия. Мечта и трагедия. Розенберг как критик гитлеризма» (1955/1970). «Оправдательный приговор Германии. Наши солдаты перед Нюрнбергским Трибуналом» (1965). «Война Америки против Германии» (1968). «О чём умалчивает «Холокост»» (1979). «Х.Ст.Чемберлен. К 125-летию «провидца из Байрейта»» («Клюгер Блеттер», 1980, №9). Многие статьи в неонацистских газетах: «Дойче Вохенцайтунг», «Дойче Нахрихтен» и «Клюгер Блеттер» (где он был постоянным сотрудником).

Там же, стр. 46-47. Отдел науки в ведомстве Розенберга с 1934 по 8 апреля 1941 г. возглавлял А.Боймлер. Боймлер сам просил Розенберга о переводе на другую работу, так как в его издательской деятельности ему постоянно мешал начальник штаба Розенберга Урбан. Временно на место Боймлера был

назначен Генрих Хертле. Когда Урбана взяли в армию, Боймлер попытался вернуться на старое место, но Хертле этому помешал. Официальным преемником Боймлера в 1942 г. был назначен Вальтер Гросс.

Молодой, энергичный и властный Хертле вместе со своим союзником В.Гроссом целенаправленно оттесняли Боймлера. Характерные особенности Боймлера, которые постоянно втягивали его в конфликты с другими ведомствами, стали для Хертле желанным предлогом.

***

Приложение: *В сборнике «Философия Вождизма», подготовленном и изданном Вл.Авдеевым прижизненно, была помещена ещё одна работа Г.Х. «Философия и политика» также в переводе А.М.Иванова. Воспроизводим её ниже.*

Генрих Хертле

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

Платон мастерски нарисовал нам портрет философа, который и сегодня живёт в общем представлении о философе как о человеке, далёком от міра и действительности, комичном с точки зрения практиков, безпомощном в повседневной жизни и думающем только о сути «бытия». Но это прекрасная характеристика философии самого Платона, его философ – это воплощение «учения об идеях». Этот Платон, а не Платон, заново открытый со времён Ницше, Платон «учения об идеях» продолжает жить в христианско-немецкой философии нашего времени. Учение об идеях сыграло решающую роль в образовании той германско-христианской мешанины западного духа, которая сделала возможными секуляризованную теологию и теологическую философию. Подобно тому, как учение об идеях воспринималось как близкое отцами церкви и их философскими попутчиками, так и философ идеалистического, точнее спиритуалистического направления сродни священнику. Философы церковных догм и теологи учения об идеях, мыслители патристики и схоластики и жрецы абсолютной онтологии

имеют между собой много общего, и это общее побуждает их к принижению реальности, историчности, становления, судьбы. Из-за этого смешения священника и философа, теологии и философии философов и философию до сих пор часто неправильно понимают. Философия, которая разрывает самого человека на абсолютное и относительное, на бытие и становление, идею и существование, с самого начала потеряла путь в мір реальности. Политик стал профаном в теории, а философ – карикатурой на политика. Разумеется, всегда были и будут типологические различия между людьми теории, рождёнными для жизни в мірe идей, и людьми, предназначенными природой для практической деятельности. Но столь непреодолимый разрыв между теорией и практикой, мыслью и действием, философией и политикой был внесён в европейскую жизнь только чужеродным христианско-идеалистическим духом. Философ в изображении Платона это уже вырождение. В здоровые времена языческих культурных народов, греков и римлян, философия и искусство, политика и философия, государство и дух образовывали общие основы всей культуры, и философия обладала царскими правами. Ницше, который заново открыл греческий мір и истолковал философию досократиков, восславил её как «философию государственных людей». И в немецкой истории Фридрих II соединял в себе властителя и мыслителя. Чужеродный идеалистически-христианский дух не смог настолько оторвать философию от политики, чтобы, несмотря ни на что, взаимодействие идеи и истории, философии и политики не стало важной составляющей европейской истории. И в духовной истории Европы несмотря ни на что, взаимодействие идеи и истории, философии и политики не стало важной составляющей европейской истории. И в духовной истории Европы несмотря на спиритуалистический и схоластический раскол реальности сохранялись взаимосвязи между политической судьбой и философским познанием. Ни одна из великих ев-

ропейских революций немыслима без теоретической, духовно-философской подготовки или обоснования. Связь философии эпохи Просвещения с её политическими последствиями, связь Просвещения и Реформации, Просвещения и либерализма, связь просветительской философии и марксизма неопровержимо доказывают, что не только история определяет философию, но и философия формирует историческую действительность… При господстве церковного міровоззрения философия была служанкой теологии. Но и эпоха Просвещения не вернула философии приличествующего ей положения. Целостное средневековое міровоззрение не удалось заменить новым. Просвещение потрясло теологию, но одновременно помешало философии занять центральное положение. С преодолением теологии философия должна была стать главной наукой. Вместо этого она сама распалась на разные направления и системы. Конкретные науки всё больше отходили от неё и становились самостоятельными… …Многие люди, находясь под воздействием далёкой от жизни идеалистической философии, ставят под вопрос философию вообще. В лучшем случае философию признают как «средство для достижения цели»… Но значение философии не исчерпывается тем, что она должна быть средством достижения политической, педагогической или иной цели. Философия не только средство достижения цели, но и самоцель, жизненная ценность, которая находит обоснование и оправдание в себе самой. Не только философия должна служить жизни. Нет, она сама жизнь, духовная жизнь, которая познаёт реальность в полном объёме, это мысленное завоевание міра человеком. Это нужно сказать, прежде всего, тем пишущим шарлатанам, которые воображают, будто это уже достижение – чего-то не уметь, которые, будучи сами неспособными к философии, забрасывают её грязью, и хотели бы уничтожить её, потому что она им не даётся. Другие полагают, что будут выглядеть правоверными национал-социалистами, если объявят фило-

софию «преодолённой», и хотели бы заменить её мировоззрением. Но любая попытка научно-систематической формулировки и обоснования мировоззрения неизбежно ведёт к философии. Человеческий дух не может ориентироваться на примитивный уровень людей, которые не могут понять, что мировоззрение должно быть научно сформулированной философией и может быть только философией… Но мы предостерегаем от стирания граней между мировоззрением и философией. Они различаются по степени ясности, точности, обоснованности и так далее. И это различие сохранится, поэтому философия не должна быть преодолена с помощью мировоззрения или заменена им. Новое мировоззрение – импульс для создания новой философии… Победить философию противника можно только стоя на почве собственной философии… В первые годы революции часто из-за разочарования в философии определённого типа высказывалось мнение, отдельные сторонники которого есть и сейчас, что философию могла бы заменить какая-либо конкретная наука: биология, расология, антропология и так далее. Но чем больше учёные пытались сделать в своих областях радикальные выводы, исходя из нашего мировоззрения, тем лучше они понимали, что действительно мировоззренческая революционизация всех наук невозможна без философии. Это, разумеется, не значит, что философия должна предписывать конкретным наукам их методы, но закономерности конкретных наук и их конечные выводы могут быть сведены воедино и систематизированы только философией. Даже столь близкая к философии наука, как психология, может сделать ещё множество открытий, но она сама никогда не сможет дать определение личности и описать её суть, как социология не разъяснит до конца отношения между личностью и обществом. Если какая-либо конкретная наука попытается решить философские задачи, она сама станет философией… Это относится и к религиоведению. Философия это, в конечном счёте,

лишь другое название системы. И в этом вопросе есть много курьёзных неясностей. Система это не догматизация, а единство всех отдельных понятий и проблем. Философия как центральная наука имеет систему своей предпосылкой. И в этом она отличается от міровоззрения не по сути, а по степени научной обоснованности, логической доказанности. Под влиянием Канта и особенно неокантианства философию пытались свести к критике познания. Сегодня этот подход преодолён. Как конкретная наука не может заменить философию, и так и отдельная отрасль философии не может заменить философию в целом… Философия во все времена была творением гениальных философов, то есть отдельных личностей. Сама собой на базе міровоззрения она не возникнет… Философия это откровение расы, которое открывается через личность… Было бы обеднением философской жизни будущего, если бы она лишилась того многоцветия, которое придаёт ей столкновение мнений великих философов… Но у каждого такого философа, при всём его величии, есть и свои пределы. Субъективная вера в себя приводит к определённой односторонности… Это одно из условий философского развития, ценное само по себе, если оно не выходит за пределы философии и науки и не предъявляет на философской основе политические претензии. Притязания на философскую монополию затормозили бы развитие философии, сделали бы её безплодной. Отдельный философ, веря в себя, может считать свои мнения единственно правильными, а все прочие – ложными, ненаучными и так далее. Но будет вредно, если он начнёт оказывать влияние на научную политику в области философии… История философии доказывает, насколько в каждой философии выражает себя её творец. Каждая великая философская система отражает до мелочей характер своего создателя. Кант никогда не мог бы создать философию Лейбница, Лейбниц – философию Фихте, а Гегель – философию Ницше… Было бы плохо, если бы развитию новой философии помешали

замаскированные под национал-социализм папизм или догматизм. Хотя философия и политика тесно связаны друг с другом, редко встречаются личности, которые могли бы одинаково успешно работать в обеих областях. Почти все великие философы были гениальными одиночками. Канта невозможно представить в роли активного политика. Фихте запретил бы все философские теории, кроме своей. Для Ницше участие в политике было бы невыносимым, Шопенгауэр как ректор университета стал бы посмешищем. Следует положить конец давно распространённой в наших научных кругах манере объявлять мнения оппонентов ненаучными… Те, кто определяет политику в области науки, должны стимулировать борьбу мнений, но стоять выше групповщины… В борьбе рождаются все плодотворные философские познания и только искры от этой борьбы зажигают дух. Ошибок и преждевременных формулировок не избежать, но надо иметь мужество давать такие формулировки. Плодотворней всего борьба с противниками в области философии… Для того, кто видит в смерти только способ бегства из земной юдоли, вечное блаженство и избавление от страданий и борьбы, смерть – не жертва. Герой в подлинном смысле слова лишь тот, кто отважно идёт на смерть, зная, что эта жизнь – единственная… Он умирает с верой в то, что развитие науки и философии в Германии приведёт к тому, что немецкий дух в виде философии будущего станет міровой философией. Некогда мы считались только народом поэтов и мыслителей, и никто не смел оспаривать міровое значение Лейбница, Канта, Гегеля, Ницше. Мы и впредь будем народом поэтов и мыслителей, но также народом политиков и солдат. Веря в неисчерпаемые творческие силы немецкого духа, мы верим, что и философия получит сильный импульс и вместе с новой философией появится и новый тип философов.

(см. подр.: В.Б.Авдеев. Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению. М.: Белые альвы, 2006 (серия: Библиотека расовой мысли)

Генрих Хертле. Биографические данные из книги Моники Леске „Философы с Третьем Рейхе", Дитц Ферлаг, Берлин, 1990, ст 256-257.

Родился в 1905г. в 1927г. вступил в НСДАП, был секретарем А. Розенберга. 1933-36 - студент Высшей политической школы НСДАП. До 1939г. - начальник отдела в главном школьном ведомстве Трудового фронта, с апреля 1939г. по 1945г. референт, а с апреля 1941г. - временный руководитель отдела науки в ведомстве Розенберга, позже - начальник сектора. С 1944 года возглавлял отдел „сверхгосударственных сил", с подразделениями „еврейство" и „большевизм" в ведомстве Розенберга. В ФРГ с 50-ых годов нашел новое поле деятельности, много печатался в неонацистских органах в сером духе, пытался реабилитировать А. Розенберга. За свои заслуги получил премию Шиллера от Германского культурного общества и премию Густава от Общества свободной публицистики. Был почетным членом Академии культуры и образования. Умер до 1984г. в Мюнхене. Основные работы: „Национал-социалистические основы Трудовой политики" (1936). „Немецкий рабочий и папская социальная политика" (1937). „Профессиональные-сословные объединения как орудие власти политического католицизма" (1937). „Ницше и национал-социализм" (1937). „От сословного государства к господству духовенства. Сведение счетов с Отмаром Шпанном" (1938). „Отмар Шпанн, философ христианского сословного государства" - НСМХ, 1938, № 101. „Мировоззрение и наука" - НСМХ, 1939, № 114, „Большевизм как наука" - НСМХ, 1941, № 137, „Национал-социалистическая философия?" - НСМХ, 1941, № 138.

Генрих Хертле

Идеологические основы Большевизма, Марксизма, Ленинизма, Сталинизма

«Библиотека Владимира Авдеева»

Гарнитура Times New Roman
Объём 13 печ. л.
Печать офсетная.
Пробный тираж 100 экз.
Заказ №796

Библиотека Владимира Авдеева

Макс Вундт

Раса как предмет философии истории

МИД
ОСОЗНАНИЕ

Леон Дегрелль

ВТОРАЯ МИРОВАЯ:
взгляд европейца